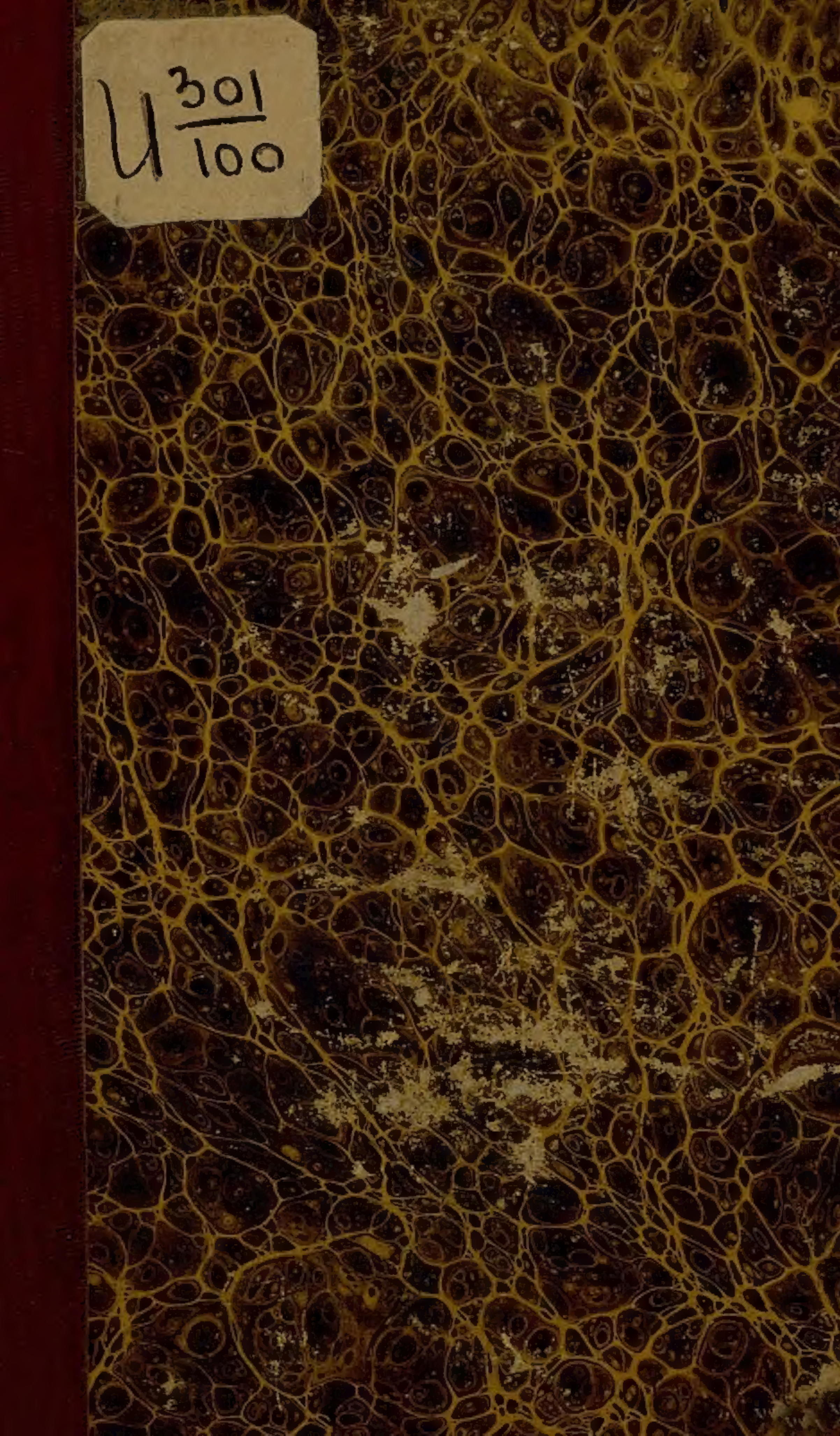


ДОСТОПАМЯТНЫЯ

И

ЛЮБОПЫТНЫЯ

БУМАГИ,

НАЙДЕННЫЯ

В АРХИВѢ БАСТИЛІИ,

СЛУЖАЩІЯ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ НѢКОТОРЫХЪ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

МОСКВА,

Въ Типографіи Рѣшетникова

1833.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ.

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва 1828 года. Генваря 28 дня.

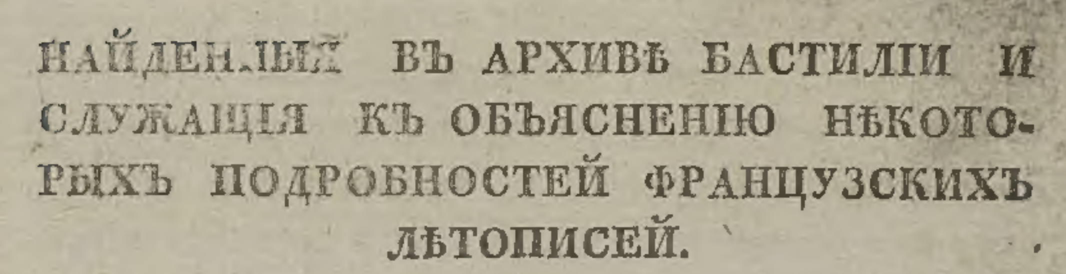
Цензоръ Глинка.

Иждивеніемъ братьевъ Кузнецовыхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ
И
ЛЮБОПЫТНЫЯ
БУМАГИ,



НАЙДЕННЫЯ ВЪ АРХИВѢ БАСТИЛИИ И СЛУЖАЩІЯ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ НѢКОТОРЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

I.

Слѣдствіе, произведенное надъ Министромъ Финансовъ и Генералъ - Интендантомъ Фуке.

Онъ былъ взятъ подъ стражу въ Нантѣ 5 го Сентября 1661 года въ то самое время, когда шелъ изъ Королевскаго Тайнаго Совѣта, у него отобраны были всѣ бумаги, посадили въ карету и привезли въ Ангресъ; въ тоже время и домъ его окруженъ стражею, супруга его получила приказаніе отправиться въ Лимогесъ. Тогда же другой офицеръ арестовалъ Пеллисона, повѣреннаго Господина Фуке, его бумаги были также взяты и запечатаны, Фуке отвезенъ въ замокъ Ангресъ,

гдѣ его весьма строго охраняли, дабы онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ ни писменнаго ни личнаго сношенія; заболѣвъ опасно потребовалъ онъ духовника; но ему въ омомъ отказано было; въ первые дни его выздоровленія перевезли его въ замокъ Амбоазъ; онъ пробылъ тутъ до праздника Рождества Христова 1662 года, послѣ сего былъ отвезенъ въ Винценну, гдѣ его еще строже содержали; 3 го Марта 1662 Господинъ Толонъ Генералъ-Прокураторъ Юстицъ-Коллегіи объявилъ въ семъ Присудствіи, что по учиненному изслѣдованію и по повѣркѣ щетовъ оказалось, что Фуке виновенъ во многихъ злоупотребленіяхъ и измѣнахъ, что онъ употребилъ во зло важность и довѣренность, сопряженныя съ званіемъ, что онъ расхитилъ казну, за что и достоинъ наказанія; какъ врагъ пользы общественной; онъ предложилъ послѣ сего, чтобъ виновному позволили оправдаться противъ сихъ обвиненій. Фуке оградилъ себя при самомъ началѣ слѣдствія протестами. Когда ему объявили постановленіе отъ 2 го Ноября; то Коммисія позволила сообщить ему весь ходъ дѣла. — Фуке воспользовался письмомъ, въ которомъ ему позволено было 6 го Октября, чтобы здѣлать нѣсколько замѣчаній на краю описей учиненныхъ въ его домахъ и повѣренныхъ его. Онъ написалъ также нѣсколько замѣчаній на сообщенныхъ ему опредѣленіяхъ, которыя, желая учинить гласными вмѣстѣ съ возраженіями своими, вошелъ онъ въ совѣтъ съ прозьбою напечатать оныя; но едва приступлено было къ печатанію первыхъ двухъ тетрадей, какъ Колбертъ приказалъ одному Коммисару взять оныя у типографщика.

Изъ башни Винценской, Фуке отвезенъ былъ въ Бастилію 18го Іюня 1663. Господинъ Артаньанъ, которой его схватилъ въ Нантѣ 5го Сентября 1661 и потомъ провожалъ его въ Ангресъ, Амбоазъ Винценну, и наконецъ привезъ его въ Бастилію. Во все это время онъ не отходилъ отъ плѣнника и остался даже съ нимъ и въ Бастиліи. Онъ имѣлъ при себѣ отъ 25 до 30 Мушкетеровъ, изъ которыхъ по три человѣка занимали ежедневно караулъ, одинъ на башнѣ, другой на подъемѣ большаго моста, которой до того былъ противъ самаго окна его комнаты, а третій въ саду, изъ котораго здѣланъ былъ Бастіонъ. Господинъ Артаньанъ спалъ въ комнатѣ плѣнника и ни на минуту не отлучался отъ него. 14 го Ноября Фуке былъ первый разъ приведенъ въ Коммисію для допроса. Онъ сѣлъ на маленькій стулъ бѣдныхъ преступниковъ, хотя и было приготовлено подлѣ сего другое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ сѣсть, естьли бы хотѣлъ. Протестуя снова противъ Коммисіи, ибо утверждалъ, что одинъ только Парламентъ можетъ его судить, онъ объявилъ однако, что почитаетъ членовъ Коммисіи людьми благородными, и что ему очень пріятно ежели имъ извѣстна сущность дѣла. До 4 го Декабря того года былъ онъ на одиннадцати или двѣнадцати допросахъ, кои относились болѣе къ похищенію казны и продажѣ Нормандскаго сахара; на всѣ сіи пункты онъ давалъ удовлетворительные отвѣты, когда же его спросили, какъ онъ могъ въ два года употребить 18 милліоновъ для домашнихъ своихъ расходовъ, какъ то явствовало изъ расходной книги его управляющаго: то онъ смутился сначала; но отвѣчалъ

потомъ, что управитель кромѣ его хозяйства имѣлъ еще и посторонніе порученія, и что чрезъ его руки проходили весьма значительныя суммы, иногда для потребностей самаго Короля.

Что же касается до дамскихъ писемъ, которыя найдены будто бы въ бумагахъ его и которыя мы ниже сего сообщимъ, то Фуке утверждалъ, что онѣ подложены, и не иное что какъ хитрость его непріятелей. 4 го Декабря Фуке былъ снова у допроса и ему прочитали проектъ писанный его рукою. „Вы видите, сказалъ одинъ членъ Коммисіи по окончаніи чтенія, что ваше усердіе къ государству, о которомъ вы намъ такъ много твердили, совсѣмъ не такъ велико. Фуке отвѣчалъ: сіе сочиненіе содержитъ мысли, возбужденныя во мнѣ отчаяніемъ, въ которое меня часто ввергалъ Кардиналъ низкою своею неблагодарностію, хотя я болѣе всѣхъ способствовалъ возвращенію его во Францію; въ моихъ бумагахъ я имѣлъ одно письмо отъ него, которое бы доказало истину словъ моихъ; но меня лишили сего; я весьма нещастливъ, что не сожегъ гнусное сіе сочиненіе, о которомъ совсѣмъ забылъ; я опровергаю содержаніе его отъ всего сердца и заклинаю васъ вѣрить, что моя приверженность къ Королю отъ того ни мало не уменьшилась. Членъ Коммисіи отвѣчалъ, что весьма трудно повѣрить чему нибудь подобному, когда въ разныя времена обнаруживаются такія упорныя мысли. Фуке отвѣчалъ: я никогда, даже съ опасностію жизни моей, не оставлялъ особы Короля, и тогда вы сами Государь мой, были Главнымъ Совѣтникомъ его непрі-

ятелей, а родные ваши доставили армiи противниковъ его свободный пропускъ.

Коммисаръ почувствовалъ справедливость укоризны и обратилъ разговоръ опять на домашнiе его расходы. Фуке желалъ доказать, что они въ отношенiи его доходовъ, которые Кардиналу очень хорошо извѣстны жалованья и имѣнья жены его никогда не превышали; въ противномъ же случаѣ подвергалъ себя добровольно самъ всякому суду; его отвели въ Бастилiю и Канцлеръ объявилъ, что онъ въ послѣднiй разъ былъ у допроса. 13 го Декабря одинъ изъ Членовъ Д'Ормессонъ подалъ свое мнѣнiе, что бы Фуке изгнанъ былъ изъ Государства навсегда, имѣнiе его обращено въ казну съ вычетомъ изъ онаго 100,000 ливровъ денежной пени; другой Членъ Сентъ-Гелене, коего мнѣнiе согласовалось съ первымъ, полагалъ однакоже, что, хотя Фуке по уличенной растратѣ денегъ общественныхъ и заслужилъ изгнанiе, но какъ Государственной преступникъ подлежалъ только казни; въ четвертокъ другiе шесть Членовъ Коммисiи приговаривали его также къ смерти; но седьмой былъ мнѣнiя Д'Ормессона, къ нему присоединился еще одинъ; а какъ девять голосовъ присуждали его къ смерти, а тринадцать къ изгнанiю и описи имѣнiя; то рѣшенiе всего Присудствiя остановилось на семъ послѣднемъ, съ тѣмъ однакоже, чтобъ 100,000 ливровъ денежной пени взысканы былибъ съ описаннаго имѣнiя, половина коего поступала въ казну, а другая на богоугодныя дѣла.

Когда сей приговоръ поднесенъ былъ Королю на утвержденiе, то онъ, считая опаснымъ для Государства

выпустить изъ онаго Фуке, которому извѣстны были важнѣйшія тайны и положеніе двора, обратилъ въ вѣчную ссылку на пожизненное заточеніе и приказалъ въ слѣдствіе сего, чтобъ Фуке отвезенъ былъ въ Пиньероль на Піемонтскую границу, гдѣ Маркизъ Піенне былъ Коммендантомъ.

Въ понедѣльникъ по утру привели Фуке въ Церковь Бастиліи, Господинъ Фонсо, держа въ рукахъ приговоръ сказалъ ему: Государь мой, вы должны мнѣ объявить имя ваше, дабы я могъ знать съ кѣмъ говорю, на что Фуке отвѣчалъ: вы очень хорошо меня знаете, что же касается до имяни моего, то я точно также мало имѣю желанія объявить его вамъ, какъ и въ Коммисіи, равнымъ образомъ протестую я противъ приговора, которой вы мнѣ читать будете. Отвѣтъ сей занесли въ протоколъ; Фонсо накрылся и прочелъ приговоръ, который Фуке выслушалъ съ открытой головою; чрезъ часъ послѣ того его посадили въ карету, гдѣ находились еще четыре человѣка стражи. Артаньанъ провожалъ его верьхомъ съ 50 Мушкетерами до Пиньероля, гдѣ передалъ его надзору Сентъ-Марса, которой имѣлъ при себѣ для охраненія его еще 50 человѣкъ солдатъ.

По прибытіи Фуке въ Пиньероль онъ отведенъ былъ въ замокъ, гдѣ занимался нравственными размышленіями; онъ написалъ нѣсколько таковыхъ разсужденій и сносилъ продолжительное заключеніе свое съ большею твердостію и смиреніемъ, потому что нещастіе не сдѣлало его малодушнымъ. Вскорѣ послѣ его прибытія сюда, ударило громомъ въ его темницу, опрокинуло большую часть оной, ранило и завалило многихъ особъ

находившихся въ ней, одинъ онъ остался невредимъ въ сводѣ окна.

Вѣроятно, что Фуке, привезенный туда въ концѣ 1664 года окончилъ дни свои въ семъ же мѣстѣ въ 1681 году въ послѣднихъ числахъ Февраля. Тѣло его привезено въ Парижъ и положено въ Церквѣ женскаго Монастыря Св. Маріи на большой улицѣ Св. Антонія, какъ то видно изъ списка умершихъ сей Церкви.

Просительное письмо Фуке къ Королю.

Государь! ежели справедливо, что печальнѣйшій и удрученнѣйшій человѣкъ заслуживаетъ большее сожалѣніе, то я могу съ полною надеждою повергнуться къ стопамъ Вашего Величества и быть увѣреннымъ въ помилованіи, потому что ни одинъ изъ вашихъ подданныхъ не можетъ себя чувствовать такъ униженнымъ, какъ я. Государь! меня много бѣдствій вдругъ удручаютъ, изъ коихъ одного достаточно бы было, сдѣлать человѣка въ высочайшей степени нещастнымъ; но изъ всѣхъ моихъ нещастій одно превышаетъ всѣ прочія и для меня оно такъ тягостно, что другія я считаю уже за ничто и даже жаловаться на нихъ не хочу. Другіе, Государь, представили бы Вашему Величеству, потерю ихъ мѣстъ, должностей и имѣнія, представили бы вамъ погибель семействъ, раззореніе приверженцевъ ихъ, и крайность, въ которую они сами приведены. Они съ прискорбіемъ чувствовали бы разлуку съ родными женами, дѣтьми, братьями друзьями и знакомыми; они опи-

сали бы Вашему Величеству ужасы суроваго и скучнаго заточенія, котораго тягость удвоила еще продолжительная болѣзнь и чувство страданія и горести о потерѣ свободы. Они на моемъ мѣстѣ жалобами своими изъяснилибъ вамъ несправедливости, которыя должны были претерпѣвать, и прибѣгли бы къ Королевской власти вашей, дабы воспротивиться преслѣдованіямъ и обидамъ, которымъ безъ того они подвергались, ложнымъ и подкупленнымъ свидѣтельствамъ, отобранію бумагъ, презрѣнію законовъ, насилію, различнымъ притѣсненіямъ и ругательствамъ, которыя позволяли себѣ безпримѣрно и безъ всякаго повода противъ нихъ самихъ и служителей ихъ. Иные, Государь, чувствуя себя близкими къ концу времянной жизни, умоляли бы Ваше Величество о милостивомъ вспомоществованіи къ уклоненію безчестнаго торжества, которое ихъ слишкомъ завистливые и жестокіе, но съ тѣмъ вмѣстѣ важные и хитрые непріятели намѣрены понести. Государь! всѣ сіи горести я по истинѣ могъ бы вамъ представить потому, что они всѣ постигли меня и еще жесточае чѣмъ другаго кого нибудь, но они опасны, и я нехочу ни однимъ словомъ упоминать о нихъ. Я буду молчать и молиться только о облегченіи нещастія, которое меня удручаетъ.

Государь! прискорбіе огорчить Ваше Величество, огорчить въ такое время, когда я старался служить вамъ всѣми силами, вотъ единственная причина моей печали и страданій моихъ; мнѣ больно думать, что я сдѣлался предметомъ отвращенія и гнѣва вашего, но желалъ единственно угождать вамъ и полагалъ награду

за мои заслуги въ единой увѣренности, что всѣ они полезны Вашему Величеству, что они вамъ извѣстны и что вы довольны ими, а теперь я долженъ предаться отчаянной мысли, что всѣ плоды моихъ трудовъ потеряны и что они не доходили даже до свѣдѣнія Вашего Величества.

Мнѣ не возможно, Государь, молчать о Вашемъ величіи, о моемъ усердіи къ оному, къ славѣ и особѣ вашей; сія страсть взросла со мною и никогда меня не оставляла. Я питалъ ее, я охотно жертвовалъ ей тѣмъ ежедневно, чего лишили меня силою и о потерѣ коего я не сталъ бы жаловаться, ежели бы не приведенъ былъ тѣмъ въ несостояніе жертвовать онымъ долѣе Вашему Величеству. Вамъ Государь, извѣстно, что ежели сердце могло быть когда открыто и открыто безъ притворства; то конечно то было мое сердце, когда я вамъ предлагалъ все свое имущество и вы соизволили принять часть онаго. Ахъ, Ваше Величество, я не въ состояніи былъ выразить, что во мнѣ тогда происходило, потому что не доставало и никогда не достанетъ словъ къ тому!

Соблаговолите Ваше Величество, вспомнить, что произошло въ ту минуту! вспомните съ какою готовностію и радостію я всегда исполнялъ приказанія ваши! ежели негодованіе Вашего Величества изгладило всѣхъ сихъ воспоминаній, ежели бы вамъ угодно было возобновить оныя, и положиться на собственныя сужденія токмо, то конечно Ваше Величество изволили бы усмотрѣть, какъ невозможно, чтобы тоже сѐрдце, коего движеній вы были свидѣтелемъ, было бы способно къ

преступленіямъ, въ коихъ враги мои меня обвиняютъ. Мои непріятели дерзки, но вмѣстѣ съ тѣмъ щастливы, не потому чтобы они обладали большими богатствами и другими преимущесшвами, въ которыхъ я имъ не завидую, но потому что они могутъ видѣться и говорить съ Вашимъ Величествомъ, когда и что имъ угодно, находя всегда вѣру словамъ своимъ, даже и тогда, когда собственная ихъ выгода въ томъ участвуетъ.

Государь! пусть мои враги довольствуются моимъ мѣстомъ, должностію, имѣніемъ, свободою, честію, самою жизнію моею, я доволенъ, я имъ все уступаю, я не отказываюсь даже отъ покорности, которая была бы безчестна, ежели бы не составляла обязанности христіянина; но за чѣмъ лишаютъ они меня средства доказать Вашему Величеству невинность и чувства мои, за чѣмъ они одни распоряжаются по своимъ прихотямъ тѣмъ, что мнѣ еще осталось въ нещастномъ моемъ положеніи, въ которое они меня ввергнули. Государь! сею справедливостію вы мнѣ, даже самому себѣ обязаны, вы должны доставить при смерти моей утѣшеніе, оказать сію послѣднюю услугу Государю, къ которому я имѣлъ и до конца моей жизни имѣть буду такъ много любви и усердія. Я желалъ бы, не боясь прогнѣвать Ваше Величество открыть вамъ всѣ ухищренія, которыя были употреблены противъ меня, чтобы скрыть отъ васъ истинну, дабы она никогда не достигла до свѣдѣнія вашего, истинну, которая вамъ однимъ не извѣстна и которую вы никогда не узнаете, потому что дѣла мои судятся и рѣшатся одними моими врагами; ежели Вашему Величеству угодно пока-

зать всей Европѣ, что вы сами управляете подданными вашими, то не можете, Государь, найти важнѣе сего случая. Вся Франція увѣрена, что ежели я умру, то смерть моя будетъ плодъ зависти, ревности и всѣхъ средствъ, которыя мои противники употребили, чтобы провести Ваше Величество и Господина К. . . Ежели же напротивъ того я получу облегченіе въ моемъ нещастіи, то вся Франція будетъ знать, что симъ обязанъ я буду единственно милости Вашего Величества и что мои непріятели, какъ то легко угадать можно, ничего къ тому не способствовали.

Я заклинаю Ваше Величество, какъ для вашей собственной славы, такъ изъ единаго великодушія, милостиво выслушать смиренную прозьбу нещастнѣйшаго изъ подданныхъ вашихъ, увѣриться въ истинѣ прямымъ путемъ и разсмотрѣть самимъ мои ошибки. Государь! я смертный, сознаюсь, что много дѣлалъ проступковъ; но они заслуживаютъ скорѣе прощеніе, нежели гнѣвъ Вашего Величества и никогда не могутъ сравниться съ пламеннымъ усердіемъ, глубочайшимъ почтеніемъ и тою покорностію, которыя я всегда питалъ къ Вашему Величеству; остатокъ дней моихъ, пройдетъ въ теплыхъ молитвахъ къ Небу о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и до конца оныхъ я буду благословлять имя ваше.

Въ дополненіе сей статьи прилагаю въ переводѣ письмо извѣстнаго тогда писателя Пеллисона къ Королю, въ которомъ онъ испрашиваетъ Фуке помилованіе; взято изъ chef-d'oeuvres Epistolaires.

Письмо Пеллисона къ Королю.

Ваше Величество зрите меня опять у ногъ вашихъ; новыя прозьбы, новыя слезы, новая докучливость, оне не утомятъ меня, пока Ваше Величество не согласитесь простить нещастнѣйшаго изъ подданныхъ вашихъ; вотъ уже годъ сего дня, какъ онъ подвергся первому гнѣву Вашего Величества, — печальное воспоминаніе для меня; но сегодня же исполнилось двадцать четыре года тому, когда небо совершило чудо, пославъ намъ Ваше Величество: воспоминаніе, исполненное надежды и радости; сей день, Государь, щастливѣйшій для Франціи, не учинится для насъ страшнымъ, онъ созданъ для помилованія, а не для наказанія.

Языкъ мой нѣмѣетъ отъ ужаса, самыя планеты, являвшіяся иногда нарочно, чтобы почтить рожденіе Великихъ Государей, потеряютъ свой блескъ, на небѣ скорѣе, нежели въ Исторіи затмится дѣйствіе милосердія, которымъ взываю къ Вашему Величеству и которое, казалось, щастливое начало дня сего мнѣ обѣщаетъ.

Сіи Герои Рима, которые, ежели бы находились еще въ живыхъ, не осмѣлились бы состязаться въ славѣ съ Вашимъ Величествомъ, всякой годъ праздновали великолѣпно тотъ день, въ который они узрѣли свѣтъ; но для празднованія его они занимались только прощеніемъ преступленій, расторженіемъ оковъ, дарованіемъ свободы невольникамъ; они старались въ сихъ торжествахъ избѣгать пролитія крови, не примѣшивая оной къ са-

мымъ жертвоприношеніямъ, изъ опасенія, какъ они говорили, чтобы какимъ бы то ни было образомъ не истребить чего нибудь одареннаго жизнію симъ щедрымъ даромъ неба; истребить въ тотъ день, въ которой они сами ее получили.

Живите Государь, живите всегда несравненно щастливѣе но для нынѣшняго дня живите въ особенности жизнію Царей-Героевъ; ибо на ихъ языкѣ, Ваше Величество, жить значитъ благотворить; значитъ изливать подвиги великодушія своего; свидѣтельствуюсь въ томъ Великимъ Императоромъ, который, чтобы сказать: мы не сдѣлали сего дня ничего добраго, говаривалъ своимъ придворнымъ: друзья мои, мы потеряли сей день, мы совсѣмъ не жили; онъ былъ прозванъ, Государь усложденіемъ своего двора и рода человѣческаго; наименованіе прекрасное, по справедливости принадлежащее Вашему Величеству! поспѣшите похитить у него оное, и чтобы впредь, говоря о Вашемъ Величествѣ щастливые и нещастные пріятели и непріятели, Французы и Иностранцы, вѣкъ настоящій и будущій единодушно восклицали: онъ родился пятаго Сентября и въ тоже самое число великодушнымъ забвеніемъ заслужилъ себѣ безсмертіе.

Ни одно убѣдительное письмо, ни одна убѣдительная прозьба пріятелей сего нещастнаго Министра, не могли доставить ему возвращенія свободы и онъ кончилъ дни свои, какъ мы выше видѣли, въ неволѣ. (*)

(*) Нѣкоторыя подробности о Фуке находятся въ письмахъ Г жи Севинье, и въ Волтеровомъ Вѣкѣ Людовика XIV.

II.

Трогательное письмо одной Итальянской дамы Лась-Турра въ 1669.

Отъ сей дамы, которая была посажена въ Бастилію въ семъ году и о преступленіи коей, глухо сказано, что она занималась вредными для Франціи замыслами, найдено слѣдующее ею писанное письмо безъ надписи, изъ коего видно, что она приговорена была къ смерти.

Дитя мое!

„Меня приговорили къ смерти, и я не жаловалась бы на то, ежели бы не страшилась, что послѣ моей смерти ты скоро за мною послѣдуешь; съ одной стороны смерть для меня пріятна потому, что доставляетъ мнѣ случай жертвовать Богу жизнію моею, съ другой стороны огарчаетъ меня, ибо принуждаетъ разлучиться съ половиною самой себя. Я имѣю еще столько словъ, чтобы сказать тебѣ прости и весьма нещастлива, что не могу къ устамъ твоимъ прижать моихъ. Поцѣлуй сіи послѣднія строки, поцѣлуй въ нихъ ту руку, которая ихъ къ тебѣ писала, и сердце, сказавшее тебѣ: прости на вѣки.

Въ моей темницѣ. Пятница 27 Сентября 1669. Видно письмо сіе не передано, когда его нашли при дѣлахъ.

III.

Судъ и смерть Кавалера Рогана 1674 года.

Онъ пустился въ переговоры съ Голландцами о передачѣ имъ Квиллебёфъ и другихъ приморскихъ городовъ Нормандіи. Заговоръ открытъ былъ послѣ Сеневскаго сраженія, отнятіемъ экипажа Графа Монтерая, Штатгальтера Испанскихъ Нидерландъ, гдѣ и найдена переписка, до сего заговора касающаяся. Бриссакъ, Маіоръ Королевской Гвардіи, взялъ Кавалера Рогана въ Версальской Церквѣ. Гатрамонтъ, дворянинъ Нормандской, которой зналъ о заговорѣ, скрылся; но найденъ въ Руенѣ, и Бриссакъ получилъ повелѣніе и его взять подъ стражу. Гатромонтъ, не показывая ни малѣйшаго смущенія, говоритъ Бриссаку, старинному своему пріятелю: „я сей часъ за тобою слѣдую; позволь мнѣ только сходить въ кабинетъ, онъ пошелъ туда; и вышедши стрѣляетъ вдругъ въ Маіора изъ пистолета; но не попавъ въ него, убилъ одного изъ стражей, которые стояли позади ѐго.

Маіоръ видя, что Гатромонтъ въ него цѣлится, вскричалъ: стрѣляй, — чтобы показать ему, что онъ того не боится. Одинъ изъ солдатъ принялъ сіе восклицаніе за приказаніе стрѣлять и выстрѣлилъ изъ ружья въ Гатромонта, который на другой день умеръ

отъ раны. Хотя его перенесли на постель и призвали лекаря и духовника, который пріобщилъ его святыхъ тайнъ; но онъ и въ малѣйшемъ преступленіи не хотѣлъ сознаться ни Бриссаку, ни Парламентъ-Предсѣдателю Руенскому, какъ они его ни допрашивали; сіе приключеніе могло бы спасти жизнь Кавалера Рогана, потому что не было ни свидѣтелей ни доказательствъ, къ тому же собственноручнаго письма виновнаго не найдено; посему Коммисія была бы въ большомъ затрудненіи, ежели бы онъ не сознался; но одинъ изъ членовъ Коммисіи употребилъ гнусную хитрость, чтобъ выманить у него тайну его, обѣщавъ ему именемъ Короля прощеніе, ежели онъ во всемъ чистосердечно сознается, обѣщаніе котораго Людовикъ XIV никогда не приказывалъ давать.

Въ продолженіи заключенія Кавалера Рогана въ Бастиліи, слышно было всякую ночь людей, говорящихъ въ слуховую трубу:,, Латромонтъ умеръ и ни въ чемъ не признался,, что они повторяли нѣсколько разъ до разсвѣта; однако приняты были мѣры, чтобъ Кавалеръ не могъ сего слышать. Сей дворянинъ былъ дѣйствительно единственный свидѣтель противъ него; потому что онъ только одинъ и зналъ сію тайну. Когда Канцлеръ допрашивалъ Кавалера и обвиненныхъ съ нимъ: то рота мушкетеровъ заняла всѣ входы Арсенала; Коммендантъ Бастиліи привелъ его изъ оной къ Суду и самъ обратно отвелъ; какъ скоро Кавалеръ догадался, чѣмъ его дѣло кончится, то предался отчаянію; принуждены были наложить на него цѣпи и безпрестанно

смотрѣть за нимъ, дабы не допустить его сдѣлаться самоубійцею. Приговоръ его былъ слѣдующій. Кавалеру должно было отрубить голову 27 Ноября 1674 года на малой площади улицы Св. Антонія, по преступленію его въ оскорбленіи Величества и умышленію заговора противъ государства, что и было исполнено въ 4 часа по полудни. Изъ рапорта одного Коммисара видно, что онъ до послѣдней минуты жизни былъ твердъ и благочестивъ; но при видѣ Вандерендена, который послѣ него также казненъ, казалось былъ весьма растроганъ. По совершеніи казни, которая прикрываема была Французской гвардіей и обѣими ротами конныхъ мушкетеровъ, выдали тѣло фамиліи его; оно было поставлено въ церковь Св. Павла, пока можно было перенести въ Жуарское Аббатство, гдѣ онъ желалъ быть погребенъ; изъ его соучастниковъ Кавалеръ Проксъ и Госпожа Вилларсъ были также обезглавлены; они оба умерли съ большою твердостію; послѣдняя казалось хотѣла еще открыть нѣчто; но удержалась и твердо пребыла въ молчаніи. Афаніусъ Вандеренденъ, Іезуитъ изъ Антверпена оказалъ себя при смерти слабымъ и малодушнымъ, что приписываютъ глубокой его старости.

Два доказательства служили къ уличенію обвиненныхъ въ преступленіи ихъ. Первымъ доказательствомъ былъ шифръ ихъ, гдѣ Монтерай подразумѣвался подъ именемъ Кверкеевита, зятя Вандерендена, Голландія подъ имянемъ Маргаретты второй дочери, Фландрія подъ именемъ Маріи старшей дочери, а Господинъ Роганъ подъ именемъ Маріаны меньшей дочери Вандерен-

дена. Гатромонтъ назывался Мамзель Д' Аржанъ; суммы, которыя Монтерой долженъ былъ доставить, назывались цѣна алмазовъ; мѣсто, гдѣ флотъ долженъ былъ пристать—называли домомъ, оружіе обозомъ, корабли пакетами, вспомогательныя войска, которыхъ ожидали отъ Монтероя, лекарствами Кверквевина.

Вторымъ доказательствомъ была копія съ договора, заключеннаго съ Монтероемъ, по которому сей обѣщалъ заплатить 100,000 ливровъ. Половина флота, находившаяся въ средиземномъ морѣ должна была придти на помощъ возмутителямъ, которые при заключеніи мира непремѣнно должны быть также упомянуты. Монтерой обязывался доставить имъ пансіонъ въ Испаніи и такъ далѣе. Въ заключеніе всего Монтерой препоручалъ себя Кавалеру и желалъ ему щастія въ исполненіи сего великодушнаго намѣренія, которое по его увѣренію онъ предпринималъ для общаго блага и спокойствія цѣлой Европы.

IV.

Судъ надъ известными преступниками, занимавшимися подмѣшиваніемъ и составленіемъ яда 1677.

Уже за нѣсколько лѣтъ до 1677 года, обвиненія и показанія многихъ преступниковъ, взятыхъ подъ стра-

жу, равнымъ образомъ и другія достовѣрныя извѣстія, правительствомъ получаемыя, заставили обратить вниманіе и приводили въ трепетъ Начальство и Судей Парижскихъ, равно и Статсъ-Секретарей, потому что изъ нихъ явствовало, что многія особы всякаго чина и званія были отравляемы. Наконецъ правительство было вынуждено дѣлать тайныя розысканія и точныя наблюденія, дабы найти слѣдъ симъ ужаснымъ дѣламъ, которые весь Парижъ приводили въ ужасъ; къ сожалѣнію открыто, что подмѣшиваніе яда сдѣлалось весьма обыкновеннымъ порокомъ и распространилось даже между поселянами, которые научились примѣромъ симъ въ Парижѣ, гдѣ оно началось между извѣстнымъ состояніемъ людей и перешло наконецъ къ черни и мѣщанамъ.

Король, извѣщенъ будучи о сихъ ужасахъ и желая освободить владѣніе свое отъ такой язвы, наименовалъ Судей и учредилъ особенное Судебное Мѣсто, которое должно было дѣлать самыя строгія разысканія касательно сего преступленія и всего касающагося онаго. Грамоты изготовлены 7 го Апрѣля 1679, и подписаны Статсъ-Секретаремъ Колбертомъ, который завѣдывалъ тогда Парижскимъ Департаментомъ. Множество особъ самаго высокаго званія принадлежали къ числу обвиненныхъ, между коими находился также Герцогъ Люксембургскій, который по повелѣнію Короля арестованъ и отведенъ въ Бастилію. Сей Герцогъ былъ Перъ и Маршалъ Франціи, Капитанъ Королевской Гвардіи и имѣлъ тогда 49 лѣтъ отъ роду. При второмъ допросѣ онъ далъ замѣтить, что хотя онъ, какъ Герцогъ и Перъ

Франціи, могъ требовать, чтобъ его судили въ Парламентѣ; но изъ уваженія къ Королевскому повелѣнію онъ охотно подвергается сему Суду, будучи увѣренъ, что такіе благородные и честные мужи, какъ его Судьи, конечно ничего не упустятъ, дабы обнаружить его невинность и объявить его не причастнымъ преступленію, которое только самая постыдная клевета ему приписать могла.

Къ такому подозрѣнію противъ Герцога Люксембургскаго подало поводъ обращеніе его съ Астрологами и прорицателями, которые выдавали, что они въ состояніи предсказать и опредѣлить конецъ жизни какихъ бы то ни было лицъ.

Подобныя суевѣрныя не лѣпости были тогда въ модѣ и находили между знатными точно такое же одобреніе какъ въ концѣ XVIII столѣтія. Такъ какъ Калліострова того времени также подозрѣвали въ подмѣшиваніи яда: то ихъ всѣхъ забрали подъ стражу и одинъ изъ нихъ Ле-Сажъ обвинялъ Герцога Люксембургскаго въ томъ, что онъ заставлялъ его приготовлять ядъ и дѣлать заклинанія на Короля, что однакожъ не могло быть доказано, почему присудствіе признало Герцога невиннымъ и онъ былъ освобожденъ изъ Бастиліи, однако Король приказалъ, чтобъ онъ удалился въ одно изъ помѣстьевъ своихъ и не приближался къ Парижу менѣе двадцати часовъ ѣзды. Управитель Герцога, Петръ Паннартъ не такъ легко отдѣлался; онъ былъ сосланъ на Галеры, испрося напередъ публично прощеніе въ

грѣхахъ своихъ, съ веревкою на шеѣ и факеломъ въ рукѣ.

Ле-Сажъ, Гвибури и три женщины Вигурёксъ, Боссе и Вуазинъ прославились особенно въ семъ ужасномъ искусствѣ. Первыхъ двухъ почитали за людей имѣвшихъ глубокія и необыкновенныя познанія въ скрытыхъ наукахъ. Подъ предлогомъ отрыванія сокровищъ и предсказыванія будущаго, они приготовляли ядъ и продавали его тѣмъ, которые относились къ нимъ, чтобы того или другаго удалить съ свѣта. Въ судебныхъ дѣлахъ доказано не однимъ примѣромъ, что всякаго рода подмѣшиваніе яда производилось подъ видомъ предсказанія и отрыванія кладовъ.

Ла Бронвильеръ кажется первая во Франціи учила подмѣшивать ядъ. Она была осуждена Парламентомъ на смерть въ 1676 году. Она была хорошая пріятельница Ротмистру Сентъ-Круа, у котораго по его смерти найденъ ящикъ съ порошками и разными перегнанными водами, коими дѣлали опытъ надъ звѣрями, и они на мѣстѣ же умирали.

На Графиню Соосонскую донесли, что она просила совѣтовъ у Воазины, какимъ образомъ лишить жизни дѣвицу Дела Вальеръ, извѣстную любимицу Людовика XIV. Графиню хотѣли отыскать, которая жила въ Тюльерійскомъ замкѣ; но она скрылась. Неизвѣстно, какое рѣшеніе послѣдовало по Суду: ибо въ дѣлахъ ничего не найдено. Можетъ быть, она также какъ и Графиня

Руре, которую обвиняли также въ умышленіи на жизнь дела Вальеръ, оправдана.

Марія, Анна Манхини, Герцогиня Бульонская, 29 лѣтъ отъ роду, была также вытребована къ суду. Воазинь показала, что она предлагала Ле-Сажу знатную сумму денегъ, чтобы онъ вспомоществовалъ супруга ея Герцога Бульонскаго лишить жизни, дабы она могла совокупиться бракомъ съ Герцогомъ Вандомскимъ. Она показывала, что Герцогиня относилась съ тѣмъ къ Вигурёксъ; но что она Воазинь, узнавъ сіе, пошла къ Герцогинѣ и предложила ей познакомить съ человѣкомъ, который ловчѣе былъ въ сихъ вещахъ, нежели Вигурёксъ.

Когда Герцогиню допрашивали по симъ пунктамъ, то она, опровергая все, созналась только, что Воазинь у нее разъ была и дала ей разумѣть, что ей извѣстно ея любопытство и потому она желаетъ ей доставить знакомство съ человѣкомъ, который живетъ у нея въ домѣ и чудеса творитъ. Герцогиня разсказала сіе, нѣсколько дней спустя, Герцогу Вандомскому и многимъ изъ своихъ знакомыхъ, которые всѣ пожелали идти и отыскать сего человѣка. Когдажъ они пришли къ Воазинь, то Герцогиня спросила ее, дѣйствительно ли человѣкъ тотъ, о которомъ она ей говорила, находится въ ея домѣ; на что получа удовлетворительный отвѣтъ, они введены были въ комнату, гдѣ Герцогъ имѣлъ съ нимъ разговоръ. Сей человѣкъ былъ Ле-Сажъ; онъ сказалъ, что искусство свое показываетъ только

въ присудствіи одной особы. Герцогъ Вандомскій передалъ сей отвѣтъ Герцогинѣ Бульонской, которая оказала величайшее желаніе быть тутъ же, когда Ле-Сажъ будетъ показывать свое искуство. Герцогъ Вандомскій пошелъ опять къ нему и уговорилъ его наконецъ согласиться, чтобъ и Герцогиня также присудствовала, и потому оба вошли въ комнату, гдѣ былъ Ле-Сажъ, и Герцогиня спросила его, что чрезвычайнаго можетъ онъ показать? Ле-Сажъ хотѣлъ въ ея присудствіи сжечь записку, на которой бы она написала нѣсколько вопросовъ, и сію сожженую записку онъ обѣщалъ ей опять въ прежнемъ ея видѣ представить въ такомъ мѣстѣ гдѣ она пожелаетъ. Герцогъ Вандомскій написалъ два вопроса, изъ коихъ одинъ касался мѣстопребыванія Герцога Наварскаго, а другой — умеръ ли Герцогъ Бофортъ? записка запечатана, Ле-Сажъ завязалъ оную сверхъ того ниткою и обернувъ оную трудомъ и другою бумагою; послѣ сего Герцогъ взялъ записку и сжегъ оную самъ въ присудствіи Герцогини въ комнатѣ Воазинь. Ле-Сажъ увѣрилъ Герцогиню, что она найдетъ сгорѣвшую записку дома въ одной изъ фарфоровыхъ ея вазъ, что однако не случилось; но два дня послѣ того, пришелъ Ле-Сажъ къ Герцогинѣ и принесъ ей записку запечатанную и точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ была вручена Ле-Сажу, что ее не мало удивило. Герцогиня подарила Воазинѣ одну пистолю, а Герцогъ столькоже Ле-Сажу.

Когда Герцогиня Бульонская увѣряла Герцога, что Ле-Сажъ принесъ ей чуже записку, которую они сож-

гли, что онъ утверждалъ, что сіе не возможно и что должно заставить Ле-Сажа сжечь еще другую и тутъ же ее опять доставить. Герцогиня послала опять за нимъ и онъ явился къ ней. Написали еще записку; но Ле-Сажъ просилъ напередъ двѣ пистоли для Сивиллъ, которыя ему и даны. Записка сожжена точно также какъ и прежняя, и Ле-Сажъ обѣщалъ хотя не сей часъ однако вскорѣ возвратить оную. Онъ простился, Герцогиня посылала къ нему нѣсколько разъ, ходила даже сама къ нему и требовала записки; но онъ отговариваясь различнымъ образомъ, пришелъ на конецъ чрезъ три или четыре дня къ Герцогинѣ съ отвѣтомъ, что Сивиллы безпрестанно встрѣчаютъ препятствія и не могутъ скоро сообщить ему отвѣта. Герцогинѣ показалась сіе такъ смѣшно, что она разсказывала о томъ многимъ, даже писала своему супругу, который находился тогда въ арміи.

Герцогиню обвиняли, что вторую записку она сама писала; но Ле-Сажъ умѣлъ ее также какъ и первую проворно скрыть и представить другую, а отвѣтомъ на оную потому не удовлетворилъ, что Герцогиня требовала въ оной смерти супруга своего, въ которой Ле-Сажъ не хотѣлъ участвовать, почитая сіе дѣломъ счекотливымъ. Рѣшенія суда надъ Герцогинею не нашлось при дѣлахъ.

Тотъ же самый Ле-Сажъ показалъ при допросѣ, что тридцати-лѣтній Маркизъ Фёкіеръ, Полковникъ одного пѣхотнаго полка обѣщалъ ему 2,000 ливровъ ежегоднаго

жалованья, ежели онъ поможетъ ему избавиться близкаго родственника одной молодой особы, съ которою онъ хотѣлъ вступить въ бракъ; ибо родственникъ сей не давалъ на то своего согласія.

Далѣе, объявилъ что супруга Председателя Ферона, которая отравлена также ядомъ, вошла отъ имяни одной пріятельницы своей въ переговоры съ Воазиной и заставила ее подаркомъ брильянтоваго креста согласиться приготовить ядъ, которымъ двѣ знатныя особы лишены жизни, изъ коихъ одна не задолго предъ тѣмъ самую Воазинъ избавила отъ смерти.

Ле-Сажъ утверждалъ, что Герцогиня Вивонская была въ большомъ затрудненіи въ разсужденіи одной бумаги, которая была подписана ею и нѣкоторыми другими дамами одинаковаго съ нею званія и находилась въ рукахъ нѣкоей Филистри, которая занималась также составленіемъ яда. Вѣроятно, бумага сія была весьма важнаго и достойнаго наказанія содержанія, потому что Герцогиня Вивонская убѣдительно его просила нѣсколько разъ съ слезами на глазахъ употребить все его искусство для возвращенія ей сей бумаги, потому что ежели кто другой прочитаетъ оную, то она съ тремя подписавшимися дамами должна быть въ высочайшей степени нещастлива, что онъ Ле-Сажъ старался сколько можно обратить въ свою пользу замѣшательство Герцогини и увѣрялъ ее, что найдетъ средство удовлетворить ея прозьбѣ; но она должна своей рукой означить въ запискѣ, чего она желаетъ; когда же она сіе

сдѣлала, что онъ подложилъ вмѣсто настоящей записки другую и заставилъ Герцогиню сжечь оную въ замкѣ ея. Оставшись же одинъ въ своей комнатѣ, распечаталъ онъ настоящую записку и нашелъ, что Герцогиня желаетъ возвращенія бумаги, которая находилась въ рукахъ Филистри, за что сія женщина получила уже весьма значительныя суммы.

Ле-Сажъ объявилъ все что ему извѣстно было объ отравленіяхъ и подмѣшиваніи яда; онъ увѣрялъ также, что люди занимавшіеся симъ имѣли большое знакомство и въ иностранныхъ земляхъ, и имѣли переписку въ Германіи, Швеціи и другихъ Государствахъ.

Стефанъ Гвибургъ на 71 году отъ роду былъ домовымъ Священникомъ у Графа Монтгомера и взятъ также подъ стражу по подозрѣнію въ составленіи яда. Онъ показалъ, что нѣкто Дами требовалъ отъ него онаго для отравленія Министра Колберта, который его и принялъ; но по щастію былъ отъ того немного нездоровъ только; и потому Дами требовалъ отъ него другаго яда, который бы былъ дѣйствительнѣе; какимъ же образомъ Дами могъ его подать Колберту, того никакъ не могли открыть. Сей Гвибургъ былъ весьма искусенъ въ составленіи яда; онъ со всѣми ядомѣшателями былъ въ тѣсной связи и снабжалъ ихъ порошками и всѣми потребностями для совершенія ужасныхъ ихъ замысловъ; въ приготовленіяхъ своихъ употреблялъ онъ нѣкоторую траву, отъ которой умирали при безпрестанномъ смѣхѣ, ежели ее принимали въ большомъ

количествѣ; онъ обыкновенно перемѣнялъ составы, дабы они не всегда одинаковое дѣйствіе производили, давая ихъ въ винѣ, конфектахъ и супахъ. Сей самый Гвибургъ признался, что извѣстный Совѣтникъ Парламента Пипонъ, родственникъ Фуке, хотѣлъ отравить Короля, дабы отмстить ему заключеніе сего Министра; онъ сознался сверхъ того во многихъ преступленіяхъ; по просьбѣ одного Гофмейстера Пажескаго, онъ нѣсколько разъ читалъ молебны надъ чревомъ обнаженныхъ женщинъ; для чего его приводили и отводили съ завязанными глазами; за таковыя молебны получалъ онъ весьма дорогую плату, на примѣръ онъ получилъ за одинъ изъ нихъ въ старомъ каменномъ строеніи въ Сентъ-Дени двадцать пистолей; по окончаніи ихъ онъ обыкновенно произносилъ наизусть заклинанія, которыя должны были производить желаемое. Сіе заклинаніе было слѣдующаго содержанія: я заклинаю васъ, духи, коихъ имена означены на сей бумагѣ, исполнить волю и намѣреніе той особы, для которой я служилъ молебенъ. Женщины, надъ чревомъ коихъ онъ сіе дѣлалъ, не раздѣвались; но были обнажаемы только до грудей.

Одна вдова, Дела Гранжъ 38 или 40 лѣтъ отъ роду, которая примѣшивала также ядъ и торговала имъ, заключена въ Бастилію въ Февралѣ 1677 года. Будучи вдовою она была на содержаніи у нѣкотораго Форье, который наскуча наконецъ постыднымъ симъ обращеніемъ, хотѣлъ удалиться въ помѣстье свое. Дела Гранжъ, употребила всѣ способы, дабы остановить его въ Парижѣ, намѣреваясь отравить его, представить свое съ

нимъ супружество и такимъ образомъ присвоитъ себѣ большую часть его имѣнія, которое полагали отъ 40 до 50,000 ливровъ, почему сговорясь съ однимъ Священникомъ, по имяни Поаль, пошла съ нимъ переодѣтымъ къ Нотаріусу за нѣсколько дней до смерти Форье, за котораго себя Священникъ выдалъ; заключили и подписали въ присудствіи Нотаріуса брачный договоръ, отъ котораго получили свидѣтельство о законномъ бракосочетаніи. Когда настоящій Форье умеръ и всѣ признаки оправдывали подозрѣніе, что онъ погибъ отъ яда, то Священникъ и Дела Гранжъ взяты были подъ стражу; сія послѣдняя, опасаясь окончанія уголовнаго сего дѣла, писала къ господину Лувуа, что она хочетъ сдѣлать ему весьма важныя открытія, относящіеся къ личной безопасности Короля, почему и перевели ее изъ городской тюрьмы въ Бастилію; но какъ при первомъ допросѣ открылось, что она сдѣлала сіе для пустой отговорки, то ее отвели опять въ прежнюю темницу; дѣло сіе приняло свой ходъ и оба они приговорены были къ смерти. Между тѣмъ, какъ дѣло сіе, поданное осужденною на апелляцію въ Парламентъ, находилось еще въ ономъ, получаетъ настоятель Іезуитскаго Монастыря Св. Людовика записку отъ неизвѣстной особы въ Сентябрѣ мѣсяцѣ тогоже года, которую онъ сейчасъ препроводилъ къ Министру Лувуа; она была слѣдующаго содержанія: Вы повѣряете мнѣ тайну, о которой я, для собственнаго моего спокойствія, никогда не желала бы знать; мнѣ пріятно бы было, чтобы и вамъ оно не приходило никогда на мысль или по крайней мѣрѣ исполнило васъ такимъ же ужасомъ какъ и

меня. Возможно ли, чтобъ вы имѣли такое жестокое сердце и чтобы я, думая любить честнаго человѣка, нашла въ васъ варвара съ безумною отважностію. Вы пишете ко мнѣ письмо, которое могло бы ввергнуть меня въ нещастіе, ибо бумага, которой вы повѣряете, никогда не скроетъ того, что и самая молчаливость духовника не должна бы сохранять въ тайнѣ. Бѣлой порошокъ, который вы хотите насыпать на салфетку извѣстной особы, легко можетъ быть узнанъ и вы сами можете быть открыты; я оставляю на собственное сужденіе ваше, чтобы изъ сего произойти могло; я вамъ также могу сказать, что вы меня на вѣкъ сдѣлаете нещастною, ежели не оставите сего намѣренія и скорѣе при вашихъ глазахъ соединюсь съ соперникомъ вашимъ, который будетъ гораздо достойнѣе васъ быть вторымъ моимъ мужемъ; ежели сія угроза не можетъ привести васъ въ разсудокъ, то объявляю вамъ, что я въ состояніи сдѣлаться вашей доносчицей, отъ чего меня ни величіе, ни богатство, которымъ вы меня прельщаете, не удержатъ: ибо за такую цѣну я ни того ни другаго не желаю. Я буду и впередъ употреблять сей шаръ, который мы однѣ умѣемъ открывать для доставленія въ ваши руки моихъ писемъ, пока не возвращу васъ обязанности вашей. Заклинаю васъ еще разъ въ томъ, тою любовію, которую вы ко мнѣ кажется имѣли и еще имѣете, но оно должно случиться скоро, или опасайтесь моего гнѣва. Положите письмо ваше въ сей же шаръ, который я вамъ посылаю, потому что очень опасаюсь, чтобы ихъ не увидалъ кто нибудь посторонній и чтобы меня тогда, при всей моей

невинности, не обвинили. При всякомъ другомъ преступленіи должно по крайней мѣрѣ участвовать, чтобы заслужить наказаніе; но въ семъ случаѣ достаточно для того и знать о семъ. Сожгите мое письмо какъ скоро его получите, и прочтете.

Судья, которому поручено было, розыскать сіе, догадался сей часъ, что записку сію не другой кто долженъ выдумать, какъ Дела Гранжъ и Священникъ, коего руку, при всемъ его стараніи перемѣнить оную, сей часъ узнали, сравнивая записку съ брачнымъ договоромъ; однако оба они ни какъ не хотѣли сознаться, чтобы они о томъ знали, а еще менѣе показать своихъ соумышленниковъ. Весьма трудно отгадать намѣреніе какое сія женщина при семъ имѣть могла, и какія выгоды она надѣялась получить отъ сего поступка, для котораго должна была употребить необыкновенный и опасный способъ, весьма трудный къ приведенію въ дѣйствіе, и при которомъ она непремѣнно имѣла нужду въ пособіи многихъ людей; потому что когда она писала сіе письмо чрезъ Священника, то содержалась въ Шателетѣ, маленькомъ Парижскомъ замкѣ, а онъ въ тюремномъ замкѣ. Дела Гранжъ занималась также предвѣщаніемъ; по ея утвержденію, она чрезъ свое искусство могла узнать отравленныхъ и излечать ихъ противнымъ ядомъ, составленіемъ коего она весьма хвасталась; увѣряла также, что ранѣе она получила сію науку предвидѣнія отъ одного Принца, достовѣрность же оной испытала разными опытами; но чтобы знаніе ея имѣло свое дѣйствіе, то она непремѣнно должна была пользоваться свободою и находиться подъ открытымъ небомъ.

Одинъ Аптекарь перегонялъ нужныя для нее воды, зналъ всѣ ея тайны и былъ за то заключенъ въ Винценну, гдѣ и умеръ; а Дела Гранжъ и Священникъ казнены.

Три дворянина изъ Сициліи по имяни Тровати отецъ, сынъ и дядя были схвачены потому, что у нихъ найдены различные порошки травы, заклинательныя формы, магическіе знаки и тому подобныя вещи, которые подавали о нихъ не совсѣмъ хорошее мнѣніе. Одно изъ найденныхъ у нихъ и переведенныхъ Италіянскихъ писемъ было изъ Туниса отъ Капуцина къ Кардиналу Спинолѣ; изъ сей переписки видно было, что они больше искали людей недовольныхъ Правленіемъ и хотя ихъ вскорѣ по повелѣнію Короля выпустили изъ Бастиліи, но запрещено опять когда либо показываться во Франціи.

V.

Гоненіе Протестантовъ по уничтоженіи указа Нантскаго (*).

Указъ Нантскій былъ изданъ въ пользу Реформатовъ Генрихомъ IV. въ Нантѣ 1598 года; Людовикъ XIV уничтожилъ оный другимъ даннымъ въ Фонтенебло въ

(*) См. новую Исторію Кондильяка.

1685 году. По уничтоженіи сего Эдикта тотъ же часъ отняты у всѣхъ исповѣдовавшихъ Реформатскую религію всѣ права ихъ, привиллегіи, церкви, у многихъ даже дѣти для воспитанія ихъ въ Католической вѣрѣ. Большая часть спаслась бѣгствомъ съ деньгами и самыми драгоцѣнными вещами ихъ, въ Англію, Германію, Голландію и проч:—Чтобы остановить сіи выѣзды, чрезъ которые почти всѣ деньги выходили изъ Государства, приказано было никого изъ Реформатовъ не выпускать безъ имяннаго повелѣнія, сверьхъ того всѣ вещи ихъ въ гаваняхъ и пограничныхъ мѣстахъ наистрожайше разсматривать. Симъ учрежденіемъ постановлено наказаніе также и тѣмъ, кто будетъ вспомоществовать такимъ выходамъ. По сему закону весьма многіе были арестованы, и темницы были наполнены людьми обоего пола; у нихъ отбирались бумаги. Равнымъ образомъ поступали въ домахъ у тѣхъ, которые спасались бѣгствомъ.

Герцогъ дела Форсъ былъ въ числѣ протестантовъ посаженныхъ въ Бастилію въ 1681 году. Хотя онъ былъ весьма преданъ своей вѣрѣ; однако надѣялись уговорить его отказаться отъ оной. Онъ просилъ о возвращеніи ему бумагъ его, которыя касались только частныхъ дѣлъ его. Между ими находилось завѣщаніе, въ которомъ онъ имянно признавалъ себя протестантомъ, желая жить и умереть имъ; бумаги выданы ему были Полицейскимъ Чиновникомъ, выключая его завѣщанія, которое въ его присудствіи сожжено было. Онъ пробылъ въ Бастиліи съ конца Іюня 1689 до конца Апрѣ-

ля 1691 года. При выпускѣ его отданъ онъ былъ на руки настоятелю Маглуарскаго Монастыря, отъ котораго надѣялись, что онъ успѣетъ обратить его. Герцогъ во все время содержанія его въ Бастиліи имѣлъ позволеніе держать при себѣ двухъ слугъ; но они должны были быть ревностные Католики.

Одна женщина Вандербургъ, называемая также Каролиною Голландка, женщина смѣлая, нѣсколько разъ дѣлала поѣздки во Францію подъ предлогомъ торга; ей доказали перехваченными письмами ея, что настоящее ея намѣреніе было вспомоществовать многимъ лицамъ къ побѣгу изъ Королевства, за что она содержалась въ Бастиліи, гдѣ вѣроятно жизнь свою окончила такъ какъ нѣкоторый Господинъ Домонъ, который почитался за самаго упорнаго и настойчиваго протестанта. Онъ называлъ новообращенныхъ сабаками и невѣрными.

Весьма жалка была участь протестантскаго Проповѣдника Карделя, сына одного Адвоката въ Руенѣ. Онъ былъ Проповѣдникомъ при Церквѣ, находящейся недалеко отъ сего города; тогдашній Интендантъ Руенскій приказалъ ему оставить Королевство, что онъ и исполнилъ, поѣхавъ въ Англію и Голландію; но побуждаемъ ревностію, возвратился опять во Францію въ 1688 году. Находясь съ лекаремъ Берніе въ одномъ домѣ для посѣщенія больной изъ новообращенныхъ, былъ онъ схваченъ и заключенъ съ лекаремъ и братомъ больной въ Бастилію, изъ коей перевезли его въ темницу на островъ Св. Маргаретты, гдѣ окончилъ жизнь свою въ 1694 году. Лекарь, который провожалъ его не только къ сей

больной; но и къ другимъ семействамъ, принадлежавшимъ къ числу новообращенныхъ, дабы возвратить ихъ совершенно въ нѣдро Протестантской Церкви, умеръ также въ другой темницѣ.

Также и новообращенные, о которыхъ сомнѣвались въ искренности ихъ обращеніи, были заключаемы въ Бастилію для подкрѣпленія ихъ вѣры. Когда въ 1691 году не за долго предъ отъѣздомъ Короля въ Монсъ узнали, что два купца Дикъ и Гви съ другими Протестантами и новообращенными, числомъ до 12 человѣкъ, соединенные между собою связями родства и извѣстные за смѣлыхъ людей, которымъ ничего добраго не довѣряли, также хотятъ отправиться къ сей осадѣ: то препоручили одному шпіону примѣчать за ними внимательнѣе и схватить, ежели найдетъ ихъ на дорогѣ во Фландрію. 5 го Апрѣля показались Дикъ и Гви верьхомъ, одѣтые Рейтарами въ шляпахъ, обложенныхъ галуномъ и съ пистолетами на большой Бургетской дорогѣ. Къ нимъ присоединился еще одинъ Рейтаръ, который показывалъ, что онъ также въ Монсъ ѣдитъ. Дикъ и Гви съ нимъ сотовариществовали; но въ Лувре, гдѣ они вмѣстѣ обѣдали, были схвачены симъ Рейтаромъ, который былъ Полицейскій Шпіонъ, при помощи одного ефрейтера. Они показали, что ѣхали въ Риссель для продажи товаровъ, которые ими напередъ туда отправлены; но они никакого вида на то не могли показать; ихъ привели въ Бастилію, допрашивали; но они твердо утверждали, что никогда не имѣли намѣренія ѣхать въ Монсъ и никогда не объявляли того ни Рейтару товарищу ихъ,

ни кому либо другому, признались притомъ чистосердечно, что хотя они и отреклись отъ своего закона, дабы не оказаться ослушными Королевскому указу; но что въ душѣ своей они остались и останутся Протестантами. Извѣстно было, что они были въ тѣсной связи съ тремя Реформатскими Проповѣдниками, схваченными въ Парижѣ въ 1689 и 1690 годахъ, коихъ они укрывали въ домахъ своихъ. Подозрѣніе, возбужденное ими поѣздкою ихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, ихъ вооруженіе, особенно же запрещенное оружіе, карманные пистолеты, здѣлали то, что, хотя ихъ не посадили въ Бастилію, однакожъ отправили въ замокъ Гвизской, гдѣ они находились еще въ 1695 году и гдѣ вѣроятно они и жизнь кончили.

Господинъ и Госпожа Лафоншенъ были посажены въ Бастилію, дабы принудить ихъ возвратить бѣжавшаго сына ихъ, отданнаго на воспитаніе одной духовной особѣ и бѣжавшаго тайно въ Швейцарію. Имъ объявлено, что они не будутъ освобождены, ежели не возвратятъ сына ихъ къ духовному; но они клятвенно увѣряли, что не брали никакого участія въ побѣгѣ ихъ сына и вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что скорѣе умрутъ въ темницѣ, нежели согласятся возвратить его; они оба исповѣдывали открыто протестантскую религію и содержались уже разъ по сей причинѣ въ Бастиліи. Сіе второе испытаніе, выдержанное ими также съ твердостію, отличило ихъ еще болѣе между Парижскими ихъ единовѣрцами.

Емсардъ Кутансе заключенъ былъ въ семъ 1693 году въ Бастилію, прибивъ въ Церквѣ пасквиль на преслѣдователей Протестантовъ, что онъ уже нѣсколько дней прежде въ Русиѣ здѣлалъ. Губернатору Бастиліи именно приказано было не позволять никому разговаривать съ симъ плѣннымъ, для большей же безопасности и чтобы онъ не вздумалъ разбить себѣ голову о стѣну, дали ему двухъ стражей. Бодрость и присудствіе духа сего нещастнаго превосходило всякое вѣроятіе. Онъ небоялся ни пытокъ, ни смерти и показывалъ, что самую жизнь почитаетъ ничтожною; но прошествіи года просилъ онъ позволенія говорить съ однимъ изъ судей своихъ; ибо по его словамъ, онъ ясно видѣлъ заблужденіе свое и потому желалъ объявить всѣхъ, которые подвигли его къ такимъ поступкамъ; когда же представленъ былъ предъ судью, казалось будто вспоминалъ нѣчто, перемѣнялся въ лицѣ, дѣлалъ разные знаки глазами и другія кривлянья, показывающія готовность его открыть нѣчто, наконецъ просилъ позволенія исполнить молитву свою. Послѣ сего онъ палъ на колѣна, возвелъ руки къ Небу, призывалъ Бога, и произнесъ громкимъ голосомъ ужаснѣйшія проклятія противъ гонителей протестантовъ и вскричалъ съ сими словами „Знайте же, что всю мою жизнь я буду дѣлать подобное!“ Такъ какъ ничего болѣе отъ него не могли добиться, то отвели назадъ въ его тюрьму.

Гидеонъ Филбертъ, протестантъ 20 лѣтъ отъ роду, который уже въ 1687 году для религіи предпринималъ бѣгство въ Амстердамъ, былъ схваченъ въ Марсели

въ 1694 году; ибо правительству дано знать, что онъ по торговымъ дѣламъ будетъ проѣзжать изъ Амстердама чрезъ Францію въ Ливорно и въ Марсель будетъ находиться на кораблѣ. Въ бумагахъ, имѣвшихся при немъ не найдено ни малѣйшаго, чтобы могло обвинить его; но отецъ его Клавдій Филбертъ, который имѣлъ пребываніе свое во Франціи, и до уничтоженія Нантскаго Эдикта со всѣмъ семействомъ своимъ исповѣдывалъ протестантскую религію, отъ которой по видимому хотя и отказался; но дѣти его удалились изъ Франціи въ протестантскія земли; а братья его, весьма богатые купцы въ Амстердамѣ были протестанты: то посему полагали, что отецъ остался во Франціи для того только, чтобы съ другими вести переписку, вывезти понемногу изъ Государства вещи и имѣніе свое, напослѣдокъ совсѣмъ удалиться въ земли, не подвластныя Королю. Сіе подозрѣніе подтверждено еще болѣе показаніемъ Реформатскаго Проповѣдника Малцака, коего голова оцѣнена была въ 1,000 ливровъ и который наконецъ дѣйствительно попался въ руки Полиціи въ 1692 году. Онъ показалъ, что въ послѣднее его путешествіе былъ отрекомендованъ Банкиру Филберту, который познакомилъ его съ другими новообращенными, гдѣ онъ такъ какъ и у Филберта служилъ литургію и опять ихъ принялъ въ нѣдро протестантской религіи. Такъ какъ фамилія Филберта въ Амстердамѣ, Ліонѣ и Ливорно была весьма знатна и богата, къ тому же Французскаго произхожденія, и ревностные протестанты; то весьма легко могло статься, сказано въ протоколѣ, что она избрана была для удобнѣйшаго испол-

ненія зловредныхъ намѣреній; а такъ какъ опасно бы было повѣрить подобное что нибудь бумагѣ; то молодой Филбертъ, какъ человѣкъ большаго ума, могъ быть отправленъ съ изустными порученіями тѣмъ болѣе, что при проѣздѣ его чрезъ Парижъ онъ посѣщалъ знаменитѣйшихъ банкировъ Протестантовъ и вообще самыхъ ревностныхъ и подозрительныхъ изъ своихъ единовѣрцевъ; почему положено справедливымъ Гидеона Филберта оставить въ заключеніи, не смотря на прозьбы и представленія его фамиліи.

Въ заключеніе сей статьи сообщимъ почтеннымъ читателямъ одно посланіе къ Римско - Католической Церкви, писанное въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ; сіе посланіе принадлежитъ безспорно къ числу рѣдкихъ историческихъ документовъ, объясняющихъ духъ того времени. Копія съ онаго находилась въ бумагахъ Бастиліи.

Первое посланіе Католикамъ, содержащее въ себѣ смиренныя представленія противъ угнѣтенія претерпѣваемаго протестантами въ Государствахъ, въ коихъ Римско-Католическая вѣра господствующая.

Кто можетъ безъ внутренняго содраганія взирать на жалкое положеніе, въ которое мы повергнуты во

многихъ Европейскихъ Государствахъ; хотя мы не одной вѣры съ вами, по крайней мѣрѣ имѣемъ одинакую связь съ природой, происходимъ отъ одной крови и имѣемъ въ Адамѣ одного отца съ вами; и такъ ежели вамъ чувство человѣколюбія не чуждо, какъ мы ожидаемъ сего отъ благоразумнѣйшихъ изъ васъ: то вы непремѣнно должны скорбѣть при видѣ причиняемыхъ намъ оскорбленій. Не научаетъ ли васъ самъ Іисусъ Христосъ, что Іудеянинъ долженъ почитать Самарянина братомъ своимъ и принимать участіе въ его страданіяхъ, не имѣютъ ли и самые дикіе звѣри любви къ тѣмъ, которыхъ природа сотворила подобными имъ и потому не должны ли и вы оказывать намъ состраданіе въ семъ плачевномъ состояніи, въ которое мы приведены вами въ земляхъ, гдѣ ваша вѣра господствуетъ.

Вы думаете, что мы въ заблужденіи; но можетъ ли сіе служить основаніемъ жестокому съ нами обращенію; ежели бы мы были увѣрены, что Римско-Католическая вѣра лучшая, то собственное наше благополучіе, собственное наше спокойствіе въ семъ свѣтѣ были бы весьма побудительными причинами къ соединенію нашему съ вами; всѣ люди уже отъ природы слишкомъ себя любятъ, чтобы подвергать себя безъ нужды бѣдствію, терпѣнію и вѣчному проклятію; положимъ, что мы заблуждаемся: то не довольно ли и сего для нашего нещастія безъ тѣхъ бѣдствій, которыми вы насъ испытуете и ежели бы ваше мнѣніе было основательно, не должны ли вы скорѣе сожалѣть о насъ и молить Бога, чтобы онъ просвѣтилъ и обратилъ насъ, такъ

какъ вы знаете, что вѣра есть Даръ Божій. Худыми поступками никого не льзя увѣрить, на противъ чѣмъ насильственнѣе поступаютъ, тѣмъ болѣе ожесточаютъ умы.

Какъ много отступаетъ такое обращеніе отъ всей кротости, которую открываетъ намъ Спаситель и Ученики его въ ученіи ихъ; оно не имѣетъ даже наружнаго вида духа Божія, который одушевляетъ служителей Евангелія и изображается въ видѣ голубя, знаменующаго кротость. Хотя намъ и говоритъ Св: Павелъ, что употребляемыя имъ орудія сильны предъ Господомъ и крѣпости раззорить; но прибавляетъ къ тому, что сіи орудія не тѣлесныя и что онъ употребляетъ мечь духовный, который есть слово Божіе.

Кто въ состояніи описать страданія, которыми насъ удручаютъ чтобы заставить принять Католическую вѣру; еслибы кто вздумалъ издать обстоятельное описаніе оныхъ; тотъ долженъ бы былъ написать цѣлую книгу; мы въ пеплѣ ѣдимъ хлѣбъ нашъ и упиваемся слезами нашими; мы ни днемъ, ни ночью не имѣемъ покоя; тѣ, которые оставили отечество, скитаются по свѣту, чтобы найти убѣжище отъ преслѣдованія; отцы и матери оставляютъ своихъ любимыхъ дѣтей, дѣти родителей, жены мужей, а мужья женъ своихъ, ибо немѣрныя притѣсненія заставляютъ насъ разрывать сіи священныя узы, вести унылую и бѣдственную жизнь на чуждой сторонѣ и весь свѣтъ наполнять жалобами и стенаніями; кто же остается въ отечествѣ своемъ,

шотъ живетъ въ безпрерывномъ безпокойствіи и страхѣ; его лишаютъ утѣшенія служить Богу своему по убѣжденію его совѣсти; а если онъ исполняетъ сію священную обязанность: то его умерщвляютъ какъ злодѣя и возмутителя; не довольствуются тѣмъ, что лишаютъ насъ достоинствъ и заслугъ нашихъ; но и дома наши предаютъ разграбленію и лишаютъ насъ нужнаго и Богомъ дарованнаго; одни умираютъ съ печали, другіе убѣгаютъ въ лѣса и пустыни, и скрываются въ ущельяхъ горъ и пещеръ, подобно благовѣрнымъ перваго столѣтія христіянской Церкви, коихъ свѣтъ былъ недостоинъ; нашихъ женъ и дочерей запираютъ въ Монастыри; мужей бросаютъ въ темныя и отвратительныя темницы, гдѣ многіе изъ нихъ или отъ голода, или отъ смрада погибаютъ, другихъ предаютъ безжалостнымъ палачамъ, которые въ запертой комнатѣ, при безпрестанныхъ мученіяхъ заставляютъ испускать духъ ихъ; иныхъ обремѣняютъ тяжелыми оковами и ссылаютъ на галеры, гдѣ съ ними обходятся жесточѣ, чѣмъ съ величайшими злодѣями, которыхъ освобождаютъ даже, чтобы замѣнять ихъ сими невинными. Такъ и Спаситель нашъ заступилъ мѣсто смертоубійцы Вараввы; съ нами поступаютъ съ необыкновенною жестокостію и не позволяютъ никому, даже старымъ Католикамъ вручать имъ хотя малѣйшее число денегъ или хотя одну утѣшительную строчку, даже разговаривать съ ними запрещается, какъ и съ прочими галерными невольниками. Многіе публично казнены, другихъ отдавали на произволъ ожесточенныхъ и свирѣпыхъ солдатъ, которые поступали съ нами постыднѣйшимъ образомъ, вѣшали или

умерщвляли безчеловѣчно; всѣ стонутъ, плачутъ, всѣ повержены въ печаль и горесть; нашимъ имѣніемъ, дѣтьми, самою жизнію нашею распоряжаются, какъ будто мы рабы или скоты. О Господи Боже нашъ! взирающій съ высоты твоего величія на свѣтъ сей, узри слезы, вздохи и текущую кровь нашу; ибо всякой день за тебя предаемся мы смерти, какъ Агнцы, опредѣленные на закланіе.

Возможно ли, чтобы вы всѣ въ состояніи были подавить чувство справедливости, кротости, милосердія и человѣколюбія? Какъ можете вы равнодушно причинять столько зла невиннымъ твореніямъ, которые не оскорбили васъ ничѣмъ? не ужели вы не боитесь, что правосудіе Всемогущаго Бога не позволяющее притѣсненій и убійства, не посѣтитъ васъ? Когда исполнится мѣра ваша? Не ссылайтесь на кротость вашу съ нами; ибо, можно ли назвать кроткими поступки вашихъ драгунъ, которые съ дикою неукротимостію и ужаснѣйшими ругательствами и проклятіями производятъ надъ нами всякаго рода непріязненныя дѣйствія, которыя одинъ только адъ можетъ внушить симъ нечестивцамъ? Можете ли вы назвать сносными тѣ огорченія, гоненія и мученія, которымъ мы ежечасно отъ васъ подвержены? Вы видѣли какъ всякое насиліе противно духу Евангелія, и потому не воображайте, чтобы предъявляемая вами умѣренность могла васъ оградить отъ Божескаго правосудія, которое отрицаетъ такого рода несправедливые и звѣрскіе поступки; законы справедливости, природы, человѣчества, законы Царя Царей запрещаютъ

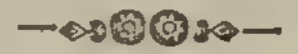
вамъ притѣснять невинныхъ. Разсмотрите же сами, можетъ ли ваше обращеніе съ нами наставить невѣрующихъ и обратить ихъ къ Христіянству? Какое сужденіе могутъ они имѣть о Христіянахъ, когда видятъ между ими раздоры за религію; не должно ли быть для нихъ соблазнительно, что Христіяне подъ видомъ кротости, и благоугоднаго дѣла преступаютъ Священнѣйшія законы и обязанности, чтобъ преслѣдовать и истреблять другъ друга. Не должны ли они исполниться ужаса противъ людей, которые за мнѣнія разстроиваютъ человѣческое общество, попираютъ торжественнѣйшія обязанности и истребляютъ такимъ образомъ общественное довѣріе.

Въ политическомъ отношеніи, вы должны видѣть, что ничто такъ не противно пользѣ Государства какъ преслѣдованіе. Не оно ли было причиною разрыва Голландіи съ Нидерландами, въ прошедшемъ столѣтіи, не оно ли было причиною упадка Австрійскаго дома, не оно ли за нѣсколько лѣтъ привело Германію на край погибели; не подвергаетъ ли оно въ сію самую минуту одно изъ сильнѣйшихъ Государствъ въ свѣтѣ крайней опасности, и не унизило ли оно уже сіе цвѣтущее Государство въ нѣсколько мѣсяцевъ болѣе, чѣмъ всѣ силы Европы въ цѣлое столѣтіе. Преслѣдованіе опустошило часть земель Герцога Савойскаго, коего подданные были умерщвляемы, а большая часть погибала въ темницахъ, наконецъ оноже лишило его лучшихъ и вѣрнѣйшихъ солдатъ - потеря, важность которой заставитъ его нѣкогда раскаяться.

Ужели наша религія такъ ужасна и учитъ такимъ необыкновеннымъ вещамъ, что ваши Прелаты и Езуиты вынужденными находятся не принимать въ уваженіе столько важныхъ причинъ и все опровергать, чтобы только истребить насъ; они терпятъ Жидовъ и Магометанъ; а съ нами поступаютъ они какъ съ идолопоклонниками. Развѣ мы не признаемъ Бога или отказываемся признавать Іисуса Христа Спасителемъ? Развѣ наше ученіе безбожно, наше богослуженіе идолопоклонно и суевѣрно, наша нравственность противна хорошимъ правиламъ.

Благоразумнѣйшіе изъ васъ могутъ сами рѣшить и быть нашими судьями. Въ последнее собраніе Французскаго духовенства въ Парижѣ въ мѣсяцахъ Іюнѣ и Іюлѣ 1685 года мы подали шесть письменныхъ объясненій, содержавшія краткое описаніе нашего ученія, богослуженія, порядка и нравственности; но сіи Господа не заблагоразсудили обнародывать ихъ во Франціи и отдали приказъ на границахъ не пропущать оныхъ печатанныя; хотя мы чрезвычайно желали, чтобы всѣ узнали какого рода наша религія, дабы всякой въ состояніи былъ судить, заслуживаемъ ли мы питаемую къ намъ ненависть и претерпѣваемыя нами ужасныя притѣсненія, и потому мы предложимъ вамъ въ другомъ письмѣ краткое описаніе нашей вѣры, изъ коего вы узнаете, какова та религія, которую Прелаты и Езуиты такъ горячо преслѣдуютъ и для которой мы пренебрегли почести, заслуги, домы, любезное отечество, даже особъ, съ которыми мы соединены сильнѣйшими и нераз-

рывными узами и подверглись бѣдствію, поношенію, крайности, изгнанію, смертельнымъ опасностямъ, тюрьмамъ, галерамъ, смерти и безчеловѣчнымъ казнямъ. Милосердіе Бога—Отца, милость Іисуса Христа Сына Его, просвѣщеніе и прочіе дары Духа Святаго да будутъ съ вами. 10 Марта 1687 года.



VI.

Плѣнный, находящійся сорокъ лѣтъ въ заключеніи не желаетъ возвращенія свободы.

Сей плѣнный Исаакъ Арметъ Даву-Ассите состоялъ въ ротѣ своего брата кадетомъ, былъ изъ протестантской фамиліи, а самъ изъ числа новообращенныхъ; онъ попалъ въ Бастилію въ 1695 году и переведенъ изъ оной въ 1719 въ Шарантонъ, гдѣ онъ въ непродолжительномъ времени умеръ. Его обвиняли въ участіи въ смертоубійствѣ одного судьи, учиненнаго двумя его племянниками, изъ коихъ одинъ изъ нихъ застрѣлилъ его. Когда начальство преслѣдовало сихъ убійцъ, то Арметъ прибылъ ко двору, чтобы испросить помилованіе своимъ племянникамъ; но Король соглашался простить того только, который не стрѣлялъ; пока Арметъ ходатайствовалъ о родственникахъ своихъ, судьи того мѣста, гдѣ учинено смертоубійство изготовили указъ,

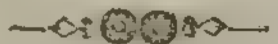
чтобы схватить его самаго за то, что по ихъ мнѣнію онъ написалъ ложное прощеніе племянникамъ своимъ, по случаю также ими учиненнаго смертоубійства другаго дворянина. По прошествіи сорока лѣтъ ему предлагали свободу; но онъ ее отвергнулъ и просилъ Короля, чтобъ онъ его изъ милости оставилъ въ темницѣ. Сей человѣкъ пробылъ въ Бастиліи 54 года 6 мѣсяцевъ и двадцать дней. Ему было около девяносто лѣтъ отъ роду, когда его перевели въ Шарантонъ, дабы содержать и одѣвать его тамъ на счетъ казны; онъ былъ подъ конецъ слабоуменъ какъ ребенокъ и ходилъ свободно весь день въ обоихъ внутреннихъ дворахъ замка. Около 12 лѣтъ не позволено уже ему было почевать въ одной и тойже комнатѣ, потому что онъ собиралъ тамъ дрова, свѣчи и всякія вещи, и должно было всегда опасаться, чтобъ онъ не зажегъ Бастиліи, и потому ему приказано было почевать во второй караульнѣ, гдѣ волонтеры по старому знакомству имъ не скучали, онъ и самъ привыкъ къ нимъ; но когда въ Бастиліи заняли караулъ Инвалиды; то имъ здѣлался въ тягость; равнымъ образомъ и онъ не могъ къ нимъ привыкнуть. Онъ былъ вообще скрытенъ и весьма легко могъ бы сжечь Гаубтвахту и ружья. Всѣ сіи затрудненія побудили Беля, Губернатора Бастиліи просить Полицію, чтобы она освободила его отъ сего человѣка. Его родственники навѣдывались отъ времени до времени, не умеръ ли онъ, вѣроятно потому, что напередъ завладѣли его имѣніемъ.

VII.

Извѣстная мечтательница Гіонъ. 1698.

Она была вдова Кавалера Квеспоя, 47 лѣтъ отъ роду, и еще весьма хороша собою, когда, въ 1698 году, привели ее въ Бастилію. За три года до сего содержалась она въ Винценнѣ, занимаясь истолкованіемъ Священнаго Писанія и сочиненіемъ сообразныхъ тому твореній; она утверждала, что имѣетъ Божескія откровенія, состояла при Дворѣ въ тайныхъ и частныхъ сношеніяхъ и старалась распространять ученіе свое между людьми высокаго званія; къ приверженцамъ ея принадлежали многія знатныя особы, между прочими Архіепископъ Камбрійскій, знаменитый Фенелонъ. — Она имѣла большую довѣренность къ нѣкоторому Даву, который мечтами своими умножалъ мечты ея воображенія.

Гіонъ была освобождена изъ Бастиліи въ 1703 году на поруку сына ея. Погребена въ Блоа, и приверженцы ея секты довольно часто странствовали туда по обѣщанію.



VIII.

Желѣзная маска, называемая также Старый Плѣнникъ Пиньерольскій (*).

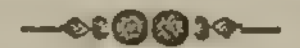
О семъ плѣнникѣ совершенно ничего не значится ни въ протоколахъ, ни въ прочихъ бумагахъ Бастиліи;

(*) См. о семъ въ вѣкѣ Людовика XIV.

онъ не извѣстно откуда привезенъ въ Пиньероль въ 1671 году; отсюда перевезли его въ Ескиль въ 1687 году, и въ томъ же году на островъ Св. Маргариты, откуда поступилъ въ Бастилію, въ 1698 году.

Онъ всегда носилъ маску изъ чернаго бархата, которая весьма крѣпко держалась на немъ посредствомъ проволоки (откуда и происходитъ названіе желѣзной маски), которую онъ носилъ до самой смерти. Господинъ Сентъ-Марсъ привезъ его въ своемъ портшезѣ въ Бастилію въ 1698 году, 18-го Сентября, въ 3 часа по полудни, пріѣхавъ съ острова Св. Маргариты, чтобы занять мѣсто Губернатора Бастиліи. Онъ обходился съ большимъ уваженіемъ съ симъ плѣннымъ, къ которому никто не допущался, кромѣ Губернатора и Маіора Росаргеса, коему одному поручена была услуга и надзираніе за нимъ. Ему ни въ чемъ не отказывали, чего бы онъ ни пожелалъ. Послѣ скоропостижной смерти, приключившейся ему отъ болѣзни, продолжавшейся нѣсколько часовъ только, 19-го Ноября 1703 года былъ онъ завернутъ въ простыню изъ новаго холста и черезъ день погребенъ въ церквѣ Св. Павла, въ 4 часа по полудни, подъ именемъ Мархіали, въ присудствіи Маіора Росаргеса и главнаго лѣкаря Бастиліи Бейля, коими подписанъ также списокъ сей церкви. Его похороны стоили 40 ливровъ. Онъ пробылъ въ Бастиліи 5 лѣтъ и 6 дней; все находившееся въ его комнатѣ: кровать, постель, столы, стулья и прочія принадлежности, даже двери и окошки сожжены, а серебряная, мѣдная и оловянная посуда переплавлена; занимаемая же имъ комната, третья въ башнѣ, называемой Бертодьеръ, выскоблена и вновь выбѣлена. Въ цер-

ковной книгѣ онъ показанъ 45 лѣтъ. Его называли въ Бастиліи человѣкомъ въ маскѣ, или неизвѣстнымъ.



IX.

Чернокнижникъ Аубертъ.

Его отецъ былъ откупщикомъ въ Шампаньи, послѣ котораго сынъ, не получа никакого наслѣдства, принужденъ былъ принять званіе слуги въ Парижѣ. Онъ увѣрялъ, что, получа отъ одного Священника Хиромантическія книги, занимался представленіемъ Хороскопа весьма удачно. Его обвиняли въ обращеніи съ духами, отъ чего онъ хотя и отрицался, однако сознался, что присудствовалъ при церемоніи кошечьей головы съ другими подобными ему обманщиками. Сія церемонія состояла въ томъ, что сему животному отрубали голову, а тѣло зарывали на 7 футовъ въ землю; послѣ того клали голову въ горшокъ и втыкали въ оную 7 бобовъ, изъ коихъ съ каждаго долженъ былъ выйти червякъ, который имѣлъ силу дѣлать невидимкою того, кто его съ собой носить будетъ. Хотя Аубертъ и увѣрялъ, что предлагаемому таинству онъ никогда не вѣрилъ; но остался при томъ, что для врачебнаго искусства онъ имѣлъ превосходныя средства. Одинъ Нотаріусъ объявилъ, что онъ едва не умеръ отъ одного изъ нихъ и что изъ всѣхъ ему извѣстныхъ обманщиковъ сей былъ опаснѣйшій. — Аубертъ жаловался на сіе несправедливое обвиненіе, которое казалось болѣе его трогало, чѣмъ двухъ съ полови-

ною-лѣтнее заключеніе его въ темницѣ: онъ не признавался въ большой части дѣлаемыхъ ему обвиненій; но и того уже, въ чемъ онъ признался, было бы весьма достаточно для уличенія его въ остальномъ, ежели дошло бы до изслѣдованія. Такъ какъ сей человѣкъ весьма былъ занятъ астрологическими своими глупостями и при томъ былъ обманщикъ и шарлатанъ въ высочайшей степени, который старался только выманить у людей деньги, и который глупостями самую жизнь жены своей привелъ въ опасность: то сочли за лучшее оставить его въ Бастиліи. Ренневиль въ своей исторіи о Бастиліи упоминаетъ также о семъ Луберѣ и описаніемъ своимъ о немъ совершенно оправдываетъ вышепомянутое рѣшеніе Бастильскихъ Судей. Такъ какъ онъ нѣсколько разъ сидѣлъ съ нимъ въ одной комнатѣ, то и имѣлъ случай узнать его какъ полусумасшедшаго глупца, помѣшаннаго на чернокнижествѣ.

Нѣкоторая Анна Пурьенсъ, занимающаяся предсказаніями, была его сообщницей; она наговаривала легковѣрнымъ множество вздору, предсказывала имъ щастливую будущность и обирала у нихъ такимъ образомъ деньги. Нѣсколько времени находилась она въ услугахъ у знатныхъ дамъ и занималась Хиромантіею и Педомантіею; она продавала также и талисманы: но говорила въ свое извиненіе, что сіи подложные талисманы были не иное что, какъ перстни съ антиками, изъ коихъ каждый имѣлъ особенное свойство и силу, такъ какъ всякое растѣніе. Въ комнатѣ ея нашли много книгъ по сей части, но она увѣряла, что никогда не дѣлала вреднаго употребленія изъ оныхъ; что она занималась тѣмъ единственно

для препровожденія времени и въ угожденіе двумъ Принцессамъ, которыя весьма любопытны были къ подобнымъ вещамъ; между тѣмъ однако же была увѣрена, что въ составѣ рукъ и ногъ находятся извѣстныя линіи, по коимъ можно выводить весьма справедливыя заключенія и значенія. Она увѣряла, что никогда не употребляла сего въ свою пользу; но со всѣмъ тѣмъ извѣстно было, что она только тѣмъ и жила. Какъ она ни была бѣдна, но взяла на воспитаніе дѣвицу, коей отецъ, по ея мнѣнію, былъ Принцъ. Сія молодая особа имѣла 18 лѣтъ, а осуждена 50-ти лѣтъ отъ роду, когда сія послѣдняя приведена была въ Бастилію. Она, по обыкновенію такихъ людей, хвасталась величайшими открытіями и познаніями; говорила, что Маршалъ Виллероа никогда не былъ бы взятъ въ плѣнъ въ Кремонѣ, естьли бы не потерялъ талисмана, который она ему продала за 50 пистолей, и что она трудилась еще надъ составомъ новаго талисмана за ту же цѣну; таинствомъ сего искусства пріобрѣла она одной первокласной дамѣ (госпожѣ Ментенонъ) любовь и почтеніе величайшаго Государя (Людовика XIV). Сію женщину освободили въ 1704 году подъ запрещеніемъ показываться когда либо въ Парижѣ.

Въ семъ же году, какъ видно изъ протокола, освобождена также другая женщина, которая содержалась въ Бастиліи по подозрѣнію въ чернокнижествѣ и подмѣшиваніи яда. Когда разсмотрѣны были порошки, найденныя на каминѣ ея, то оказался одинъ истолченой кирпичь и невкусная соль; и такъ преступленіе ее состояло въ томъ, что она пользовалась легковѣріемъ и глупостію простаковъ.

X.

Замѣчательная история и самоубійство удивительнаго бродяги Винахе, 1704.

Онъ былъ Неаполитанскій уроженецъ и называлcя по надписи Бастильскаго протокола: чудный докторъ, Алхимикъ, искатель таинствъ и камня премудрости, наконецъ, человѣкъ — занимающійся дѣланіемъ и обрѣзываніемъ монеты.

Онъ былъ 38 лѣтъ отъ роду, взятъ подъ стражу, неизвѣстнаго происхожденія, и въ отечествѣ своемъ находился въ большой нищетѣ; не зналъ ни читать, ни писать, и выучился машинально подписывать одно имя свое, которое весьма худо писалъ. Сіе обстоятельство тѣмъ болѣе должно обратить вниманіе, что онъ, какъ видно будетъ въ послѣдствіи, составилъ себѣ блистательное щастіе и прославился въ обществѣ искуснымъ медикомъ, извѣстнымъ химикомъ, наконецъ, человѣкомъ, обладающимъ философскимъ камнемъ и знаніемъ другихъ естественныхъ и искуственныхъ таинствъ; сверьхъ того онъ велъ большой торгъ золотомъ и серебромъ въ Женевѣ и другихъ мѣстахъ и занимался обрѣзываніемъ ходячей монеты. Герцогъ Шолнетскій, бывшій тогда въ Италіи, привезъ его во Францію въ концѣ 1689 года. Онъ опредѣлился по прибытіи своемъ въ полкъ Ролль-Руссиль, изъ коего бѣжалъ въ 1691 году въ Парижъ. При побѣгѣ своемъ онъ обобралъ товарища своего Николая, который былъ портнымъ, унеся съ собою отданныя

сему для переправки офицерскіе мундиры, дорогой былъ задержанъ и брошенъ въ тюрьму какъ бѣглый. Графъ Оверискій выхлопоталъ ему помилованіе и освобожденіе. Винахе пришелъ въ Парижъ въ 1692 году и остановился въ дурной харчевнѣ голъ, нагъ, не имѣя ни работы, ни промысла. Хозяинъ сей жалкой харчевни назывался Буллотъ и торговалъ прежде сего свѣчами, отъ чего весьма разстроился. Герцогъ Шолнешскій покровительствовалъ ему, или лучше сказать, молодой и щеголеватой дочери его.

По прошествіи пяти, или шести мѣсяцовъ Винахе присватался къ сей дочери. Отецъ, не могшій дать ей никакого приданаго и желая загладить пятно прежняго образа жизни ея супружествомъ, охотно согласился на предложеніе его. Дочь его получила въ приданое обязательство на 2500 ливровъ капитала; а зять остался жить у тестя своего. Онъ пошелъ послѣ того въ Анжу, гдѣ мѣсяца два находился слугою въ деревняхъ Герцога Бриссака; по прошествіи же сего времени возвратился опять къ своему тестю въ Парижъ. Съ сей эпохи до 1697 года онъ съ женою жилъ тихо и бѣдно, иногда подаяніемъ, иногда барышемъ отъ проданнаго лѣкарства. Мало по малу начало ему нравиться ремесло чудеснаго лѣкаря, особенно же хвастался онъ обладаніемъ неложнаго средства отъ лихорадки; наконецъ онъ увѣрялъ, что уже всѣ болѣзни въ состояніи лѣчить, особенно же хвалилъ онъ свой паранеслонъ, которому самая жестокая лихорадка должна уступить. Сіи подложныя средства состояли въ рецептахъ, выбираемыхъ имъ изъ книгъ, которыя жена его должна была ему читать; она

выписывала ему тѣ, которые для него болѣе приличествовали; а онъ выдавалъ ихъ послѣ въ обществѣ за собственное изобрѣтеніе, какъ плодъ рѣдкихъ своихъ познаній; онъ давалъ имъ особенныя названія и ни о чемъ больше не болталъ, какъ о своихъ великихъ и глубокихъ свѣдѣніяхъ въ таинствахъ царства растѣній и ископаемыхъ.

Уже въ 1694 году онъ говорилъ другому Винахе, родомъ также изъ Неаполя, который былъ плавильщикъ, но совсѣмъ не родственникъ ему, чтобы онъ не удивлялся, ежели увидитъ его скоро ѣдущаго въ шесть лошадей и обладающаго большимъ богатствомъ.

Въ 1698 году ѣздилъ на пять или на шесть мѣсяцевъ въ Бретань, откуда возвратился въ Парижъ въ собственной небольшой каретѣ, запряженной двумя лошадьми; отъ своего тестя перешелъ онъ въ наемной домъ, въ которомъ занималъ весьма хорошо убранную комнату и нанялъ одного каммердинера и двухъ лакеевъ. Съ 1698 по 1700 годъ занимался онъ химическими работами и при томъ съ большимъ успѣхомъ. Герцогъ Шолнешскій предложилъ ему 1000 лаубталеровъ для заведенія печей и прочихъ химическихъ снарядовъ. Отъ Химіи перешелъ онъ къ Алхиміи, къ преобразованію металловъ и дѣланію золота. Онъ хвастался, будто нашелъ философскій камень и былъ въ большой славѣ въ 1701 году. Нѣкоторыя особы предложили ему около 25,000 талеровъ для продолженія работъ и для покупки нужныхъ матеріаловъ. Въ 1702 году его уже вездѣ почитали человѣкомъ, знающимъ дѣлать золото.

Объявленія и извѣстія, найденныя въ Бастиліи касательно Винахс, простираются только до сей эпохи; они показываютъ постепенное возвышеніе и предпріятія его; но до времени взятія его подъ стражу въ 1704 году, что составитъ около 4 лѣтъ, и лучшее время славы его, невозможно уже идти по слѣдамъ жизни его; въ показаніяхъ, которыя учинили 12 человѣкъ изъ находившихся у Винахе слугъ и работниковъ, Полицей-Лейтенанту Аржансону дѣянія его не вездѣ вѣрно означены; изъ сообщенныхъ же о немъ извѣстій видно, что онъ занимался перегонкою подозрительныхъ водъ, употребляемыхъ имъ въ свои лѣкарства, отъ которыхъ одинъ изъ его больныхъ умеръ.

Первое имѣніе, купленное имъ въ 1700 году, состояло въ мызѣ и домѣ, находящихся въ одной деревнѣ, которая была отъ Парижа въ разстояніи на 5 часовъ и стоила ему 7 или 8,000 ливровъ. Онъ прикупилъ къ оному еще столько, что наконецъ сіе имѣніе давало ему 3,000 ливровъ годоваго дохода. Здѣсь заложилъ онъ свои печи и лабораторію, чтобы трудиться надъ философскимъ камнемъ и прочими химическими составами, распуская вездѣ слухъ, что имѣетъ услуживающаго духа, называемаго имъ своимъ Кобальдомъ, который доставлялъ ему щастіе во всѣхъ его предпріятіяхъ; онъ скрывалъ сего духа въ подушечкѣ, набитой шерстью, которую носилъ на затылкѣ и говорилъ всѣмъ, что Кобальдъ сдѣлалъ знакъ вдоль спины его въ видѣ змѣи; показывалъ также циркуль, сдѣланный подъ извѣстными небесными знаками, котораго одна ножка была четвероугольная золотая, а другая треугольная серебреная. Съ симъ цир-

кулемъ, по его словамъ, могъ онъ все возможное предпринимать; онъ сдѣлалъ предложеніе господину Деспондю, начальнику морской эскадры, что ежели онъ согласится нѣсколько мѣсяцевъ сряду дѣлать съ нимъ нѣкоторыя извѣстные ему обряды; то онъ отправится къ нему на корабль и помощію духа своего приведетъ его въ состояніе полонить, или потоплять всѣ попавшіеся ему непріятельскіе корабли; на что получилъ въ отвѣтъ, что подобныя искуства слишкомъ противорѣчатъ правиламъ его, и потому онъ не намѣренъ заниматься ими. Такое же предложеніе сдѣлалъ Винахе Бобріану, который послѣ сего прекратилъ съ нимъ знакомство. Герцогъ Наварскій признался, что Винахе до большаго своего богатства обманулъ его на 8,000 ливровъ, вызвавшись обучать его тайностямъ скрытыхъ наукъ. Герцогу Орлеанскому, послѣ бывшему Правителю, предлагалъ онъ констеллировать бриліянтъ и заложилъ также сему Принцу три химическія печи. Онъ сдѣлалъ одному дворянину констеллированный бриліянтъ, чрезъ который онъ въ игрѣ безпрестанно долженъ былъ выигрывать, но тотъ долженъ былъ дать ему за то въ залогъ 5,000 ливровъ Италіянскими, Испанскими, Англинскими и Нѣмецкими деньгами. Дворянинъ сей точно круглый годъ ничего не проигрывалъ, но и не выигрывалъ; наконецъ, почувствовавъ угрызеніе совѣсти, возвратилъ Винахе алмазъ и получилъ обратно заложенныя деньги. Самымъ близкимъ друзьямъ своимъ говорилъ Винахе, что онъ знаетъ тайну философскаго камня, и что ежели бы онъ могъ надѣяться, что Король и Министры его не потребуютъ отъ него тайны и оставятъ ему свободу, то онъ обязался бы доставить Ко-

ролю 300 милліоновъ такъ легко, какъ три луидора; и что тогда онъ позволяетъ какъ угодно охранять себя.

За два года до взятія Винахе подъ стражу былъ онъ уже подозрѣваемъ въ растапливаніи золота и серебра. Самая жена его, которая не была взята такъ какъ мужъ ея; показала при допросѣ, учиненномъ ей Аржансономъ въ домѣ ея, что она видѣла, какъ мужъ ея растапливалъ золото и серебро, которое носили къ нему коробами, передѣлывалъ и обрѣзывалъ ходячую монету. Детресорье, который по сему дѣлу долженъ былъ также идти въ тюрьму, показалъ, что кассиръ знаменитаго банкира Самуеля Бернарда, съ любовницей, будучи оба самыми короткими пріятелями Винахе, платили всегда новотисненными луидорами, а кассиръ всегда старался собирать и вымѣнивать старые луидоры; что онъ самъ имѣлъ однажды отъ любовницы его порученіе заплатить отъ ея имяни купцу, торговавшему шелковыми матеріями, 17 луидоровъ, изъ коихъ 13 были гораздо легче; онъ принесъ ихъ ей обратно и получилъ другіе вмѣсто оныхъ, что банкиръ Бернардъ одинъ разъ проговорился, что Тронхинъ (такъ назывался кассиръ), могъ получить что нибудь отъ послѣдняго растапливанія Женевской монеты, но теперь уже ничего не получитъ. Винахе, торговавшій золотомъ, продавалъ оное Соломону Якову, одному Жиду въ Мецѣ и другимъ Жидамъ унцію за 52, 53 и 54 ливра; золотыхъ же дѣлъ мастерамъ продавалъ онъ золото другаго разбора по 68, 69 и 70 ливровъ унцію. Онъ имѣлъ двухъ повѣренныхъ, которые ежедневно продавали для него золотые и серебреные слитки. Тронхинъ, искренній другъ Винахе, дѣлалъ нѣсколько поѣздокъ въ Же-

неву, за день до отъѣзда приходилъ онъ всегда къ Винахе, проводилъ съ нимъ ночь наединѣ и оба укладывали сами чемоданъ, что они дѣлали для того, чтобъ не могли замѣтить перевозку ими въ Женеву растопленнаго золота, которое смѣшивалось тамъ съ хорошей мѣдью, и продавалось потомъ за золото низкой пробы. Менажеръ, Королевскій Секретарь и Депутатъ торговли въ Руенѣ, Вандергульцъ, отецъ и сынъ, Голландскіе банкиры, которые однако имѣли дома въ Руенѣ и Парижѣ, и уже упомянутый Тронхинъ доставляли Винахе золото и серебро, которое онъ переплавливалъ и обрѣзывалъ. Сіе преступленіе наказывалось смертію; но Винахе превосходилъ всѣхъ въ искусствѣ подмѣнивать вмѣсто хорошей ходячей монеты другую низшей пробы, и велъ совершенный торгъ овымъ въ Женевѣ, Дофинѣ, Савоіѣ и Стразбургѣ. Одинъ изъ людей, носившихъ обыкновенно золото и серебро къ купцамъ и банкирамъ, показалъ, что серебро и золото въ недѣлю три, или четыре раза носили цѣлыми корабами отъ банкира Бернарда къ Винахе; что онъ также часто носилъ отъ Вандергульца къ Винахе и обратно, и Банкиръ Бернардъ дѣлалъ большіе подарки Винахе. Менажеръ выдалъ ему 14,000 франковъ для издержекъ на печи, кромѣ Тронхина и Менажера, которые имѣли довѣренность Винахе. Онъ употреблялъ еще для растапливанія золота одного Нѣмца, по имяни Георга Конрада Шульцъ, который былъ также схваченъ и неизвѣстно куда отвезенъ. Слуги Винахе находили часто въ его комнатахъ и лабараторіи золотые слитки, куски двойныхъ, простыхъ и полу-луидоровъ, которые они продавали Жидамъ и отъ того жили въ изобиліи.

Винахе, чтобы отвести ихъ отъ настоящей причины, говорилъ имъ, что имѣетъ позволеніе Короля для растапливанія старой монеты, и увѣрялъ ихъ, что онъ Кавалеръ. Жена его нашла одинъ разъ людей своихъ въ разговорѣ о богатствѣ своихъ господъ, и сіе сдѣлало такое вліяніе на нее, что она на мѣстѣ сдѣлалась нездорова; она условилась съ мужемъ обѣщать имъ составить ихъ щастіе и дать нѣсколько луидоровъ, чтобъ они молчали. Имѣя въ 1703 году семь слугъ и опасаясь, чтобъ они не разгласали чего, Винахе разослалъ трехъ въ разныя стороны, одного въ Руенъ, другаго во Фландрію, а третьяго въ Римъ съ назначеніемъ имъ пристойнаго содержанія. Нѣкоторые изъ его слугъ показывали, что видѣли въ его комнатѣ сосуды съ распущенною ртутью. Въ Августѣ 1702 года принялъ къ себѣ Винахе въ услуженіе нѣкоторого химика Туріата; онъ велѣлъ ему купить двѣ плавильныя печи, нѣсколько стеклянной посуды и послалъ его въ свою деревню. Двѣ недѣли спустя Винахе также туда пріѣхалъ и заставлялъ Туріата растапливать и отдѣлять золото отъ серебра, къ чему прибавлялось немного соли и урины, какъ будто хотѣлъ приготовить изъ того нѣкоторыя лѣкарства, между прочимъ знаменитый свой парацеслонъ. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ — продолжаетъ Туріатъ въ своемъ показаніи по допросу Аржансона — „велѣлъ Винахе перенести обѣ плавильныя печи въ свою спальню, куда слуги должны были принести еще много угольевъ и колодезной воды; послѣдніе три дня второй недѣли, пока продолжалась работа, Винахе заперся въ сей комнатѣ и никогда не оставлялъ оной. Онъ самъ бралъ ведро съ

водой у людей изъ рукъ у дверей; никого не впускалъ туда, кромѣ Тронхина, который нѣсколько разъ въ день входилъ и выходилъ, а къ вечеру еще долѣе тамъ оставался; по утру третьяго дня показали мнѣ горничная и лакей кусокъ золота вѣсомъ слишкомъ фунтъ, множество золотыхъ крупинокъ, нѣсколько кусковъ серебра, двойный луидоръ и одинъ полурастопленный простой луидоръ, который горничная нашла у печки подъ пепломъ между угольями; одинъ нашелъ также въ печкѣ полурастопленный поллуидоръ между крупинками золота. Коль скоро Туріатъ увидѣлъ, что Винахе не требовалъ обратно сихъ вещей отъ людей своихъ; то воспользовался изъ любопытства первымъ случаемъ, чтобы войти въ комнату, когда горничная и слуги убирали оную, и осмотрѣвъ печи, нашелъ въ нихъ золото, превращенное въ крупинки и серебро зернами и кусками, смѣшанное съ золотомъ. Я видѣлъ также нѣкоторые фарфоровые сосуды, наполненные ртутью, которая почти вся была амальгамирована, или смѣшана съ рудами. Я воспользовался присудствіемъ жены его, чтобы открыть имъ намѣреніе слугъ ихъ, отнести найденное золото и серебро на монетный дворъ и донести на нихъ. Они позвали послѣ сего всѣхъ людей и отобрали у нихъ найденное. Винахе сказалъ имъ въ моемъ присудствіи, что намѣреніе его было сдѣлать золото, годное для питья; при чемъ онъ на меня какъ на знатока сослался, который долженъ былъ подтвердить сіе; вынулъ между прочимъ изъ кармана горсть золотыхъ денегъ величиною въ талеръ, желая доказать слугамъ своимъ, что то были не Французскіе луидоры, но иностранная монета; но они имѣли дерзость сказать ему въ

глаза, что они очень увѣрены въ противномъ и знаютъ, что въ продолженіи трехъ дней, въ которые запирался съ Тропхиномъ, онъ чеканилъ монету, прибавя къ тому, что они сдѣлаютъ на него доносъ, ежели онъ и не согласится составить ихъ щастія. Винахе взялся за мягчайшую струну, обѣщалъ ихъ наградить и довелъ до того, что они выдали ему большой кусокъ золота и нѣсколько золотыхъ крупиновъ, которыя на другой день онъ заставилъ меня растопить и приказалъ просить къ себѣ Тропхина и Менажера, которые съ нимъ ужинали. Въ 11 часовъ ночи карета была заложена и послана за Коммисаромъ Полиціи Сокартомъ, который пріѣхалъ чрезъ полчаса въ мундирѣ и введенъ во второй этажъ, гдѣ еще сидѣли за столомъ. Винахе приказалъ снова подать на столъ для Коммисара, который просидѣлъ за нимъ почти часъ. Послѣ сего госпожа Винахе на крыльцо созвала слугъ своихъ, изъ коихъ горничная должна была напередъ войти въ комнату, гдѣ находились полицейскій Коммисаръ, Винахе и два гостя. Она пробыла тамъ полчаса; послѣ чего меня позвали, предупредивъ прежде, чтобы на дѣланные мнѣ вопросы я не иначе отвѣчалъ, какъ утвердительно и выдавалъ себя за ювелира, а не за химика; въ противномъ же случаѣ угрожали мнѣ большими непріятностями, чего опасаясь, я отвѣчалъ по ихъ желанію; послѣ меня привели лакея, и весь допросъ кончился въ часъ по полуночи, и Коммисаръ въ той же каретѣ отъѣхалъ домой. На другое утро прочіе слуги дѣлали также свои показанія, но только въ домѣ Коммисара.

Винахе сдѣлался противъ насъ гордѣе, самоувѣреннѣе и сказалъ, что болѣе не боится насъ: ибо ежели бы

намъ когда нибудь пришло на мысль говорить противное показанному нами Каммисару; то онъ, какъ ложныхъ свидѣтелей, велитъ повѣсить насъ.

Сей Коммисаръ Сокартъ въ послѣдствіи былъ также посаженъ въ Бастилію, потому что сей поступокъ его нашли въ высочайшей степени преступнымъ и законопротивнымъ.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ сего происшествія, продолжаетъ Туріатъ, увидѣли мы при наступленія ночи телегу, ѣдущую въ домъ Винахе, которая была гораздо красивѣе обыкновенныхъ, заложена прекрасной и сильной лошадью и почти вся наполнена мѣшками, которые, казалось, заключали въ себѣ 1000 ливровъ: я въ то время былъ въ третьемъ этажѣ съ однимъ Итальянцомъ Мартыномъ. Полли и занимался установленіемъ печей новаго изобрѣтенія. Мы видѣли въ надворное окно, что Винахе съ своимъ каммердинеромъ и лакѣемъ свалилъ мѣшки съ телеги и приказалъ вносить ихъ на верьхъ. Пришедши послѣ того въ комнату, гдѣ мы находились, Полли спросилъ его, откуда онъ досталъ столько денегъ; на что онъ отвѣчалъ, что то была фура съ 600,000 ливровъ, которые онъ хотѣлъ дать въ займы городскому Приказу. Черезъ день мы дѣйствительно видѣли другую телегу, нагруженную такими же мѣшками, какъ и вчера; однако утвердительно не могу сказать, та же ли самая монета была. Въ сіе время весьма обыкновенно было видѣть ежедневно приходящихъ посыльщиковъ къ Винахе съ закрытыми камбалами. Между тѣмъ Винахе ничего не дѣлалъ въ мою пользу, и какъ я иногда на то жаловался, то господинъ Менажеръ предложилъ мнѣ от-

правиться съ грузомъ въ Вестъ-Индію и увѣрялъ меня, что я такъ же буду доволенъ, какъ и Нѣмецъ, котораго послали въ Римъ; но я отвергнулъ сіе предложеніе, потому что имѣлъ большое отвращеніе отъ морскаго путешествія.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1703 года отправлены были чиновники Монетнаго Двора въ деревню, въ которой, по показанію одного слуги, бывшаго прежде у Винахе, находились лабораторія и плавильныя печи; но Менажеръ, узнавъ о томъ, заблаговременно предупредилъ ихъ и велѣлъ зарыть и скрыть отъ глазъ все, что могло бы показать противъ Винахе. Онъ умѣлъ также представить симъ чиновникамъ столько околичностей и доказательствъ, что они возвратились въ Парижъ, ничего не сдѣлавъ. Весьма примѣчательно то, что сей человѣкъ, который имѣлъ такую большую переписку въ самомъ Государствѣ и внѣ онаго, большой закупъ и расходъ матеріаловъ для растапливанія и чеканія монетъ и при томъ такое множество лѣкарствъ продавалъ на чистыя деньги и въ долгъ, никогда не держалъ приходной и расходной книги, и ничего не записывалъ; память его должна была заступать мѣсто сего и замѣнять все; — иногда развѣ диктовалъ онъ женѣ своей нѣсколько примѣчаній, которыя она писала на лоскуткѣ бумаги, или на тряпицѣ. Вскорѣ сначала его благополучія отыскалъ его прежній товарищъ его солдатъ Королевско-Руссильонскаго полка, котораго онъ обокралъ при побѣгѣ своемъ. Винахе принялъ его съ отверстыми объятіями, угостилъ его прекраснѣйшимъ образомъ и заплатилъ горстію луидоровъ за себя и за унесенные имъ офицерскіе мундиры. Въ 1700

году купилъ Винахе съ аукціона, при продажѣ наслѣдства умершаго Королевскаго брата, брильянтовъ на 60,000 ливровъ, а жена его купила брильянтовую нитку въ 6,000 ливровъ; послѣ того умножилъ онъ у себя драгоцѣнныхъ вещей до 10,000 рейксталеровъ; а когда жена его показывалась въ полномъ нарядѣ, то имѣла на себѣ болѣе чѣмъ на 40,000 брильянтовъ. Въ Январѣ 1704, за мѣсяцъ до взятія его въ Бастилію, золото у него такъ было обыкновенно, что въ комнатахъ его стояли вездѣ мѣшки съ луидорами и по 15 и по 20 мѣшковъ находили между черным бѣльемъ, фарфоромъ и прочими домашними принадлежностями, изъ коихъ каждой былъ въ 10,000 ливровъ. Два человѣка весьма различнаго состоянія посѣщали Винахе ежедневно, именно : Герцогъ Брисакъ и Маріонъ Ефрейтеръ, надзиратели большихъ дорогъ Иль-де-Франса. Съ приращеніемъ богатства его занималъ онъ и лучшія комнаты; онъ купилъ себѣ большой домъ, убралъ его превосходно и помѣстилъ въономъ Вандергульца сына съ собою; имѣлъ семь слугъ, карету съ четверкою лошадей, три верьховыхъ лучшихъ во всемъ Парижѣ, изъ коихъ на каждой приборъ стоилъ 200 рейхсталеровъ; онъ давалъ весьма часто сихъ лошадей Тронхину и другимъ Коммисіонерамъ банкира Бернарда.

Въ половинѣ 1700 года связи его съ Тронхиномъ и Менажеромъ были всего тѣснѣе; послѣ того онъ весьма подружился съ Вандергульцомъ, отцомъ и сыномъ, и все сіе происходило подъ общей перепиской Самуеля Бернарда. Сентъ-Гобертъ и Бюиссонъ были тайные по-

вѣрепные сей переписки. Такимъ образомъ шли дѣла сіи въ цвѣтущемъ состояніи около двухъ лѣтъ съ половиною; но послѣ вмѣшался тутъ раздоръ. Прежде поселился онъ между повѣренными, которые жаловались на банкира Бернарда; а сей, будучи значительнѣе всѣхъ ихъ, приводилъ ихъ симъ въ страхъ начать что либо противъ него; они не осмѣливались обнаружить дѣла. Винахе производилъ занятія свои съ большимъ блескомъ и великолѣпіемъ. Менажеръ держалъ себя на среднюю ногу; Тропхинъ раззорялся глупыми любовными интригами и расточительностію, а прочіе роптали въ молчаніи и скрывали свою досаду.

Въ Сентябрѣ 1703 года начала сбираться туча надъ головою Винахе; первою жертвою оной былъ Бюиссонъ, схваченный въ Декабрѣ сего года. Сентъ-Робертъ одинъ изъ повѣренныхъ общей переписки въ Сентябрѣ, или Октябрѣ, далъ подъ рукою знать госпожѣ Ментенонъ вразсужденіи Винахе, а сія Королю. Вандергульцъсынъ также шепнулъ нѣчто Министру Шамилларду; но все сіе не было еще совершеннымъ доносомъ на Винахе. Сіи люди старались поступать такъ, надѣясь чрезъ то получить отъ Государя своего награжденіе за одно мановеніе, которымъ бы онъ могъ воспользоваться; ибо сами они почитали Винахе такимъ человѣкомъ, которому тайна составленія золота совершенно была извѣстна. Сентъ Робертъ—что мы не должны пропускать безъ вниманія—поссорился съ Тропхиномъ и Бернардомъ; онъ участвовалъ съ ними въ составленіи плана одной машины, посредствомъ которой корабли на Ронѣ могли бы ходить

вверьхъ противъ теченія, и можетъ быть главное его намѣреніе было, когда онъ объявилъ о Винахе, подать поводъ къ ближайшему разсмотрѣнію поведенія Самуела Бернарда, и чтобы на немъ обрушилось наказаніе за обрѣзываніе монеты, въ чемъ Винахе въ послѣдствіи могъ бы быть изобличенъ; только Сентъ-Робертъ при донесеніи своемъ непремѣнно требовалъ, чтобы его посадили въ темницу въ одно время съ Винахе и скорѣе дали очную ставку съ нимъ, дабы онъ въ глазахъ его могъ доказать доносъ свой; ежели же правительство не хочетъ воспользоваться симъ, то онъ проситъ госпожу Ментенонъ, чтобъ въ семъ случаѣ позволено было увѣдомить Винахе о имѣющемся на него подозрѣніи; ибо онъ увѣренъ, что сей наградитъ его за сіе предостереженіе по крайней мѣрѣ 100,000 ливровъ; но не смотря на сіе предложеніе, Сентъ Робертъ не только не былъ заключенъ съ Винахе, но и очной ставки не получилъ.

Второй доноситель, Вандергульцъ, тотъ самой, который прежде сего давалъ Винахе 10,000 ливровъ для производства его работъ, которые онъ ему вскорѣ послѣ того возвратилъ, твердилъ безпрестанно супругѣ Министра Шамиларда о чрезвычайныхъ дарованіяхъ сего человѣка и о выгодахъ, могущихъ произойти для казны и Государства отъ знанія его таинства.

Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ доносовъ было то, что приказано Полицей-Лейтенанту Аржансову присматривать втайнѣ за поведеніемъ Винахе. Не желая еще предпринимать чего нибудь рѣшительнаго съ симъ человѣкомъ, госпожа Ментенонъ послала даже къ нему своего

Шталмейстера Мансо, подъ видомъ того, чтобы выбрать алмазовъ для иностранной Княгини. Мансо весьма подробно разсмотрѣлъ домашнее устройство; онъ засталъ Винахе съ женою въ утреннемъ платьѣ, сбирающихъ бѣлье для мытья, который отвѣчалъ Шталмейстеру, коего онъ не зналъ, что хотя и имѣетъ брильянты, но только не для продажи, а для своей жены и для другихъ случаевъ, которые сами собою представляются, не имѣя нужды стараться искать ихъ. Шталмейстеръ замѣтилъ, что въ картинной галереѣ находилось картинъ болѣе нежели на 25,000 рейхсталеровъ, видѣлъ также чайный столикъ съ серебряными и вызолоченными сосудами, которые онъ цѣнилъ по крайнѣй мѣрѣ въ 10,000 рейхсталеровъ; въ конюшняхъ стояли прекрасныя лошади; — онъ обо всемъ донесъ госпожѣ Ментенонъ. За нѣсколько дней до повелѣнія взять его подъ стражу, Министръ Шамиллордъ имѣлъ любопытство узнать лично Винахе; онъ представилъ, что хочетъ посовѣтоваться съ нимъ вразсужденіи нѣкоторыхъ лѣкарствъ и другихъ рецептовъ; призвавъ его къ себѣ въ Версалію завелъ онъ рѣчь о его отечествѣ и спросилъ о причинѣ побудившей его пріѣхать во Францію, на что Винахе насказалъ ему множество нелѣпостей; при чемъ дабы придать себѣ болѣе важности, онъ сказалъ на примѣръ, что пріѣхавъ во Францію съ Герцогомъ Шолнешскимъ удостоилъ его дружбою и пенсіонъ по его ходатайству; что онъ получилъ въ приданое за женою 40,000 франковъ; что онъ самъ человѣкъ знатной, отечество его Неаполь, а отецъ его занимаетъ должность Великаго Датарія у Папы въ Римѣ; что изъ оставшагося имѣнія послѣ Ко-

ролевскаго брата онъ купилъ съ аукціона брильянтовъ на 40,000 франковъ, и получилъ отъ оныхъ барыша въ двѣ недѣли 14,000 ливровъ; что вообще онъ сознается, что торгъ его драгоцѣнными вещами и глубокія его познанія въ Медицинѣ составили ему значительное состояніе, и началъ при томъ весьма плодовито выхвалять свои лѣкарства, которыя онъ довелъ до невѣроятной степени совершенства химическими работами своими, которыми онъ издавна весьма тщательно занимался. Министръ Шамиллордъ спрашивалъ еще его мнѣнія вразсужденіи многихъ медицинскихъ рецептовъ, которые онъ ему показывалъ, и отпустилъ его, не давъ замѣтить подозрѣнія противъ него въ растапливаніи золота и серебра. Короткое время спустя, Винахе былъ схваченъ и посаженъ въ Бастилію. Аржансонъ успѣлъ ему сдѣлать только два допроса 23 Февраля и 10 Марта 1704 года, ибо черезъ десять дней онъ зарѣзался въ темницѣ. Тронхинъ, Менажеръ, Вандергульцъ и другіе изъ его повѣренныхъ не были взяты подъ стражу. Недвижимое имѣніе Винахе, не щитая движимаго и драгоцѣнностей, которыя были гораздо значительнѣе перваго, состояло въ одномъ помѣстьѣ въ Кубронѣ, приносившее ежегоднаго дохода 3,000 ливровъ, и въ другомъ въ Герцогствѣ Анжу, принадлежавшее Герцогу Бриссаку, которое давало столько же доходу; построеніе замка одного стоило болѣе 200,000 ливровъ; сюда принадлежали также 12,000 ливровъ и еще большіе капиталы, отданные въ Парижскую и Руенскую таможню.

Въ то время, какъ посаженъ былъ въ темницу, покупалъ онъ помѣстье Ерменонвиль, прославившееся въ по-

вѣйшія времена пребываніемъ и смертію Жанъ Жака Руссо, за которое онъ давалъ 25,000 ливровъ. Послѣ его смерти ввели сейчасъ вдову его въ неоспоримое владѣніе всего имѣнія какъ движимаго, такъ и недвижимаго и сказали ей только, что мужъ ея умеръ въ Бастиліи отъ удара.

Въ донесеніи своемъ Министру Шамиллорду Аржансонъ говоритъ, что отвѣты Винахе были нерѣшительны и противорѣчили одинъ другому; что никогда не можетъ быть свидѣтельствомъ истины; къ тому же Винахе прилагалъ величайшее стараніе уменьшать свое состояніе и совсѣмъ тѣмъ самъ признался, что въ теченіи менѣе 15 лѣтъ онъ получилъ барыша 40,000 талеровъ; также подозрительно весьма и то, что онъ заставилъ слугъ своихъ дѣлать судебное показаніе въ присудствіи Коммисара, весьма очевидная и смѣшная уловка, чтобы скрыть поддѣлываніе монетъ; сіе подозрѣніе подкрѣпилось еще и тѣмъ, что курьеръ, который весьма тщательно отъ всѣхъ, особенно же отъ слуги Кавалера Сериньяна, сосѣда его, скрывался, часто пріѣзжалъ къ Винахе съ большимъ чемоданомъ, и такъ все показываетъ противъ Винахе, хотя онъ и прибѣгаетъ ко множеству оправданій, дабы дать видъ вѣроятія скорому своему обогащенію.

Трагическая смерть его въ Бастиліи, стараніе Аржансона увѣриться собственными глазами въ самоубійствѣ Винахе, вмѣсто того, что прежде посылался обыкновенно Полицейскій Коммисаръ, второй необыкновен-

кый поступокъ Аржансона, что онъ чрезъ два дня послѣ его смерти опять пошелъ въ Бастилію и осмотрѣлъ тѣло Винахе прежде нежели положили его въ гробъ и наконецъ приказъ, отданный имъ похоронить его въ церквѣ Св. Павла подъ именемъ Стефана Дюранта, 60 лѣтъ отъ роду, когда настоящее его имя было Винахе и 53 лѣтъ отъ роду.—Всѣ сіи обстоятельства заставляютъ предполагать нѣчто неизъяснимое и таинственное. Списокъ, сдѣланный тогдашнимъ Королевскимъ Лейтенантомъ Бастиліи Дюжолкомъ, былъ слѣдующаго содержанія:

Великій четвертокъ, 20 го Марта 1704 года. Въ ночи на сей день въ четверть втораго часа по утру умеръ Винахе Итальянецъ, который былъ заключенъ въ Бастиліи въ третьей комнатѣ башни, называемой Бертадьеръ, въ присудствіи тюремщика Лабатоньера и Капрала Михайла Гирланка. Какъ скоро онъ умеръ, то два стража сіи увѣдомили о томъ Господина Расаргеса, который тотъ часъ всталъ и пошелъ въ комнату умершаго Винахе, который погибъ отъ собственной руки, сдѣлавъ на шеѣ подъ подбородкомъ большую и глубокую рану ножемъ своимъ, вчера въ середу въ часъ или два часа по полудни. Всякая помощь и скорая перевязка не въ состояніи были спасти его; когда же онъ нѣсколько приходилъ въ память и казалось хотѣлъ говорить, то Священникъ нашъ все возможное употреблялъ, чтобы исповѣдывать его; но трудъ его остался напрасенъ. Въ 9 часовъ вечера объявилъ я сіе нещастіе Аржансону, который тотъ часъ самъ пришелъ видѣть сего нещастнаго, погубившаго самаго себя.

Суббота 22 Марта. Вчера около 6 часовъ вечера похоронили Винахе подъ именемъ Стефана Дюранта на ограде церкви Св. Павла. Прежде нежели положили его въ гробъ, пришелъ въ субботу же въ 4 часа по полудни еще разъ Аржансонъ въ замокъ, дабы видѣть и осмотрѣть трупъ.

—⊷⊛⊛⊶—

XI.

Заключеніе и смерть Алхимика де л'Иля.

Іоаннъ Трунинъ по прозванію де л'Иль, оружейный мастеръ, 39 лѣтъ отъ роду, былъ взятъ 4 го Апрѣля 1711 года въ Бастилію. Онъ увѣрялъ, будто знаетъ тайну превращенія металловъ и дѣланія золота и серебра,—ничему не учась, не умѣя ни читать ни писать и проведя большую часть молодости своей оружейнымъ мастеромъ. При первомъ допросѣ показалъ онъ, что первое желаніе заниматься Химіею возымѣлъ онъ на 29 мъ году своего рожденія; ибо Итальянецъ одинъ, который нашелъ его въ Ниццѣ, насказалъ ему много чудеснаго о сей наукѣ; сей Итальянецъ, ѣхавшій въ Авиньонъ вызвался учить его оной, и потому онъ проводя его туда, цѣлыя восемь мѣсяцевъ занимался химическими работами; въ продолженіи сего времени онъ съ Итальянцемъ дѣлалъ нѣсколько путешествій въ сосѣднія Систеронскія горы для ботанизированія и пріисканія нужныхъ имъ травъ. Сей Итальянецъ превращалъ въ извесшь

маленькіе кусочки золота, которое онъ потомъ клалъ на солнце и онымъ превращалъ свинецъ въ золото; но изъ перваго золота извлекалъ онъ прежде родъ ртути, а изъ оной приготовлялъ такъ называемый металлическій порошокъ; вещи употребляемыя имъ при семъ производствѣ были: золото, травы — lunaria maior и lunaria minor и нѣкоторые минералы. Чтобы дѣланное золото было настоящаго достоинства и могло выдержать пробу, то наливалось на металлическій порошокъ въ бутылку масло и вода, выдавленные изъ упомянутыхъ травъ; все сіе смѣшеніе ставилось на солнцѣ, пока вся вода пропадетъ; что продолжалось иногда годъ и два, смотря по степени лѣтняго жара; масло состояло изъ известковаго золота, изъ сока вышеупомянутыхъ травъ и изъ селитры, что однако не всегда удавалось и ему самому, причины чего онъ не зналъ и показать не умѣлъ. Аржансонъ укорялъ его при допросѣ, что онъ не всегда такъ говорилъ; напротивъ того прежде, увѣрялъ Епископа Сенецкаго (Святаго Янзенитскаго) и Президента Сентъ-Морицскаго, что таинство его и образъ дѣланія золота были безошибочны, ежели бы ему только позволили на свободѣ и при надежномъ присмотрѣ работать два года безъ помѣшательства и дѣлать составы свои въ глазахъ самаго Короля, что оказывается теперь весьма сомнительно, такъ какъ онъ де л'Иль отзывается теперь о своемъ искусствѣ весьма невѣрно и ненадежно; на что онъ отвѣчалъ, что обѣщалъ Епископу Сенецкому показать ему только нѣчто особенное и необыкновенное, но о непремѣнности и всегдашней удачѣ своего искусства онъ ни однимъ словомъ не упоминалъ, что составленіе

металлическаго порошка его требовало по крайней мѣрѣ безпрерывной пяти-лѣтней работы. Слѣдующія ближайшія обстоятельства извлечены слово въ слово изъ судебнаго изслѣдованія, произведеннаго надъ де л'Илемъ, найденныя въ Бастиліи; они содержатъ въ себѣ всю исторію его жизни съ начала лабораторическихъ работъ его до самой смерти его въ Бастиліи.

Де л'Иль путешествовалъ въ 1701 году въ Ниццу, гдѣ онъ познакомился съ Итальянцемъ Діонисіемъ, который препоручилъ ему пріискивать травы, давъ ему образецъ оныхъ, въ Савойскихъ горахъ. Де л'Иль поѣхалъ въ Савоію и такъ прилѣжно исполнялъ порученіе свое, что возвратился скоро съ значительнымъ запасомъ къ Діонисію, отправился съ нимъ въ Авиньонъ, гдѣ и началъ работать подъ его руководствомъ и въ награжденіе прилѣжанія и трудовъ своихъ посвященъ Итальянцемъ въ таинства его искусства и получалъ отъ него иногда золото и серебро и металлическій порошокъ для практики дѣлать и то и другое; симъ порошкомъ превращалъ де л'Иль въ послѣдствіи свинецъ въ золото и серебро въ присудствіи Епископа и многихъ другихъ особъ. Епископъ показывалъ между прочими вещами одинъ ножикъ работы Итальянца, у коего спинка была золотая; де л'Иль три раза составлялъ металлическій порошокъ въ присудствіи Епископа.

Слава его, распространившаяся по всей провинціи, побудила нѣкоторыхъ купцовъ Тассинъ выдать ему 5,000 ливровъ, къ которымъ де л'Иль долженъ былъ прибавить столько же и сдѣлать на оныя деньги металличе-

скій порошокъ съ барышемъ по поламъ; но Тассины увѣряли, что они лишились при ономъ денегъ своихъ. Епископъ Сенецкій, будучи очевиднымъ свидѣтелемъ въ Провансѣ работъ де л'Иля, былъ совершенно увѣренъ въ дѣйствительности его искусства и писалъ по сему случаю къ Генералъ-Контролеру Десмарецу. Епископъ и самъ пріѣхалъ въ Парижъ и показывалъ два письма де л'Иля, въ коихъ онъ обязывался увѣрить Дворъ въ истинѣ своего искусства; по возвращеніи Епископа въ Провансъ писалъ онъ снова къ Десмарецу, что онъ уже разъ писалъ къ нему о семъ дѣлѣ и долженъ еще разъ повторить подтвержденіе всего касающагося до де л'Иля, который трудится въ его Епархіи надъ разборомъ степени сродства металловъ; что онъ беретъ участіе въ семъ дѣлѣ единственно изъ ревности къ Королю и благу Государства; что онъ сначала въ разсужденіи таинства де л'Иля самъ сомнѣвался, потому что Епископъ, занимавшійся прежде сего химическими работами, не изъ корыстолюбія, а одного любопытства, по своимъ правиламъ долженъ былъ считать такое превращеніе необходимо невозможнымъ; но разговоръ его съ однимъ непримиримымъ врагомъ де л'Иля убѣдилъ его совсѣмъ въ противномъ; ибо сей неизвѣстный увѣрялъ его, что онъ въ Эксѣ, Ницѣ и Авиньонѣ доставлялъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ свинецъ и желѣзо для пробы, которое сей де л'Иль въ его присудствіи превращалъ въ золото, признаваемое сими мастерами за лучшее и чистое. Послѣ сего разговора Епископъ почелъ нужнымъ сискать знакомство де л'Иля и разсмотрѣть его внимательнѣе и съ меньшимъ предубѣжденіемъ. Нѣсколько времени спустя объ-

ѣзжая свое Епископство, нашелъ онъ его у одного изъ своихъ пріятелей и общество успѣло уговорить де л'Иля показать въ его присудствіи опытъ своего искусства, который дѣйствительно при всѣхъ на очагѣ превратилъ въ серебро нѣсколько желѣзныхъ гвоздей, привезенныхъ Епископомъ на сей случай; сей послѣдній послалъ превращенные гвозди съ Капелланомъ своимъ въ Эксъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру Имперту, который при пробѣ призналъ ихъ за хорошее и чистое серебро. Министръ Понтхартринъ желалъ увѣриться въ семъ и писалъ къ нему за два года, что онъ будетъ на весьма хорошемъ замѣчаніи у Короля, ежели увѣдомитъ его о всемъ происшествіи; почему онъ призвалъ его въ замокъ, гдѣ по его приглашенію находились еще 10 человѣкъ весьма ученыхъ людей, коихъ Министръ настоятельно просилъ смотрѣть внимательнѣе на руки художника, который въ ихъ присудствіи превратилъ на жаровнѣ два куска свинца въ два куска золота и серебра. Епископъ послалъ сіи два куска къ Министру, который ихъ показывалъ самымъ опытнымъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ въ Парижѣ и они нашли оныя настоящей пробы; кромѣ того онъ заставлялъ его предпринимать въ Сенсцѣ пять или шесть химическихъ процессовъ, которые всѣ удачно оканчивались; но другое превращеніе, которое де л'Иль заставилъ его самаго произвести, не дотрогиваясь самъ ни малѣйше, увѣрило его совершенно. Подобное сему сдѣлалъ де л'Иль въ Кастелланѣ съ племянникомъ Епископа отцомъ Герардомъ, котораго онъ также заставилъ собственноручно произвести химическіе опыты; равнымъ образомъ и другаго племянника, котораго дядя его Епи-

скопъ послалъ къ Министру Понтхартрину съ изустнымъ и обстоятельнымъ донесеніемъ о искусствѣ художника, основательности и истинѣ его таинства, присовокупивъ къ тому, что въ Провансѣ болѣе ста человѣкъ или были свидѣтелями Алхиміи де л'Иля, или подъ его руководствомъ сами дѣлали золото съ лучшимъ успѣхомъ. Въ заключеніе письма сего Епископъ дѣлаетъ примѣчаніе, что де л'Иль ведетъ добропорядочную жизнь и упрекнуть его ни въ чемъ важномъ не льзя; что онъ первыя двѣ охранительныя грамоты Королевскія, данныя ему для доказательства искусства своего, предъ лицемъ Короля не употребилъ въ пользу, потому что не имѣлъ достаточнаго запаса металлическаго порошка своего и не могъ составить онаго вновь по неблагопріятной погодѣ, и потому онъ Епископъ проситъ для художника третью охранительную грамоту для составленія порошка на два года, по прошествіи коихъ онъ навѣрное явится въ Версалію.

Изъ другихъ четырехъ писемъ, три адрессованы на имя Статскаго Совѣтника Ноанштеля, весьма хорошо и съ большимъ умомъ написанныя, въ коихъ онъ защищаетъ искусство де л'Иля и извиняетъ его, что онъ по дурному лѣту 1710 года, бывшему въ Провансѣ дождливымъ и холоднымъ, не могъ составить порошка, котораго по его мнѣнію онъ хотя и имѣлъ въ запасѣ, но никакъ не соглашался отправиться въ Версалію, къ чему его онъ Епископъ безпрестанно убѣждалъ, сообразно желаніямъ его Величества; но не успѣвъ въ томъ, не удивлялся сему потому, что философъ сей весьма упрямъ и несговорчивъ и безпрестанно твердитъ пословицу, что поспѣшность не ведетъ къ добру.

Епископъ, обязавшійся Королю клятвенно привести де л'Иля въ Версалію, опасаясь, чтобъ сей его не обманулъ, уговорилъ напослѣдокъ его писать самому ко Двору и изложить причины замедленія; и такъ де л'Иль писалъ къ Министру, описывая пространно всѣ затрудненія и препятствія, по которымъ поѣздка его въ Версалію не принесла бы никакой пользы, а прервала бы только работы его и упражненія въ изученіи искусства своего. Епископъ въ припискѣ своей въ семъ письмѣ оправдывалъ де л'Иля по нѣкоторымъ обвиненіямъ, будто онъ въ сообществѣ съ однимъ поддѣлывателемъ монеты, по которой онъ сообщилъ выписку изъ дѣла, объяснявшаго что де л'Иля ни въ чемъ подобномъ не могли уличить.

Де л'Иль просилъ у господина Ноантеля еще отсрочки на два года для составленія порошка своего и масла, и обѣщалъ по прошествіи сего времени явиться ко Двору и съ удовольствіемъ посвятить себя Королевской службѣ и благу Государства.

Президентъ Сентъ Морицъ, въ письмѣ своемъ къ господину Ноантелю, (Парижъ 9го Декабря 1710 года) изъясняется о де л'Илѣ слѣдующимъ образомъ: „Имѣю честь сообщить вамъ симъ довольно темныя понятія о нашемъ философѣ; въ пользѣ его искусства я никогда не былъ совершенно увѣренъ, что же касается до опытовъ, которые я самъ дѣйствительно производилъ, то долженъ въ семъ случаѣ отдать ему полную справедливость. Пять дней послѣ вышеупомянутаго письма 14 го Декабря 1710 года президентъ Версальскій сдѣлалъ

публикацію самую обстоятельнѣйшую и выгоднѣйшую для де л'Иля; онъ свидѣтельствуетъ въ оной, что онъ самъ, въ Провансѣ въ замкѣ Сентъ Албанскомъ, де л'Илемъ приготовленными препаратами составилъ золотую палочку въ 3 унціи вѣсомъ, которую онъ вручилъ господину Десмарецу, видѣлъ и разсматривалъ такъ называемый металлическій порошокъ де л'Иля и потомъ дѣлалъ еще другой опытъ надъ пистолетными пулями въ 3 унціи и кускомъ желѣзныхъ латъ, посредствомъ препаратовъ де л'Иля и получилъ изъ онаго маленькую золотую бляху и еще нѣсколько кусочковъ золота, которые онъ также вручилъ Десмарецу. Далѣе онъ дѣлалъ въ семъ замкѣ опытъ превращенія свинца въ серебро, по предписанію де л'Иля, что также очень хорошо удалось.

Изъ копіи одного письма де л'Иля къ Епископу Сенецкому-Грасе отъ 10 Марта 1711 года видно, что онъ увѣдомляетъ его о взятіи его подъ стражу въ Ниццѣ по повелѣнію Короля и отправленіи къ Графу Гриньяну, который долженъ былъ перевезть его въ Парижъ; и потому онъ проситъ Епископа, единственнаго покровителя своего, предупредить его пріѣздомъ своимъ въ Парижъ и привезти съ собою пузырекъ съ металлическимъ порошкомъ; дабы онъ Королю лично могъ представить истинну своего таинства.

Архіепископъ же въ письмѣ своемъ къ Иоаншелю, (Сенецъ 14 Марта 1711 года) показываетъ свое удивленіе, что съ такимъ человѣкомъ, какъ де л'Иль, такъ дурно поступили, связали его и скованнаго отослали въ Парижъ. Это значитъ, говоритъ онъ, нарочно хотѣть дове-

сти его до сумасшествія, ожесточить его и чтобы онъ умеръ отъ досады, будучи отъ природы недовѣрчивъ и чувствителенъ; и потому онъ опасается, что такое обращеніе болѣе будетъ вредить, нежели принесетъ пользу выгодамъ Короля; что онъ самъ въ 24 часа соберется въ Парижъ, дабы догнать де л'Иля; а такъ какъ снѣгъ глубоко выпалъ, то предпринимаетъ сіе дальнее путешествіе верьхомъ, побуждаемъ единственно усердіемъ къ пользѣ Короля, чтобы укротить плѣннаго художника и приготовить его къ покорности и готовности показать свое искуство его величеству.

Де л'Иль прибылъ въ Бастилію 11го Апрѣля 1711 года. Ему не докучали допросами; напротивъ того поступали съ нимъ весьма кротко и давали ему разумѣть, что Королю угодно бы было видѣть продолженіе химическихъ работъ его въ Бастиліи, для чего ему будутъ доставлять все потребное и постараются облегчать оныя; почему де л'Иль и началъ свои работы. Поатель доставилъ ему опять чрезъ господина Бернавилье, Губернатора Бастиліи, отнятое у него при взятіи его серебро и золото; чего Епископъ настоятельно требовалъ. 2 го Августа художникъ началъ опыты свои превращеніемъ металловъ; при чемъ замѣчено, что средства, имъ для сего употребляемыя, состояли особенно въ ртути, селитрѣ, мышьякѣ, сѣрѣ и антимоніи. 3 го Августа производилъ онъ свои работы въ присудствіи Епископа и господъ Бургета и Лаупая Директора монетнаго двора; также 5 го и 7 го Августа; сего числа онъ склалъ препараты свои и порошокъ въ коробъ и

объявилъ желаніе идти въ Губернаторскій садъ, называемый прежде Бастіономъ. Удалившись туда съ вышепоказанными свидѣтелями, вырылъ самъ яму, поставилъ въ оную коробъ, покрылъ его доской и завалилъ опять землею; 17 го пошелъ онъ съ ними опять въ садъ; но полагая, что порошокъ не довольно лежалъ въ землѣ, зарылъ его снова въ присудствіи общества; 18 го онъ его вынулъ, а 19 го приступилъ къ новой обработкѣ порошка, что происходило какъ и все послѣдующее въ присудствіи сихъ господъ. Епископъ извлекъ изъ порошка нѣкоторое количество воды, которую онъ налилъ въ пузырекъ, и запечатавъ своей печатью, поставилъ оный въ садовой бесѣдкѣ на солнце. Сіи работы продолжались весь мѣсяцъ Августъ и производились какъ де л'Илемъ, такъ и означенными особами. Господинъ Лаунай отдѣлилъ отъ массы золото; 10 го Сентября дано было де л'Илю по его требованію 4 унціи золота, а 21-го сего мѣсяца онъ взялъ скляику, стоявшую въ саду на солнцѣ, въ которой нашлось масло и осадка; все сіе вылили въ сосудъ, который потомъ запечатанъ Губернаторомъ и Епископомъ; а 26 числа опять открытъ въ присудствіи всѣхъ; но масла не найдено болѣе: оно истреблено солнцемъ и осадкою. 27 го Епископъ и Бургетъ пришли въ Бастилію и принесли двѣ склянки съ металлическимъ порошкомъ и солнечнымъ масломъ, коихъ каждаго по части они вылили на приготовленную де л'Илемъ массу. 29 го Октября де л'Иль пошелъ въ комнату Губернатора, поставилъ тамъ маленькую печь и положилъ въ кубъ металлическій порошокъ свой въ присудствіи Епископа, Поаштеля, который самъ прибылъ въ Бастилію, Лауная,

Бургета, Батира, также лѣкаря и аптекаря Бастиліи. Кубъ стоялъ въ печкѣ $2\frac{1}{2}$ часа, послѣ чего де л'Илъ его вынулъ и нашелъ въ пріемникѣ только полстакана воды вмѣсто меркурія, который онъ думалъ найти; кубъ разбился нечаянно; Епископъ собралъ металлическій порошокъ и взялъ оный и полстакана воды съ собою. 1 го Ноября Епископъ и Бургетъ принесли де л'Илю обратно металлическій порошокъ и сказали, что тогда много огня разложено было; ибо порошокъ сгорѣлъ отъ части; они единодушно согласились, чтобъ Епископъ въ тотъ же вечеръ прислалъ де л'Илю остатокъ запасеннаго металлическаго порошка, философской воды, солнечнаго масла и упомянутой полстакана воды, дабы онъ снова могъ начать свою работу, что и исполнено; послѣ сего онъ нѣсколько дней отдохнулъ, чтобъ въ сіе время масса лучше могла соединиться; а 21, 25, 28 и 29 го Ноября снова производилась работа. 11 го Декабря де л'Илъ сдѣлалъ тотъ же опытъ въ присудствіи Епископа, Лауная и Губернатора Бернавилье, который онъ производилъ при Иоантелѣ, но успѣхъ былъ также неудаченъ. Губернатора Бернавилье почти безпрестанно призывали къ симъ работамъ и опытамъ, потому что онъ долженъ былъ по повелѣнію Двора снабжать де л'Иля матеріалами, инструментомъ и всѣмъ ему нужнымъ. Послѣ всякаго засѣданія Губернаторъ запечатывалъ употребляемыя матеріалы своей печатью, и всякой разъ, когда работа производилась, онъ показывалъ запечатанныя склянки, которыя печатались иногда и де л'Илевой печатью, занося всякой разъ своеручно въ протоколъ: въ такой-то день и въ такой-то часъ я снялъ мою печать

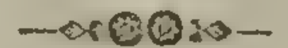
и за оной находившіеся у меня подъ сохраненіемъ матеріалы выдалъ, или въ такой-то день и часъ ввѣренныя мнѣ матеріалы принялъ я обратно подъ моей печатью въ сохраненіе. Епископъ Сенецкій былъ такъ увѣренъ въ достовѣрности искусства де л'Иля, въ честномъ и откровенномъ образѣ его мыслей, что часто въ комнатахъ, гдѣ производились химическіе опыты, онъ падалъ на колѣна и молилъ Бога о благословеніи сей работы и дарованія успѣха въ оной.

18 го Января 1712 года прислана изъ Прованса отъ Аббата Сентъ-Обанскаго къ господину Поаншелю стклянка, которая открыта была въ присудствіи Епископа Сенецкаго и Бургета; въ оной ничего не нашли, кромѣ нѣсколькихъ травъ lunaria major, смѣшанную со ртутью, остатокъ за нѣсколько времени симъ художникомъ производимыхъ смѣшеній; пробовали оную въ присудствіи вышеозначенныхъ господъ и еще лѣкаря и аптекаря Бастиліи, положили въ склянку, запечатавъ Епископскою печатью. 20 Января стклянка была опять открыта при прежнихъ свидѣтеляхъ и произведеніе состояло въ небольшомъ количествѣ порошка, приставшаго къ сосуду; и болѣе ничего. Наконецъ 27 го Января заключено учинить де л'Илю допросъ по формѣ, и Аржансонъ приступилъ къ оному. Съ сей минуты де л'Иль примѣтно сталъ грустить и ни о чемъ болѣе не говорилъ, какъ о смерти; четыре дня спустя, то есть 31 Января, философъ нашъ найденъ мертвой въ постелѣ. По утру онъ сдѣлался нездоровъ рвотою, которой онъ часто былъ подверженъ, и которая возобновлялась каж-

дыя два часа; подъ вечеръ онъ почувствовалъ слабость, потерялъ употребленіе языка и умеръ такъ что никто того не замѣтилъ. Онъ весь день говорилъ, ѣлъ бульонъ, пилъ много, что онъ обыкновенно дѣлалъ при такомъ припадкѣ, и потому Губернаторъ и слуги почли его смерть скоропостижною. Аржансонъ отправился на другой день весьма рано въ Бастилію осмотрѣть тѣло, приказалъ анатомировать оное и сдѣлать описаніе болѣзни, что и исполнено въ 6 часовъ вечера за отсутствіемъ Бастильскаго, Королевскимъ докторомъ и лѣкарями Парижскимъ и Бастильскимъ. Въ описаніи своемъ они говорятъ, что де л'Иль умеръ не отъ яда, и что причины его смерти весьма естественны; что они основательно доказано; между тѣмъ удивительно, что Аржансонъ доноситъ господину Поантелю отъ 3го Февраля 1712 года при пересылкѣ рапорта лѣкарей, что онъ еще имѣетъ подозрѣніе въ неестественной смерти де л'Иля, причины чему онъ лично ему объявить хотѣлъ; сверьхъ того въ своемъ рапортѣ Аржансонъ, упоминая о Парижскомъ лѣкарѣ, говоритъ, что онъ лѣчилъ и перевязывалъ раны де л'Иля. Ежели сіе дѣйствительно такъ было, то оно должно случиться въ Парижѣ; но нигдѣ не замѣчено, чтобы де л'Иль въ Парижѣ или Бастиліи былъ раненъ; въ Парижѣ же онъ не могъ быть раненъ, ибо привезенъ туда подъ прикрытіемъ и тотъ же часъ зданъ въ Бастилію. Такимъ образомъ кончилась и жизнь де л'Иля и съ нею предъявляемое имъ искусство дѣлать золото и серебро.

11го Февраля 1712 года, 12 дней по смерти его отправились Аржансонъ съ Лаунаемъ Директоромъ мо-

нешнаго двора, въ Бастилію, чтобы здать сему послѣднему всѣ на лицо имѣвшіеся матеріалы, въ полученіи коихъ Лаунай росписался въ протоколѣ того же дня. На другой день 12 Февраля сочинена Аржансономъ другая вѣдомость, изъ которой видно, что Лаунай велѣлъ во весь тотъ* день продолжать два начатыя де л'Илемъ химическіе процесса, дабы отдѣлить содержавшееся въ оныхъ золото, коего получено дѣйствительно 6 $\frac{1}{2}$ квентлотовъ 22-братнаго золота, которое Аржансонъ послалъ Генералъ-Контролеру Десмарецу при письмѣ отъ 14 Февраля; въ семъ письмѣ онъ называетъ де л'Иля обманщикомъ, употреблявшемъ во зло легковѣрность многихъ особъ. Въ Ноябрѣ того же года просила вдова де л'Иля о выдачѣ ей платья и прочаго наслѣдства послѣ мужа ея остававшагося въ Бастиліи, что и исполнено по повелѣнію Короля. Такимъ образомъ кончилась исторія сего Алхимика, возбуждавшая тогда большое вниманіе.



XII.

Герцогъ Ришелье 1716 года 4 Марта.

Сей Ришелье есть тотъ знаменитый Маршалъ, который начальствовалъ въ семилѣтнюю войну въ Германіи и умеръ за нѣсколько времяни до революціи въ Парижѣ въ глубокой старости. Онъ былъ посаженъ въ Бастилію 4 го Марта 1716 года за дуель съ Графомъ Моршиньономъ, будучи 20 или 21 года отъ роду. Въ Ба-

стиліи содержался онъ три раза: первой 22 Апрѣля 1713 года, будучи еще Герцогомъ Фронсакомъ, а два послѣдніе: 4 го Марта 1716 и 28 Марта 1719 годовъ, Герцогомъ Ришельё. Причиною перваго его заключенія были любовныя его связи съ одною особою, у которой его засталъ господинъ Кавое, сообщившій тотъ же часъ объ ономъ госпожѣ Ментенонъ; въ Бастилію же самъ отецъ привезъ его тогда. Причиною вторичнаго его ареста была, какъ мы выше замѣтили, дуель его съ Графомъ Мортиньяномъ. Въ одной оперѣ Герцогъ Ришелье показывалъ публично Вакхово торжество, на которомъ Графиня Мортиньянъ, по его словамъ, была главною жрицею, за что мужъ ея вызвалъ его на поединокъ и ранилъ его; а чтобы удалить его отъ преслѣдованія Парламента, который присвоилъ себѣ право судить Герцоговъ и Перовъ Франціи, то его посадили въ Бастилію.

Къ заключенію же его въ 1719 мъ году подала поводъ дѣвица Валоа, дочь Регента, послѣ бывшая Герцогиня Моденская. Она называлась Шарлотта Аглая, была смертельно влюблена въ Герцога, который въ то же время имѣлъ семь или восемь другихъ любовныхъ интригъ. Любовныя письма ихъ находятся еще въ цѣлости. Дочь Регента оказываетъ въ письмахъ своихъ живѣйшее прискорбіе о томъ, что должна была ѣхать въ Модену. Съ дороги отъ Парижа въ Ліонъ писала сія Принцесса къ Герцогу до 30 писемъ весьма печальнаго содержанія.

25 го Августа, 1786 года Герцогъ посѣщалъ Бастилію и входилъ на всѣ башни, хотя имѣлъ тогда отъ роду 90 лѣтъ 5 мѣсяцевъ и 12 дней.

XIII.

Вольтеръ.

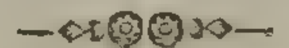
Въ протоколѣ статья о немъ слѣдующаго содержанія:

„Францъ Марія Аруетъ, 29 лѣтъ, родомъ изъ Парижа, сынъ Аруета, Казначея Счетной Экспедиціи, посаженъ въ Бастилію 17-го Маія 1717 года за сочиненіе разныхъ оскорбительныхъ стихотвореній на Регента и Герцогиню Берри.

Онъ говорилъ также въ присудствіи многихъ особъ, что такъ какъ онъ ничѣмъ не можетъ отмстить Герцогу Орлеанскому, то не пощадитъ его, по крайней мѣрѣ, въ своихъ стихотвореніяхъ. Когда же его нѣкто спросилъ: чѣмъ его обидѣлъ его Королевское Величество? то онъ вскочилъ какъ бѣшеный и отвѣчалъ: „Какъ! развѣ вы не знаете, что онъ меня послалъ въ ссылку за то, что я доказалъ публикѣ, что онъ поработилъ себя недостойной его страсти?“ Господинъ Аруетъ былъ сосланъ въ Туллесъ 15 го Маія 1716 года; но его Королевское Величество позволилъ отцу, чтобы сынъ его выбралъ себѣ мѣстомъ ссылки Сюлли на Лоарѣ: ибо такъ какъ онъ имѣлъ тамъ родныхъ, то и надѣялись, что они разговорами и примѣрами своими сдѣлаютъ его умнѣе и умѣрятъ излишнюю его живость.

Изъ Бастиліи онъ былъ выпущенъ 11 го Апрѣля 1718 года и вступилъ опять въ оную 28 Марта 1726

года; второе его освобожденіе воспослѣдовало 28 Апрѣля того же года. Вольтеръ былъ обиженъ Кавалеромъ Роганъ-Шаботомъ; искалъ случая отмстить ему и былъ за то посаженъ въ Бастилію. Онъ писалъ тогда къ Парижскому Министру: позвольте мнѣ вамъ всенижайше представить, что храбрый Кавалеръ Роганъ-Шаботъ напалъ на меня измѣнническимъ образомъ въ сопровожденіи еще шести разбойниковъ, за которыхъ онъ весьма мужественно спрятался. Съ тѣхъ поръ хотя я употреблялъ все стараніе возстановить не мою, а его честь, но оно было слишкомъ трудно. Я дѣйствительно былъ въ Версаліи; однакожъ не справедливо, чтобы приказывалъ вызывать Кавалера Роганъ-Шабота отъ Кардинала Рогана.



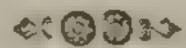
XIV.

Заговоръ въ Бретаньи 1718 года.

Онъ случился въ малолѣтствѣ Людовика XV и въ правленіе Герцога Орлеанскаго. Людвигъ Бриголъдъ, монахъ изъ монастыря Ліонскаго, былъ по сему дѣлу привезенъ въ Бастилію 9 Декабря 1718 года. Онъ принадлежалъ къ числу лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Герцога и Герцогини Менскихъ. Намѣреніе ихъ было во первыхъ взять сторону удаленныхъ Принцовъ, противъ Принцовъ крови; 2) ослабить силу Правителя и споспѣшествовать Королю Испанскому, чтобы и онъ могъ получить участіе въ правленіи государства; 3) доставить Герцогу Мен-

свою всю власть и силу, которыя ему покойный Государь далъ своимъ завѣщаніемъ.

Всѣ сіи происки и пронырства Ерпгольта, и его приверженцевъ были причиною Испанской войны въ 1719 году и заговора въ Бретаньи. Заговорщики хотѣли передать правленіе Филиппу V, созвать Государственные Чины, ввести ихъ въ прежнія права, членамъ Парламента возвратить свободу и заставить народъ поступать сообразно намѣреніямъ Испанскаго Министерства. Часть Дворянства въ Бретаньи взбунтовалась противъ Короля и вооруженною рукою сопротивлялась возвышенію податей. Захваченные бунтовщики были привезены въ замокъ Пантскій и для допроса ихъ учреждена была особенная Комиссія. Число виновныхъ простиралось до 148 человѣкъ, изъ коихъ четверымъ отрублены головы, а прочіе погибли на эшафотѣ.



XV.

Нѣкоторыя извѣстія о Янсенистахъ.

Безпокойства, происшедшія въ Парижѣ отъ Янсенистовъ, получили начало свое въ Епархіяхъ Сентъ-Етіенню Монской и Сентъ-Медардской. Слѣдствіемъ оныхъ были извѣстныя чудеса Париса, возникшія тогда Конвульсіонисты и отказъ извѣстнѣйшимъ фанатикамъ сей секты въ пріобщеніи Святыхъ Тайнъ.

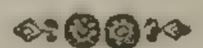
Весьма легко было, говоритъ Полицей-Лейтенантъ Герольдъ, потушить сіе зло, сіи соблазнительные догматическіе распри въ самомъ началѣ ихъ, ежели бы только показали примѣръ строгости надъ главными зачинщиками, которые не хотѣли признать двухъ новопоставленныхъ Священниковъ. Вмѣсто того, чтобы ихъ посадить въ Бастилію и въ примѣръ другимъ продержать ихъ подолѣе въ оной, медлили употребить противъ нихъ власть, довольствовались изгнаніемъ только нѣкоторыхъ изъ Парижа, которымъ чрезъ нѣсколько времени позволили опять возвращаться, Янсенисты вообразили, что ихъ опасаются, число приверженцевъ ихъ умножалось, въ продолженіи времяни они укоренялись болѣе и болѣе и кончилось тѣмъ, что они въ вышеупомянутыхъ Епархіяхъ, особенно въ Сентъ-Медардской, открыли совершенную фабрику чудесъ и конвульсіонныхъ явленій. Въ Сентъ-Медардѣ оставляли ихъ почти цѣлый годъ въ покоѣ, почему они безпрепятственно отправляли свои дѣла какъ тутъ, такъ и въ домѣ Париса, гдѣ онъ умеръ, и гдѣ воду изъ колодца его продавали въ видѣ воды очистительной. 1732 году не заперали небольшаго Сентъ-Медардскаго кладбища; промедлили Королевскимъ указомъ до слѣдующаго года, котораго и тогда не слушались, довольствовались прекращеніемъ иногда нѣкоторыхъ собраній, не дѣлая никакихъ выговоревъ владѣльцамъ домовъ за сіи сборища; а по кратковременномъ содержаніи въ Бастиліи выпускали также и Конвульсіонистовъ. Парламентъ, коему поручено было изслѣдовать сіи дѣла, ни по одному не учинилъ надлежащаго рѣшенія, и отъ чего и не прекращались такъ долго сіи догматическія распри,

мнимыя чудеса и соблазнительныя явленія. Отъ упущенія предварительныхъ мѣръ, безпокойства безпрестанно умножались. Чудеса Париса и отъ того происшедшія конвульсіи начались, какъ можно полагать, съ смертію его, случившеюся 1 го Маія 1727 года. Сіи явленія, происходившія въ столицѣ Королевства, принадлежатъ бесспорно къ достопамятнѣйшимъ происшествіямъ Французской монархіи, и потомство съ трудомъ повѣритъ, что цѣлыя общества, цѣлыя сословія и множество умныхъ людей могли вѣрить симъ чудесамъ, могли защищать ихъ у Короля и народа, и выдавать ихъ за истины непреложныя!....

Парисъ былъ старшій сынъ одного Парламентскаго Совѣтника въ Парижѣ. Дабы совершенно посвятить себя набожнымъ размышленіямъ, онъ уступилъ по смерти отца своего мѣсто Парламентскаго Совѣтника младшему брату. Парисъ умеръ 36 лѣтъ, упорствуя въ своихъ мнѣніяхъ. На смертномъ одрѣ онъ причастился и соборовался масломъ, не бывъ 14 лѣтъ у Святаго Причастія подъ тѣмъ предлогомъ, что недостоинъ онаго; за день до смерти подписалъ свое завѣщаніе, а одному духовному, жившему у него въ домѣ, диктовалъ свое исповѣданіе вѣры и завѣщалъ похоронить себя безъ всякой пышности и, какъ бѣдняка, на общемъ кладбищѣ. Смерть постигла его 1 го Маія въ 10 часовъ, а на другой день весьма рано было уже большое стеченіе народа около одра его; обрѣзывали волоса его, прикасались къ тѣлу розовыми вѣнками, и проч; всѣ его платья и домашніе уборы раздѣлены были по частямъ. 3 го Маія онъ похороненъ на малень-

комъ кладбищѣ Сентъ-Медардскомъ, позади главнаго алтаря, и при похоронахъ его было невѣроятное стеченіе знатныхъ чиновниковъ, духовенства и женщинъ. Девять дней послѣ смерти Париса умеръ Руссе, Каноникъ изъ Авенал, особенно уважаемый своими приверженцами. Кардиналъ Ноаль явилъ себя ревностнымъ защитникомъ всего того, что ни приписывали Парису и Руссѣ; даже нѣкоторые изъ ихъ чудесъ велѣлъ совершенно разсмотрѣть и объявить оные дѣйствительными. Кардиналъ Флери, узнавъ о томъ, препоручилъ Канцлеру, чтобы онъ извѣстилъ писменно Кардинала Ноаля, что поступки его, относительно сего дѣла весьма непріятны Королю.

Во всѣхъ столѣтіяхъ ходъ и дѣйствіе суевѣрія, частныхъ выгодъ, предразсудковъ, страстей и ненависть партій между собою были одинаковы. Молинисты съ своей стороны старались выказать справедливую сторону Папы и нелѣпость чудесъ Парисовыхъ, съ тѣмъ чтобъ только имъ однимъ играть въ свѣтѣ важную роль; однако мало по малу удалось здравому разсудку уничтожить обѣ секты и теперь оныя подверглись совершенному забвенію.



XVI.

Де-ла Бурдонне, Губернаторъ острововъ Иль-де-Франса и Бурбона.

Онъ начальствовалъ въ Индіи эскадрою и взялъ у Англичанъ Мадрасъ. Его обвиняли, что онъ во время

начальства своего дѣлалъ разныя обманы и хищенія. Изъ статей протокола явствуетъ, что часть его флота, вскорѣ по взятіи острововъ Мадраса, погибла отъ бури; извѣстно также, что для изслѣдованія его дѣла наименована была Королемъ особенная Коммисія, которая оправдала его во всѣхъ отношеніяхъ и признала его достойнымъ свободы; по другимъ извѣстіямъ, онъ былъ весьма богатъ и получалъ болѣе 800,000 ливровъ ежегоднаго дохода, не взирая на то, что долженъ былъ заплатить казенные убытки на 18 мил., и потому его обвиняли, что онъ обогатился на счетъ казны. Де-ла Бурдонне нашелъ во время своего заключенія случай чрезъ одного караульнаго унтеръ-офицера имѣть переписку внѣ Бастиліи, которая открыта слѣдующимъ образомъ. Унтеръ-офицеръ, стоявшій въ караулѣ у внутреннихъ воротъ замка, замѣченъ былъ въ разговорѣ съ Бурдонне, который во время прогулки своей по внутреннему двору прошедъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, подалъ по поданному знаку въ рѣшетку унтеръ-офицеру небольшой пакетъ, завернутый въ оберточную бумагу; одинъ изъ привратниковъ видѣлъ оное собственными глазами и увѣдомилъ о томъ Поручика, который только что вошелъ на дворъ; онъ сей часъ нашелъ пакетъ за буткой, куда караульной толкнулъ его ногою. О семъ происшествіи донесено было Аржансону и пакетъ распечатанъ по его приказанію въ присудствіи де-ла Бурдонне, унтеръ-офицера и еще двухъ членовъ слѣдственной Коммисіи. Въ конвертѣ ничего не нашли, кромѣ копіи съ письменнаго защищенія, которое де-ла Бурдонне подалъ судьямъ своимъ, написанное на 85 страницахъ почтовой бумаги мѣлкимъ

письмомъ и еще записку къ его супругѣ на полчетвертушкѣ, слѣдующаго содержанія: „Я посылаю тебѣ при семъ копію съ объясненія, поданнаго мною въ Коммисію. Бѣловое было не много лучшаго слога, но смыслъ все тотъ же. Ежели оно вѣрно дойдетъ къ тебѣ, моя любезная, то думаю, ты хорошо сдѣлаешь, ежели доставишь оное твоему адвокату, чтобы онъ напередъ сочинилъ по оному маленькое защищеніе, для передачи судьѣ до рѣшенія. Я оставилъ у себя копію для доставленія судьѣ въ случаѣ, ежели бы онъ настоялъ на томъ, чтобы не позволить мнѣ никакого совѣщанія; напиши мнѣ: хорошо ли я поступилъ? Я счелъ нужнымъ послать къ тебѣ сіе сочиненіе, чтобы ты сдѣлала изъ него употребленіе, какое тебѣ покажется нужнымъ; ибо я всѣмъ буду доволенъ. Я ожидаю господина Вильнёва, моего адвоката, который велѣлъ мнѣ сказать, что дѣло мое скоро кончится: тѣмъ лучше; въ разсужденіи же меня, ты можешь быть совершенно покойна, ибо я ничего не боюсь, кромѣ невѣдѣнія моихъ судей въ относящемся до состоянія Индіи и Морскихъ дѣлъ, и по преступленію моему не заслуживаю даже и суточнаго ареста. Въ разсужденіи моего здоровья, ты также можешь быть покойна; мысль увидѣть тебя еще разъ прежде смерти, заставляетъ меня прилагать о себѣ всякое стараніе; правда я имѣлъ не большую опухоль на ногахъ; но съ тѣхъ поръ какъ дѣлаю движеніе она уменьшается. Я просилъ тебя о лѣкарствахъ; но мой пріятель не хочетъ доставить письма моего; равно и тѣхъ не пропускаетъ, которые ежели бы ты ихъ показала кому возбудили сожалѣніе и объявилъ мнѣ сердито, что ни одно письмо, въ которомъ я буду гово-

рить о моемъ нездоровьѣ, не будетъ пропущено; но ты знаешь какимъ образомъ я могу доставлять тебѣ вѣрныя о себѣ извѣстія; ты можешь положиться на то, что я пишу къ тебѣ. Обойми моихъ дѣтей и скажи сама себѣ, мой любезной другъ, всѣ мои чувства къ тебѣ. Будь здорова, я обнимаю тебя отъ всего моего сердца. 14 го Января 1750 года.

Господинъ де-ла Бурдонне призналъ записку своею; до открытія его согласія съ унтеръ-офицеромъ предоставляли ему вольности и облегченія, которыя впрочемъ никому изъ заключенныхъ не позволялись; къ нему пропускали изъ дома всякія припасы, приготовляемые ему въ Бастиліи по его вкусу; ему давали чернилъ, бумаги, перьевъ и всякую книгу, которая приносила ему удовольствіе. Члены Коммисіи согласились даже на то, чтобы онъ читалъ журналъ Меркурій и Французскія газеты; онъ имѣлъ позволеніе три раза въ недѣлю и по полутора часу ходить по двору замка; но послѣ упомянутаго произшествія съ унтеръ-офицеромъ, ему все запрещено. Унтеръ-офицеръ былъ выгнанъ изъ роты и вычеркнутъ изъ списковъ Королевскаго Инвалиднаго дома. Сей бѣднякъ сошелъ съ ума во время своего заключенія и при освобожденіи своемъ въ 1751 году должно было отдать его на попеченіе одной родственницѣ его въ Ліонѣ; а господинъ де-ла Бурдонне освобожденъ въ томъ же день 5 го Февраля 1751 года. Наши читатели, можетъ быть любопытны будутъ знать дальнѣйшую судьбу господина де-ла Бурдонне и печальную кончину его. Сія самая имъ такъ нѣжно любимая супруга здѣлалась ему невѣрна и

ушла въ его отсутствіе съ однимъ его сослуживцемъ; онъ ихъ преслѣдовалъ и такъ разгорячился, что сдѣлался болѣнъ; ему прописали лѣкарство, а лѣкарь по неосмотрительности своей далъ спирту, отъ чего больной умеръ въ жестокомъ мученіи.

—∞❁❁∞—

XVIII.

Развратный сынъ.

Господинъ Таппинъ де Квилле, сынъ Королевскаго Совѣтника, былъ заключенъ въ Бастилію 7 го Февраля 1757 года. Сей молодой человѣкъ развратнымъ поведеніемъ своимъ и мотовствомъ имѣлъ нещастіе раздражить отца своего до такой степени, что онъ исходатайствовалъ у Короля повелѣніе посадить его въ Пьеръ-Анъ-Сизу, а потомъ въ Сентъ-Михельсбергъ. Дабы освободиться изъ сей послѣдней темницы, вздумалъ онъ писать ко Двору, что ему извѣстно нѣсколько дѣло *Даміена* (*), что и послужило дѣйствительно поводомъ къ переводу его въ Бастилію, гдѣ, какъ кажется, онъ долго пробылъ. Такъ какъ сія Исторія можетъ служить урокомъ, какъ непокорнымъ дѣтямъ, такъ и жестокимъ родителямъ, а равно и доказательствомъ, что нещастною поспѣшностію исходатайствовать аресты скорѣе

(*) Извѣстно, что Даміенъ покушался убить Людовика XV. См. записки того времени.

нежели способствовать поношенію и паденію семейства, чѣмъ ея благосостоянію, почему и помѣстимъ здѣсь рядъ писемъ сего нещастнаго, которыя подкрѣпятъ наше мнѣніе.

Сей молодой человѣкъ привезенъ въ Сентъ-Михельсбергъ 15 Февраля 1755 года, откуда онъ убѣжалъ съ семью товарищами своими 28 го тогоже мѣсяца; но всѣ вмѣстѣ пойманы 7 го Марта.

Первое письмо сего молодаго человѣка къ Бену:

Государь мой! грубое обращеніе монаховъ принудило меня бѣжать изъ Михельсберга 28 Февраля и подвергаться величайшимъ опасностямъ, будучи принужденъ спуститься съ высоты 300 футъ. Марта 7 го пойманъ я опять въ Ернеѣ тридцатью человѣками съ примкнутыми штыками; я нахожусь опять въ жестокихъ рукахъ; но они меня не долго удержатъ; ибо я рѣшился на все для полученія опять свободы, съ пожертвованіемъ даже жизни, которою и безъ того не дорожу; ибо я подвергалъ ее опасности съ величайшею рѣшимостію. Море, по которому я скитался цѣлыя 12 часовъ, мнѣ теперь извѣстно; и потому вы меня чрезвычайно обяжете, ежели объявите о семъ далѣе. Я пожертвую жизнію для моего освобожденія: заключеніе для меня лютѣе смерти. Я не въ состояніи выдерживать болѣе голода, лишенія дневнаго свѣта и теплоты; и потому уговорите отца моего, чтобы онъ позволилъ служить мнѣ волонтеромъ въ Морскихъ войскахъ, а деньги, употребляемыя имъ на содержанія мое здѣсь, оставлялъ у себя для уплаты долговъ

моихъ, ежели онъ не хочетъ нанести себѣ огорченія; а фамиліи своей стыда; ибо я твердо рѣшился всѣмъ пожертвовать для моего освобожденія. Уговаривайте его настоятельнѣе въ мою пользу; ибо время коротко, и я предаюсь величайшему отчаянію. Я всего надѣюсь отъ вашего великодушія и полагаюсь на васъ, какъ на искреннѣйшаго моего друга. Со всѣмъ возможнымъ высокопочитаніемъ пребуду я вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга де Квилле Фугересъ 7 го Марта 1755.

Второе письмо его къ госпожѣ Варнье 8го Марта 1755.

Милостивая Государыня!

Я предпринялъ бѣгство изъ Сентъ-Михельсберга и спустился 300 футъ высоты для избѣжанія бѣшенства монаховъ. Три раза подвергалъ я опасности жизнь мою, чтобы 7 дней пользоваться свободою. 7 го Марта остановленъ я 30 ю человѣками съ примкнутыми штыками и у одного осѣклось ружье у груди моей; но всѣ сіи нещастія меня не убиваютъ. Я хочу освободиться и умереть, или стражи мои должны погибнуть; ибо я въ отчаяніи. Преступленіе сдѣлается для меня добродѣтелью, и мой отецъ долженъ къ тому готовиться, ежели онъ не возвратитъ мнѣ свободы. Я о томъ только прошу васъ, чтобы позволили мнѣ опредѣлиться въ Морскую службу; не ужасно ли и въ такой бездѣлицѣ мнѣ отказываютъ? ибо я просилъ только мѣсто волонтера. Отецъ мой платитъ 600 ливровъ за мое содержаніе и, не взирая на сіе, я долженъ терпѣть голодъ. Постарайтесь, Милостивая Государыня! обо мнѣ понастоятельнѣе и

удержите моихъ родителей, чтобъ они не нанесли безчестія своему дому; ибо заключеніе ожесточитъ мою душу. Имѣю честь пребыть съ величайшимъ почтеніемъ и таковою же преданностію; Милостивая Государыня, вашъ покорный слуга Таппинъ де Квилле Фугересъ. 8 го Марта, 1755.

Третье письмо господина Таппина отца.

Приложенное при семъ письмо писалъ мой нещастный сынъ совсѣмъ неистовствомъ человѣка, потерявшаго разсудокъ. Въ концѣ своего письма изъявляетъ онъ желаніе служить на морѣ. Когда онъ выпущенъ былъ изъ Пьеръ-Анъ-Сизы, то просилъ меня о опредѣленіи его въ Артиллерію; я досталъ ему въ оной мѣсто Сюрнумератора. 15 го Сентября 1754 года онъ былъ принятъ господиномъ д'Инвилье, Маршаломъ Кампейскимъ и Коммендантомъ Стразбургскаго Артиллерійскаго училища, въ его полкъ, въ которомъ едва пробывъ мѣсяцъ долженъ былъ идти по повелѣнію Коммендавта сего опять въ темницу, изъ коей освобожденъ единственно по прозьбѣ Маркиза Тубутотскаго, который однакожъ его тотчасъ отправилъ съ курьеромъ въ Парижъ, куда онъ и прибылъ 19 го Декабря. Сіе доказываетъ письмо сына моего къ нему изъ Орлеана, въ которомъ онъ проситъ увѣдомить его, что говорятъ въ полку о его бѣгствѣ. съ 1750 году находясь въ разныхъ темницахъ онъ году не былъ на свободѣ, и не взирая на такое малое время онъ во всѣхъ городахъ, въ коихъ находился задолжалъ болѣе

250,000 ливровъ. Онъ угражаетъ въ семъ письмѣ погубить или себя или монаховъ, ежели ему не возвращатъ свободы.

Четвертое письмо молодаго Таппяна къ сестрѣ.

Любезная сестра! я не получаю извѣстій ни отъ тебя, ни отъ кого либо другаго и какъ кажется, все равно, что я умеръ для человѣческаго общества. Я, такъ сказать, погребенъ живой. Но, любезная сестра; сіе давно бы кончилось, ежели бы тебя не было; ибо въ такомъ случаѣ я за дерзость давно бы наказалъ сторожа, который говоритъ со мною, только для моего мученія и не иначе какъ, съ пистолетами въ карманѣ; но по любви моей къ тебѣ щажу тебя. Для тебя только обуздываю кипящія мои страсти, влекущій меня къ убійству. Ахъ! сія дружба, которую я къ тебѣ питаю, стоитъ мнѣ неисчислимыхъ страданій; месть, которая для всякаго человѣка имѣетъ столько прелестей, была бы для меня еще безцѣннѣе, ежели бы при мщеніи я здѣлалъ одно преступленіе и могъ произвести оное, не нанося тебѣ безчестія, но къ нещастію, наказаніе дѣйствуетъ во Франціи не на одного преступника; но и на родственниковъ его; и потому я долженъ погибнуть, не смѣя отмстить за себя, ибо не могу сдѣлать сего не вредя тебѣ. Пусть тысяча страданій противъ меня совокупятся; пусть смерть похититъ меня съ лица земнаго, моихъ мыслей ничто не перемѣнитъ; я буду грызть свои оковы; но буду съ твердостію переносить все, чтобы внимать только

тому, что мнѣ сердце мое за тебя внушаетъ, и потому будь покойна и увѣрена, что моихъ мыслей ничто не можетъ перемѣнить. Но прошу, чтобъ и ты заплатила мнѣ за любовь мою, ежели можешь сдѣлать сіе не обижая твоихъ родителей; ибо ежели ты должна ненавидѣть меня, чтобы угодить имъ, то дѣлай сіе: я тебя за то еще сильнѣе любить буду. Единственная моя просьба къ тебѣ состоитъ въ томъ, чтобъ ты была щастлива, и ежели я сіе узнаю, то не менѣе тебя буду щастливъ на соломѣ, съ черствымъ кускомъ хлѣба и пивши цидекъ, который горче сока изъ Колоквинта или Алоя. Желаю особенно, чтобъ заключеніе мое не раздражило тебя противъ твоихъ родителей; ибо самыя ошибки должны быть для тебя предметомъ уваженія, и гласъ природы безмолвствуетъ при гласѣ обязанности. Послѣ перваго моего побѣга я могъ бы уже опять три раза уйти, ежели бы имѣлъ храбрыхъ товарищей; но они могутъ еще исправиться, и потому я не теряю надежды уйти. Ежели мнѣ удастся уйсіе, то я поѣду въ Англію, чтобы сыскать себѣ тамъ отца и отечество, и увѣренъ, что получу тамъ должность. Прощай, любезная моя сестра! будь щастлива, береги свое здоровье, украшай сколько можешь душу свою, посвящай себя чтенію хорошихъ писателей; ибо образованный умъ большая помощь во всѣхъ случаяхъ, особенно же будь твердо увѣрена, что никто такъ не любитъ тебя, какъ твой слуга и братъ Таппинъ Квилле 1 го Сентября 175¼ года.

P. S. Всѣмъ нашимъ пріятелямъ мое усердное почтеніе. Я заклинаю тебя пріобрѣсть любовь господина и

госпожи Варнье, которыхъ я чрезвычайно почитаю. Всякое письмо стоитъ мнѣ здѣсь деньгами, платьемъ и другими вещами болѣе луидора, потому что здѣсь на все налогъ.

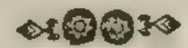
Пятое письмо отца Фреснеля, настоятеля Сентъ-Михельсбергскаго.

Государь мой! я долженъ васъ увѣдомить, что сынъ вашъ взятъ отсюда нынѣшнюю ночь, для перевезенія его въ Бастилію; онъ нашелъ средство увѣдомить Дворъ, что онъ имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ужасномъ поступкѣ, учиненномъ надъ особою Его Королевскаго Величества, и потому я получилъ повелѣніе отдать его на руки господъ Кастелнота и Лiегу; дальнѣйшихъ же подробностей я не могу вамъ теперь описать потому, что почта спѣшитъ, присовокупляю только къ сему, что онъ съ величайшею радостію удалился отсюда, ибо надѣялся, что сія пересылка будетъ способствовать къ его освобожденію. Имѣю честь и проч: С: Михельсбергъ 2 Февраля 1757.

Шестое письмо господина Таппина отца.

Любезный другъ! Вы найдете приложенныя при семъ два письма нещастнаго моего сына, въ которыхъ заключается столько же злобы какъ и въ тѣхъ, которыя вы уже имѣете. Я прошу вашей помощи для исходатайствованія указа о заключеніи его на всю жизнь: начальство обязано симъ самой справедливости. Подумайте сами, чего стоило сіе природнымъ моимъ чувствамъ и ро-

дительской моей нѣжности въ продолженіи многихъ лѣтъ. Я удрученъ совершенно печалію при мысли о моемъ сынѣ. Прощайте, любезный другъ! обнимаю васъ отъ всего сердца; но не имѣю болѣе силъ писать къ вамъ еще. Тапинъ 22 Февраля 1757. Я перешлю вамъ еще 14 писемъ сего нещастнаго, писанныя одинакимъ тономъ съ настоящимъ.



XIX.

Госпожа Б... первая Каммеръ Фрейлина тогдашней Дофины, послѣ бывшей Королевы Французской.

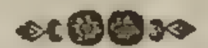
Она выпущена изъ Бастиліи 21, а посажена въ оную 3 го Іюня 1761 года за то, что продала алмазы и другія драгоцѣнныя вещи принадлежавшія Дофинѣ. Она сдѣлала сама письменное объясненіе свое 5 го Іюня 1761 года слѣдующаго содержанія:

Я сознаюсь и объявляю, что точно я продала Фермуаръ и алмазы, бывшія на окладѣ образа, за 11,000 франковъ Жидамъ и Ювелиру Гвидамуру, не будучи вынуждена къ тому недостаткомъ въ деньгахъ. Я признаюсь въ семъ преступленіи съ растерзаннымъ и раскаявающимся сердцемъ. Фермуаръ нашла я между комодомъ и туалетомъ, а образъ у ножки креселъ, на коихъ лежало платье. Онъ былъ скрытъ также частію занавѣсомъ. Я клянусь, что я учинила только сіи два престу-

пленія, которыхъ однако достаточно сдѣлать меня презрительною въ собственныхъ глазахъ моихъ; денегъ же никогда не брала и не имѣла намѣренія брать ихъ. Я прошу прощенія у Бога и моего Государя. Всякую минуту, которую проживу еще я употреблю на покаяніе въ семъ ужасномъ дѣлѣ.

Изъ Бастиліи она переведена въ женскій монастырь Монтарельскій въ Бретаньи, изъ котораго она скрылась 21 го Ноября 1761 года, ушла въ Парижъ, а оттуда въ Версалію, гдѣ была опять взята и отослана въ монастырь Св. Пелагеи, гдѣ находилась еще въ 1768.

Она была грудная сестра тогдашняго Дафина и послѣ бывшаго Короля. Въ одной запискѣ, найденной въ дѣлахъ ея, упоминается о заемѣ 150,000 ливровъ, сдѣланномъ посредствомъ ея у одного купца на имя и счетъ Дофины. Сего купца увѣрили, что симъ угожденіемъ пріобрѣтетъ онъ покровительство сей Принцессы въ двухъ прожектахъ, которые онъ подалъ двумъ Министрамъ.



XX.

Расточенные милліоны въ Канадѣ 1761.

Дѣло шло о лихоимствѣ, обманахъ, злоупотребленіяхъ и утаенныхъ деньгахъ, какъ при Королевскихъ складочныхъ анбарахъ, такъ и при выдачѣ съѣстныхъ припасовъ

для городовъ, портовъ и станціевъ колоніи; приказано было всѣхъ, замѣшанныхъ въ семъ преступленіи, схватить, и изслѣдованіе поручено было особой Коммисіи. Двадцать три человѣка были посажены по сему дѣлу въ Бастилію и за содержаніе ихъ платила казна ежедневно 164 ливра. Знатнѣйшій изъ обвиненныхъ былъ Бигогпъ, Интендантъ Канады, за содержаніе коего казна выдавала ежедневно Губернатору Бастиліи 20 ливровъ; а на прочихъ по 10 и 15, также по 6 и по 3 ливра за каждаго. Господинъ Бигогпъ былъ осужденъ къ заплатѣ въ казну 1,500,000 ливровъ, Контролеръ Бреардъ 300,000, Коммисаръ Варинъ 1,500,000, а Генералъ-Провіантмейстеръ Кадетъ, который наиболѣе обокралъ казну, 6 мил: ливровъ. По собственному признанію виновныхъ, барышъ, полученный имъ при одной выдачѣ съѣстныхъ припасовъ, простирался на 12 мил: ливровъ.

Господинъ Сартинесъ получилъ за труды свои при изслѣдованіи семъ пожизненный Пансіонъ въ 6,000 ливровъ, которые должны ему начать выдаваться съ 1 го Іюня 1764; прочіе члены Коммисіи получили также значительныя пенсіи или награжденія, а Маіоръ и унтеръ-Маіоръ Бастиліи получили подарки.

XXI.

Судебное показаніе Полъ-Рене дю Труше де-ла Шоксъ.

Въ 1762 году, 12 Января, въ 10 часовъ утра отправились мы изъ Рошебруне: Парламентскій Адва-

катъ, Королевскій Совѣтникъ и Коммисаръ Парижскаго замка въ слѣдствіе сообщеннаго намъ вчерашняго числа начальникомъ Полиціи Приказа въ замокъ Бастильскій, чтобы отобрать показанія отъ господина дела Шокса, тѣлохранителя Королевскаго, который содержался въ Бастиліи по повелѣнію Его Величества и составить протоколъ всему случившемуся съ нимъ въ Версальи 6 го числа помянутаго мѣсяца. Находясь въ замкѣ Бастильскомъ приказали мы призвать дела Шокса въ залу совѣта и объявя ему причину нашего прибытія, мы съ его словъ составили слѣдующій протоколъ:

Вторникъ 12 означеннаго мѣсяца и года, четверть одинадцатаго часа утромъ.

Поль Рене дю Труше дела Шоксъ, изъ прихода Сентъ-Винценскаго, эпархіи Базаской. 29 лѣтъ отъ роду, Кавалеръ и тѣлохранитель Короля изъ роты Люксембургской, привезенъ изъ Версальи въ Бастилію въ Воскресенье 10 сего мѣсяца: показываетъ подъ присягою, что когда онъ покупалъ табакъ въ улицѣ Босыхъ, въ Версальи 6 го числа текущаго мѣсяца и пришелъ около 9 часовъ вечера въ улицу Грандъ-Коммюнъ до Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, то замѣтилъ двухъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ былъ ростомъ 5 футъ и 4 дюйма, имѣлъ на себѣ худой черной кафтанъ, сверьхъ коего, какъ у духовнаго, надѣтъ былъ маленькой капишонъ, а на другомъ зеленая куртка обложенная золотымъ позументомъ въ палецъ шириною, въ сапогахъ и ростъ 5 футовъ и 5 или 6 дюймовъ. Сіи люди

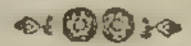
ему поклонились и начали съ нимъ, разговоръ слѣдующими словами: „вы гвардѣецъ; намъ сказали, что сего дня во дворцѣ большой столъ; не угодно ли вамъ будетъ сдѣлать намъ милость впустить насъ туда?" на что онъ обратясь къ духовному отвѣчалъ: я немогу оказать вамъ сей услуги, вы должны быть представлены кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ и получить билетъ для входа отъ дежурнаго Капитана, впрочемъ теперь такъ поздно, что вы не можете получить билета; чтоже касается до того господина, показывая на человѣка въ зеленой курткѣ, то онъ не можетъ быть допущенъ въ семъ одѣяніи къ большому столу. Но они, упрашивая его убѣдительно, возразили: не ужели мы чрезъ посредство ваше не можемъ войти? когда же онъ отвѣчалъ имъ, что не можетъ имъ тѣмъ служить, то они сказали: но Государь мой, вы кажется такъ вѣжливы, не ужели вы можете отказать намъ въ желаніи нашемъ; мы иностранцы, которые сего дня только пріѣхали, а завтра опять должны ѣхать, и ежели послѣ сказаннаго вами намъ нельзя быть допущенными къ большому столу: то просимъ васъ по крайней мѣрѣ поставить насъ куда нибудь, гдѣ бы могли видѣть, и приближиться къ Королю. „Куда же мнѣ поставить васъ" спросилъ онъ ихъ?" Туда, гдѣ Король долженъ проходить, отвѣчали они, когда онъ пойдетъ къ столу или отъ онаго. Онъ представлялъ тогда симъ людямъ что они требуютъ невозможнаго и не обыкновеннаго; но они въ извиненіе свое сказали, что они не имѣютъ никакого злаго намѣренія; но дѣлаютъ сіе для того, чтобъ до-

ставить опять свободу притесненному народу; а религіи его надлежащую ей силу; и ежели вы намъ окажете сію услугу; то мы предлагаемъ вамъ въ награду все что вы потребуете только. Всѣ сіи разговоры происходили или на мѣстѣ, или на дорогѣ; когдаже они замѣтили удивленіе его такому требованію, то онъ сказалъ имъ, чтобы не дать имъ подозрѣнія: „Вы совершенно справедливы, слѣдуйте за мною, Государи мои, причины ваши убѣдительны.“ Послѣ сего они сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ за нимъ; остановились какъ будто для совѣщанія. Между тѣмъ онъ взошелъ на первую ступень лѣстницы, ведущей въ галлерею, гдѣ живутъ Епископъ Орлеанскій и другія особы; видя же что они остановились, онъ обратясь закричалъ имъ: „Чтожъ, господа, вы за мною не слѣдуете.“? Они сей часъ къ нему приближились и спросили его твердымъ голосомъ: что вы хотите дѣлать? Схватить тебя, плутъ, отвѣчалъ онъ, взошедши между тѣмъ еще нѣсколько ступеней до первой площадки, и обнажилъ шпагу, призывая на помощь товарищей своихъ, и схватилъ за грудь человѣка въ зеленой курткѣ, который однакожъ у него вырвался и обнажилъ охотничій ножъ свой, получа отъ него ударъ шпагою, которая переломилась потому, что человѣкъ сей былъ въ панцырѣ. Сей замѣтя, что противникъ его обезоруженъ преслѣдовалъ его и получилъ обломкомъ шпаги ударъ по лицу; но въ туже минуту онъ, объявитель сего, получилъ сзади отъ духовнаго ударъ по головѣ, котораго онъ хотя и схватилъ лѣвой рукой, но зелено-одѣтый человѣкъ ударилъ его охотничьемъ ножемъ въ грудь съ правой стороны, а

духовный повалилъ его за волосы на полъ; но какъ онъ продолжалъ еще кричать: помогите, убiйцы! убiйцы! то сiи два человѣка заткнули ему ротъ платкомъ и жестоко прибили, отъ чего онъ лишился чувствъ, но еще слышалъ какъ одинъ изъ нихъ неизвѣстно который кричалъ: ,,мошенникъ, ты имѣлъ какое-то намѣренiе; но теперь уже никому не разскажешь. Пробывъ около получаса безъ памяти, онъ пришелъ напослѣдокъ въ себя, всталъ понемногу; но не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ опять упалъ, и поднятъ уже нѣкоторыми проходящими гвардейцами, слышавшими, какъ онъ по слабости своей жалобнымъ голосомъ призывалъ на помощь. Сначала принесли его въ комнату госпожи Сентъ - Саверъ, а потомъ въ гошпиталь Сестеръ милосердiя въ Версалiю, гдѣ положенъ въ залѣ назначенной для Королевской гвардiи. Вотъ все что онъ зналъ.

Когда допросъ сей былъ прочтенъ ему онъ, подтвердивъ оный, подписалъ его со мною, Коммиссаромъ. Ла Шоксъ Михаилъ де Рошебруне.

Вѣроятно вся Исторiя была выдумана, для того чтобы выслужиться нелѣпыми выдумками.



XXII.

Заключенные по дѣлу Езуитовъ и Дамиена.

Нѣкто господинъ дела Пламбанье 45 лѣтъ отъ роду посаженъ въ Бастилiю 2 го Маiя 1762 года потому

что онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: *что намъ дѣлать изъ Езуитовъ?* въ насмѣшливыхъ и колкихъ выраженіяхъ. Онъ разсматриваетъ въ оной сначала средства, коими можно учинить Езуитовъ полезными Государству и самимъ себѣ; потомъ предлагаетъ, чтобъ Король сдѣлался самъ главою сего общества. Для оправданія сей системы, онъ прописалъ всѣ выгоды, могущія произойти изъ оной. Сочинитель извинялся тѣмъ, что слова его были простою шуткою, и что чрезъ сіе сочиненіе надѣялся только собрать нѣсколько денегъ, не имѣя намѣренія обидѣть тѣмъ Короля или министерство. Онъ продалъ рукопись свою одному книгопродавцу за 25 Лаубталеровъ, который долженъ былъ отдать оную въ печать. Многіе знаменитые особы, знавшія сочинителя, просили за него, увѣряя, что онъ былъ человѣкъ честныхъ правилъ и хорошаго поведенія, и потому его опять освободили.

Гораздо важнѣйшій оборотъ взяло дѣло одного духовнаго по имяни Рингетъ, который, по доносу монаховъ Верберскихъ, 30 Сентября 1762 года отправленъ въ Бастилію, а въ Октябрѣ тогоже года оттуда переведенъ въ темницу большаго замка, гдѣ его судили и приговорили повѣсить на площади Гревской, что и было исполнено 29 Декабря тогожъ года.

Онъ разсказывалъ Монахамъ, что до вступленія его въ Езуитскій орденъ, онъ былъ Езуитомъ и Профессоромъ философіи въ Камбреѣ и Валансіеннѣ и 9 лѣтъ драгунскихъ Офицеромъ. Онъ произносилъ ужасныя прокля-

тія противъ Парламента и правительства и всѣхъ членовъ Парламента; называлъ ихъ плутами, злодѣями, безбожниками безъ вѣры и совѣсти, безъ закона и религіи; но никто, по его словамъ, не заслуживалъ такъ сего названія, какъ Аббатъ Шавелэнъ. Онъ хотѣлъ умертвить его за два дня до изданнаго Парламентомъ указа по Езуитскому дѣлу, и что хотя ему не удалось, но онъ увѣрялъ, что Аббатъ не избѣжитъ сего, и не иначе какъ отъ руки его погибнетъ. Увѣрялъ также монаховъ Верберскихъ, что онъ ѣдитъ въ Парижъ извѣдать щастія къ приведенію ордена своего опять въ силу, и ежели бы ему сіе не пощастливилось, то хотѣлъ разсѣять сочиненіе свое, которымъ надѣялся погубить Францію а особенно Парламентъ. Читая монахамъ нѣкоторыя мѣста изъ оной, писанныя съ большимъ жаромъ и весьма соблазнительно, онъ говорилъ имъ, что Король, госпожа Помпадуръ и Герцогъ Шоазель были причиною упадка ордена, и что во Франціи нѣтъ уже болѣе никакой религіи. Когда Деміенъ производилъ въ дѣйствіе намѣреніе свое, что онъ тогда былъ на дворѣ замка, а лошадь его внѣ онаго у рѣшетки, что Патера Малагрида ошибкою приняли за него; послѣ чего онъ тотчасъ отправился верьхомъ въ Сенъ-Дени; откуда поѣхалъ уже по почтѣ. Онъ разказывалъ далѣе, что одного изъ товарищей своихъ отравилъ онъ ядомъ за то, что тотъ изъ куска хлѣба подписалъ Парламентскій указъ, и учинилъ смертоубійство сіе въ силу четвертаго обѣта, налагаемаго орденомъ, и даваемаго подъ присягою. Сей обѣтъ обязываетъ умерщвлять всѣхъ препятствовавшихъ ордену, особенно же измѣнившихъ членовъ онаго, прибавя къ тому,

что для него все равно какимъ бы образомъ его не казнили; ежели онъ только умретъ мученикомъ Ордена, что Орденъ будетъ умѣть сдѣлаться страшнымъ, что многіе изъ Членовъ его будутъ опредѣлены Викаріями, даже Епископами, а нѣкоторые вотрутся слугами во многіе изъ первыхъ и знатнѣйшихъ домовъ и т. далѣе.

Іоаннъ Гриметъ, торговавшій табакомъ, весьма неосторожно говорилъ о дѣлѣ Даміена и сіе было причиною заключенія его въ Бастилію, на пр: онъ говорилъ, что зналъ Даміена и часто игрывалъ съ нимъ, что вся тяжба Даміена была только выдуманная басня для ослѣпленія народа, что хотя всѣ Судьи и Члены Коммисіи должны были присягнуть въ сохраненіи тайны; но что истина обнаружится современемъ, что когда Даміенъ ранилъ Людовика XV, то будто на большой дорогѣ стояли двѣ одноколки, которыя, казалось, должны были принять бѣжавшаго Даміена какъ скоро онъ произведетъ въ дѣйствіе свое намѣреніе, что многіе видѣли сіи одноколки и нѣкоторые слышали по совершеніи удара громкое восклицаніе: *не посчастливилось*! и сей часъ одноколки сіи изчезли; но что люди въ одноколкахъ сихъ ожидали Даміена не для спасенія его, но что бы застрѣлить; онъ, говоря также о дѣлѣ Езуитовъ, утверждалъ, что они возвысятся блистательнѣе прежняго и что Парламентъ будетъ раскаяваться въ прошедшемъ, а Господинъ Шавелонъ охотно бы отдалъ два пальца на отсеченіе чтобы не преслѣдовать ихъ прежде; удивлялся рѣдкому противорѣчію, что у Езуитовъ отнимаютъ орденское платье, а при дворѣ даютъ

имъ чины и почетныя мѣста, что одинъ Езуитъ сдѣлался домовымъ Священникомъ у Кардинала Шоазеля, а другой также у Герцога Орлеанскаго чрезъ посредство Господина Бретеля. Сей человѣкъ освобожденъ по четырехъ-мѣсячномъ заключеніи, обѣщаясь на передъ удерживаться впередъ отъ подобныхъ разговоровъ подъ опасеніемъ вѣчнаго заточенія.

Ричардъ Робее, духовный 53 лѣтъ донесъ ложно на одного пустынника, что онъ худо говорилъ о Королѣ и утверждалъ; что Даміенъ умеръ мученическою смертію. Робее былъ при слѣдствіи посаженъ въ Бастилію, гдѣ онъ самъ себя хотѣлъ умертвить, ранивъ прежде себя въ руку большой иголкой, потомъ изломанной вилкой, но какъ кровь не могла тѣчь, потому что отверстіе не довольно велико было, то онъ сдѣлалъ нѣсколько ранъ, и когда его спросили, за чѣмъ онъ такъ жестоко поступилъ съ собою: то отвѣчалъ, что сдѣлалъ сіе отъ досады, что при допросѣ умолчалъ о истинѣ. Его вылечили и при освобожденіи его ему приказано было опять отправиться въ свой приходъ.

Діеде Сентъ-Лазаре, Морской Офицеръ при торговой Морской силѣ, 25 лѣтъ отъ роду, родомъ изъ Касины, былъ посаженъ въ Бастилію въ Октябрѣ 1765 за то, что въ Нантѣ, за столомъ въ трактирѣ, разговаривая о казни Даміена, произносилъ ругательства противъ Правительства, и въ театрѣ тоже повторялъ своему сосѣду. При допросѣ онъ отрекался отъ словъ своихъ, и утверждалъ, что былъ всегда вѣрнѣйшій подданный

Короля; но признался, что точно, когда его спросили о Кайенской колоніи, то онъ отвѣчалъ, что Тюрго плутъ, которымъ весьма не довольны, и ежели Герцогъ Шоазель не сдѣлаетъ его Лейтенантомъ фрегата, то онъ сдѣлается Морскимъ разбойникомъ и будетъ крейсировать противъ Французскихъ кораблей; а ежели онъ за столомъ произнесъ имя Короля, то конечно сіе случилось тогда, какъ онъ сказалъ, что Тюрго заслуживаетъ, чтобъ Король его казнилъ также какъ и Даміена, дабы наказать его за все зло, причиненное имъ жителямъ Кайенскимъ, что его шпага слишкомъ благородна, чтобы обезчестить ее кровію Тюрго, который заслуживаетъ палочныхъ ударовъ. Сей Офицеръ былъ выпущенъ изъ Бастиліи 27 Іюня 1773 года; но опять посаженъ 3 Іюля по приказанію Господина Сартина, потому что не имѣлъ столько денегъ, чтобъ отправиться въ Брестъ, мѣсто своего изгнанія. Господинъ Сартинъ, приказавъ ему выдать 226 ливровъ на путевыя издержки, отправилъ его 10 Іюля въ почтовой коляскѣ въ Брестъ.

XXII.

Казнь Графа Лаллія 1762. (*)

Графъ Лаллій, Кавалеръ большаго креста Св. Людовика и Генералъ - Лейтенантъ Королевской службы, С

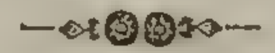
(*) См: подробности о семъ въ книгѣ, подъ заглавіемъ: о паденіи Французской державы.

году отъ роду, былъ привезенъ въ Бастилію 1762 года за то, что его полагали единственною причиною въ потерѣ Франціи всѣхъ Остъ-Индскихъ владѣній. Онъ судился въ Парламентѣ, и 6 го Мая 1766 года приговоренъ онымъ къ лишенію головы на Гревской площади; каковый приговоръ исполненъ былъ 9 го числа помянутаго мѣсяца въ 5 часовъ пополудни. Его привезли наканунѣ въ 10 часовъ вечера изъ Бастиліи въ Парламентскую темницу для прочтенія ему сентенціи; на всѣхъ углахъ улицы и при входѣ въ Судъ поставлены были пикеты, а у темницы нѣсколько человѣкъ солдатъ. Графъ оказалъ большое безпокойство, когда Маіоръ Бастильскій, провожавшій его до Парламентской темницы, оставилъ его въ дверяхъ оной, не простясь съ нимъ. У него вырвалась восклицаніе: „*теперь я пропалъ*.! Ему дѣлали все возможныя представленія къ успокоенію его, и онъ провелъ ночь между страхомъ и надеждой. Утомясь разсказомъ, что онъ былъ въ 9 сраженіяхъ и только въ одномъ побѣжденъ, что при Фонтеноа и осадѣ Бергенопцоома онъ отличился и т. далѣе, бросился онъ совершенно одѣтый въ постель и проспалъ цѣлый часъ; но по пробужденіи получилъ прежнюю тоску; въ 8 часовъ предложили ему вкусить что нибудь; но онъ отказался, чтобы, по его словамъ, не отяготить желудка и чтобы въ состояніи быть хладнокровнѣе говорить съ Судьями своими. Около обѣда повели его въ церковь; его объялъ трепетъ, когда протоколистъ Грефье приказалъ ему преклонить колѣна и выслушать приговоръ. Сначала стоялъ онъ нѣсколько времяни въ нерѣшимости, но наконецъ исполнилъ требуемое. Во время чтенія оказывалъ онъ нѣсколь-

ко разъ нетерпѣніе, когда же услышалъ, что приговоренъ къ лишенію жизни, то вскочилъ и, упавъ отъ ужаса на взничь, вскричалъ: „Какое же преступленіе я сдѣлалъ?" Когда приговоръ былъ прочтенъ, Священникъ Ордена Св. Людовика приближился къ нему для подкрѣпленія его утѣшеніемъ религіи. Ахъ, Государь мой, оставьте меня на минуту одного! отвѣчалъ Графъ селъ въ углу церкви и закрылъ лице обѣими руками; вдругъ выдергиваетъ железное остріе, спрятанное имъ въ рукавѣ, и вонзаетъ оное на дюймъ себѣ въ бокъ подъ сердце. Присудствующіе поспѣшили на помощь и удержали руку, готовую повторить ударъ. О семъ происшествіи донесено было сей часъ первому предсѣдателю, и онъ приказалъ поспѣшить исполненіемъ казни, но уже вмѣсто кареты, которую позволили было ему имѣть по просьбѣ семейства его, его повезли на простой телегѣ. Въ слѣдствіе сего палачь взялъ Графа, который извергалъ въ сію минуту жесточайшія ругательства и проклятія, и потому протоколистъ требовалъ новаго предписанія, представляя, что при перевозѣ, кромѣ соблазна публики отъ злословія Графа, надобно было еще опасаться, чтобъ онъ не задушилъ себя языкомъ своимъ по примѣру Негровъ; и такъ рѣшено было заклепать ему ротъ, чтобы воспрепятствовать и тому и другому, что и исполнено было въ половинѣ пятаго часа не безъ сопротивленія съ его стороны. Потомъ посадили его на простую телегу, предъ которой ѣхала телега палача въ сопровожденіи военнаго отряда. Когда его привезли на мѣсто казни, то спросили: хочетъ ли онъ идти въ Ратушу? но онъ разсердился, бросилъ презрительный взглядъ въ эту сторону и устремилъ

взоры свои на толпу окружающаго его народа, когда всходилъ на лѣстницу; то былъ весьма слабъ, но находясь на эшафотѣ, онъ оказалъ героическую твердость и преклонилъ самъ колѣна и голову на плаху. Сынъ палача сдѣлалъ неправильный ударъ и перерубилъ ему только черепъ; отецъ оттолкнулъ неискуснаго юношу, взялъ самъ мечь и однимъ разомъ отдѣлилъ голову отъ туловища.

Онъ имѣлъ защитниковъ въ Вольтерѣ и Аббатѣ Рейналѣ, которые доказывали, что онъ не могъ быть измѣнникомъ и притѣснителемъ. Сынъ его Графъ Лаллій Долендаль былъ послѣ депутатомъ Національнаго Собранія и имѣлъ участіе въ Революціи, а потомъ удалился въ Англію и писалъ противъ Революціи.



XXIII.

Невѣрный управитель.

Бурдонъ, по прозванію Меранвиль, портной, сдѣлался извѣстенъ своимъ искусствомъ; но дурное его поведеніе и страсть къ картамъ были причиною, что въ короткое время онъ три раза сряду былъ банкрутомъ и долженъ было оставить ремесло свое. Онъ сдѣлался послѣ того интендантомъ веселостей и удовольствій Герцога Мазарина, который отъ образа своей жизни совершенно раззорился. Портной жилъ упадкомъ своего Госпо-

дина, имѣя знакомства со многими ростовщиками, доставалъ онъ чрезъ нихъ Герцогу то товары, которые онъ продавалъ послѣ за деньги съ убыткомъ, то наличныя деньги за большія проценты, векселя и т. далѣе. Сіи виды и векселя, которые, онъ заставлялъ давать Герцога Мазарина, простирались до 280,000 ливровъ. Малѣйшую часть сей суммы получилъ Герцогъ наличными деньгами; большую же часть дурными товарами, мебелями и пр; при продажѣ коихъ онъ вдвое терялъ. Меранвиль взятъ былъ 20 Февраля 1763 года и посаженъ въ Бастилію, чтобы вынудить отъ него признаніе: какіе люди, и какимъ образомъ они обманули Герцога? Онъ показалъ на двухъ: женщину и мущину, которые оба давали деньги подъ закладъ и притомъ нѣсколько разъ обманывали Герцога. Они также были посажены: первая въ темницу большаго замка, а послѣдній въ крѣпость Венсеннскую. Онъ былъ самый проныпливый ростовщикъ въ Парижѣ, и ежели какой нибудь молодой человѣкъ имѣлъ съ нимъ дѣло, то онъ сей часъ доставалъ указъ для его ареста и провожалъ самъ оцѣнщиковъ коимъ довѣрялъ выручку своего капитала. Когда отъ сихъ ростовщиковъ получено нужное поясненіе по дѣлу Герцога Мазарина, то ихъ освободили; но дабы они не могли начать снова мошенничества своего въ Парижѣ, то изгнаны были изъ онаго, портной на 50 миль, а ростовщикъ на 30 миль; женщина же отдана была въ Госпиталь, который былъ не лучше рабочаго дома.

Герцогъ Мазаринъ имѣлъ связь съ одной танцовщицей дѣвицею Аллардъ, которой роскошь простиралась до

того, что всѣ мѣста въ домѣ были обиты драгоцѣннѣйшими Брюссельскими кружевами. Мерaнвиль былъ управителемъ въ ея домѣ; у нее учиненъ обыскъ и всѣ бумаги, касающіяся до дѣла Герцога у нее взяты.

XXIV.

Инженеръ Геронъ въ Бастиліи, за переписку съ Фридрихомъ великимъ.

Онъ имѣлъ 39 лѣтъ отъ роду, былъ инженеръ-Географъ и отвезенъ 21 Декабря 1764 въ Бастилію, а 14 Апрѣля 1765 въ Бисетру, гдѣ долженъ былъ пробыть только 6 мѣсяцевъ; но какъ онъ впалъ въ нѣкоторый родъ сумасшествія, то и освобожденъ 28 Декабря 1783 года. Тогда, вѣроятно, разсудокъ его былъ въ лучшемъ состояніи.

Онъ велъ предосудительную переписку съ Пруссіею, Даніею, Голландіею, Испаніею и Венгріей. Онъ признался, что въ поступкахъ своихъ не правъ, совоѣмъ не старался защищаться и просилъ прощенія потому только, что нужда и бѣдность заставили его такъ неосторожно поступить. Переписка его съ Фридрихомъ болѣе всего служила къ его обвиненію. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ по обнародываніи въ Парижѣ мира въ 1763 году, писалъ онъ, удрученъ будучи нуждою и бѣдствіемъ къ Королю Прусскому и предлагалъ ему 4

плана о минахъ покойнаго инженера Белидота; но чтобы скрыть сію переписку, то Геронъ отдалъ свое письмо частному человѣку, отъѣзжавшему въ Лондонъ, который отправилъ оное оттуда въ Берлинъ. Король Прусскій, желая узнать подробнѣе о Геронѣ, и можетъ ли онъ быть полезенъ ему, послалъ Агента своего Жансона, который посѣтилъ Герона въ Шальотѣ; сей показалъ ему упомянутые четыре плана и просилъ за нихъ 50 новыхъ Луидоровъ. Жансонъ донесъ Королю по возвращеніи своемъ въ Пруссію о исполненіи порученія и писалъ потомъ къ Герону, что онъ можетъ дать ему за его планы 40 луидоровъ; но въ другомъ письмѣ онъ соглашается дать ему 50, ежели онъ уговоритъ или Туперта или Солейрота Миннеро оставить Французскую службу и перейти въ Прусскую. Вѣроятно Король Прусскій хотѣлъ употребить одного изъ сихъ Офицеровъ для поясненія и практическаго исполненія купленныхъ плановъ, и Геронъ дѣйствительно писалъ къ симъ Офицерамъ и уговаривалъ ихъ ѣхать съ нимъ въ Пруссію.

Корреспонденція Герона съ Вѣною имѣла предметомъ заложеніе торговой биржи въ Венгріи, и онъ долженъ былъ имѣть главный надзоръ надъ построеніемъ мостовъ, гаваней и т. д.

Переписка его въ Голландію, происходила, по его словамъ, относительно Гамбургскихъ чулокъ, которыхъ онъ хотѣлъ для себя купить и прожекта ѣхать въ Амстердамъ и продать свои планы Географамъ, которые хотѣли ихъ гравировать. Съ Испанскими послан-

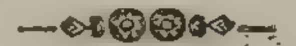
никами переписывался онъ для того, чтобы переслать имъ сочиненіе Белидора Traité de la guerre Souterraine т. е. *трактатъ о подземной войнѣ* и о Гибралтарѣ. Геронъ, борясь безпрестанно съ нуждою, послалъ рисунокъ съ лафета и всѣхъ частей его порознь къ Королю Датскому, который приказалъ выдать ему за то 100 Датскихъ талеровъ. Выключая Герона, заключили въ Бастилію Секретаря покойнаго Белидора и двухъ дѣвицъ Лестибудоазъ, коихъ всѣхъ полагали соучастниками преступленія Герона особенно же въ томъ, что будто бы Секретарь скрылъ важнѣйшія бумаги Белидора, доставилъ Герону планы и хотѣлъ, оставя Францію, ѣхать съ нимъ въ Пруссію; но Секретарь доказалъ, что Геронъ обманулъ его, оставя у себя копіи съ плановъ, которые онъ далъ ему для скопированія; двѣ же дѣвицы также никакого участія въ переговорахъ не брали и даже отсовѣтовали ему. Геронъ писалъ письмо, въ коемъ число не было означено, на имя одного трактирщика, чтобъ сей передалъ его извѣстной особѣ, въ которомъ онъ проситъ заступиться за него въ Версальи и упросить Герцога Беррійскаго, чтобы онъ выдалъ его за своего инженера, потому что онъ считаетъ себя пропавшимъ, ежели дѣло его перейдетъ въ Парламентъ.

Ежели дѣло не удастся, продолжаетъ онъ, тогда прощай жизнь; она виситъ на ниткѣ. Ежели вы узнаете, что мнѣ исходатайствовано прощеніе, то приходите въ понедѣльникъ вечеромъ въ 8 или 9 часовъ, я буду слушать въ ту сторону, гдѣ стоятъ инвалиды къ воротамъ Св. Антонія, и въ такомъ случаѣ закричите

пять или шесть разъ Аллилуіа или засвистите; ежели же я не прощенъ, то закричите четыре или пять разъ: прощай Флибустіеръ (*)! и тогда вы можете чрезъ два или три дня присудствовать при похоронахъ моихъ въ церквѣ С. Павла. Я прошу васъ также написать къ Господину Жоржу Клейрманну, купцу во Франкфуртѣ на Майнѣ, письмо слѣдующаго содержанія: Государь мой! я увѣдомляю васъ, чтобы вы не посылали писемъ въ Парижъ, по извѣстному вамъ дѣлу; онъ умеръ, все извѣстно, и вы знаете, кто тому причиной.

Вѣроятно Геронъ надѣялся доставить сіе письмо; но оно перехвачено и находится при дѣлахъ.

Геронъ, будучи выпущенъ изъ Бисетры, требовалъ назадъ чемодана, въ коемъ находилось множество плановъ, чертежей и другихъ бумагъ, касающихся до осады или защищенія крѣпости; но ихъ немогли ему выдать, ибо Коммисаръ Шенонъ велѣлъ при разборѣ въ 1783 году сжечь ихъ, потому что они всѣ истлѣли и производили дурной запахъ.



XXV.

Плѣнникъ, самъ себя обвиняющій.

Онъ назывался Меркуръ и добровольно сознался въ одномъ письмѣ къ Кардиналу Жеврскому, что въ

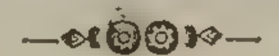
(*) Американскій морскій разбойникъ.

Фанатической ревности своей онъ принялъ ужасное намѣреніе принести въ жертву своему неистовству Короля и что не довѣряя себѣ имѣть силы къ подавленію сей мысли, его покорнѣйше проситъ, чтобъ его взяли подъ стражу, дабы лишить его всякой возможности къ совершенію онаго. Кардиналъ сообщилъ сіе письмо Полиціи-Лейтенанту тогдашнему Сартине, который приказалъ взять Меркура и посадить въ Бастилію, гдѣ онъ въ большой Меморіи и въ письмѣ къ Господину Сартине описалъ всю жизнь свою обстоятельно.

Кончивъ съ хорошимъ успѣхомъ курсъ наукъ въ юношествѣ своемъ, прибылъ онъ въ Парижъ, гдѣ пробывъ нѣсколько времяни и издержавъ всѣ деньги, рѣшился возвратиться къ отцу своему; но оставляя Парижъ, укралъ у зятя своего 52 луидора и пошелъ въ Безансонъ, гдѣ Епископъ, бывшій изъ фамиліи Грамонъ доставилъ ему приходъ съ 600 ливровъ доходу; въ тоже время онъ здѣлалъ связь съ дочерью Аптекаря Безансонскаго, которая сдѣлалась беремѣнна. Сіе произшествіе и покража 52 луидоровъ, о которой семейство его узнало, заставило его оставить приходъ свой; послѣ чего онъ завербовался въ одинъ полкъ, съ коимъ ему досталось стоять въ Бургундіи, вблизи одного помѣстья, принадлежавшаго Маркизу Виссію, брату Кардинала. Будучи вхожъ къ Маркизу въ домъ, обѣдывалъ у него и познакомился весьма коротко съ любовницею Маркиза, которая имѣла еще любовникомъ одного Кавалерійскаго Поручика; сей, не желая имѣть соперника въ Меркурѣ, поссорился съ нимъ такъ, что

они дрались на шпагахъ и стрѣлялись на пистолетахъ, при чемъ Поручикъ опасно былъ раненъ. Спустя нѣсколько времяни Меркуръ возвратился въ Парижъ, проигралъ деньги свои въ Жеврской гостинницѣ, и не зная болѣе, что начать, продалъ посуду, которую ему заложилъ одинъ трактирщикъ за 18 луидоровъ, за что на него трактирщикъ жаловался, и онъ содержался по сему дѣлу 4 года въ темницѣ, откуда найдя средство скрыться съ двумя товарищами, пришелъ къ Маркизѣ Бофремонтъ, гдѣ и прожилъ цѣлый мѣсяцъ, пока ему прислали денегъ, чтобы онъ отправился въ Сеезъ на Саонѣ къ Аббату Бофремонту, который, чтобъ избавиться отъ него, рѣшился отправить его чрезъ Рейнъ въ Пруссію, давъ ему рекомендательное письмо къ Генералу Валбургу. Сей принялъ его въ свой полкъ рядовымъ, произвелъ чрезъ двѣ недели въ капралы, еще чрезъ двѣ сдѣлалъ Фельдфебелемъ, а чрезъ три мѣсяца произвелъ въ Поручики. Такъ какъ Меркуръ худо говорилъ по Нѣмецки, то одинъ Офицеръ того полка смѣялся надъ нимъ, что онъ не могъ порядочно произносить нѣкоторыхъ словъ, за что Меркуръ вызвалъ его на поединокъ и произилъ его въ животъ. Лестію умѣлъ онъ снискать благосклонность Госпожи Маршаль, племянницы Канцлера, которая хотѣла съ нимъ бѣжать во Францію, чтобы соединиться тамъ бракомъ; но ее догнали дорогой и возвратили въ Пруссію, когда Меркуръ пошелъ въ деревню за лошадьми для продолженія дороги. Въ изумленіи, видя себя лишеннаго своей возлюбленной и преслѣдуемаго, ушелъ онъ въ Авиньонъ къ Вицелегату, гдѣ и находился въ безопасности; оттуда поѣхалъ онъ въ Византу и женился тамъ,

но жена его умерла вскорѣ. Онъ познакомился съ Господиномъ Норманомъ, супругомъ Маркизы Помпадуръ, и чрезъ его посредство получилъ мѣсто при откупахъ, которое ему давало 8,000 ливровъ годоваго дохода; но потерявъ сіе мѣсто, онъ, вѣроятно, потерялъ разсудокъ и находился въ растроеномъ умѣ, когда онъ попалъ на такія мысли, въ коихъ самъ на себя доносилъ. Въ 1765 году когда онъ посаженъ въ Бастилію ему было 68 лѣтъ отъ роду, а въ 1766 году его перевезли изъ Бастиліи въ Винсеннъ, гдѣ и умеръ отъ водяной болѣзни въ Декабрѣ 1775 года.



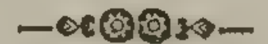
XXVI.

Дитя любви.

Людвигъ Рожеръ, 18 лѣтъ отъ роду, прежде бывшій рядовой полка Дофине выдавалъ себя за сына Госпожи Флафакуръ, вдовы Маркиза сего имяни, и надоѣдалъ ей глупыми и безстыдными письмами. Онъ былъ за то взятъ подъ стражу въ 1767 году и выпущенъ только съ условіемъ, что онъ дастъ торжественное обязательство отправиться въ колоніи и не писать болѣе къ Маркизѣ, въ чемъ онъ и увѣрилъ честнымъ своимъ словом; но нашелъ средство сойти на берегъ съ корабля, долженствующаго отвезти его въ Иль-де Франсъ, и въ 1768 году снова писалъ къ Маркизѣ съ острова Ре, называя ее родною матерью и требовалъ отъ нее помощи; онъ

писалъ также къ одному родственнику сей Госпожи и угрожалъ въ семъ письмѣ что призоветъ ее къ суду въ Парламентъ, подписываясь какъ прежде такъ и послѣ Графомъ Флафакуртъ. Въ 1769 году онъ перевезенъ по повелѣнію Короля изъ темницы Брестской въ Бисетру и умеръ въ тамошней больницѣ 1773 года. Въ допросѣ онъ показалъ, что кормилицею его была нѣкоторая Госпожа Богардъ, которой онъ на 4мъ году своего возраста привезенъ въ Парижъ въ замокъ Флафакуртской; что Маркиза отдавала его въ Пансіонъ на ея иждивеніи; а кормилица называла его иногда Господиномъ Рожеромъ, иногда Флафакуртомъ и увѣряла его, что онъ сынъ Маркиза сего имяни. Онъ дѣлалъ довольно удовлетворительное описаніе важнѣйшимъ обстоятельствамъ своей жизни; при чемъ большое стараніе было приложено разобрать ихъ точнѣе; узнать, кто онъ таковъ и подлинно ли принадлежитъ къ сей фамиліи; но тщетно. Можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ побочный сынъ Флафакурта; но не долженъ былъ носить сего имяни. Казалось, ему извѣстно было отъ части отечество и семейство Господина Флафакурта; выдавая же себя такъ часто за сына его, онъ наконецъ самъ въ томъ увѣрился. Госпожа Флафакуртъ ужасно боялась его и писемъ его; приказано было сдѣлать выправку по метрическимъ книгамъ въ Неслѣ, гдѣ онъ крещенъ; но и симъ ничего не объяснилось. Содержась 1772 года въ Бисетрѣ, въ такъ называемыхъ Кабанонахъ, онъ писалъ къ разнымъ Министрамъ и увѣдомлялъ ихъ, что узналъ объ одномъ заговорѣ, который имѣлъ предметомъ разореніе всѣхъ приморскихъ пристаней и личную безопасность Короля; и потому онъ

просилъ, чтобъ его посадили въ другую темницу, чтобы быть въ состояніи открыть всѣ обстоятельства; но вмѣсто того, въ Бисетру послали Инспектора Полиціи, чтобы отъ него отобрать допросъ, при чемъ оказалось, что всѣ приведенныя имъ доказательства частію неосновательны, частію невѣроятны. Сей нещастный бѣдный человѣкъ, при выдумкѣ ложнаго своего происхожденія, не имѣлъ, кажется, другаго намѣренія, какъ только доставить себѣ сносное и безбѣдное пропитаніе.



XXVII.

Лепрево и открытый имъ заговоръ.

Онъ былъ посаженъ въ Бастилію въ 1768 году; потомъ отвезенъ въ Винсеннъ, и наконецъ въ Бисетру, гдѣ весьма долго содержался; ибо полагаютъ, что онъ съ ума сошелъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ непріятель Королевской власти и объ Министрахъ говоритъ, что они думаютъ только о своемъ обогащеніи, преслѣдуютъ добрыхъ гражданъ и каждую минуту готовы удовлетворять гордости и безстыдству своему; въ особенности же навлекло ему мщеніе Министровъ открытіе ихъ плана, о которомъ онъ донесъ Королю меморіей, съ коей копію нашли при сдачѣ Бастиліи:

Представленіе Королю Людвигу XV и объявленіе о заговорѣ, касающемся общаго голода.

Государь! между всѣми заговорами, извѣстными по лѣтописямъ міра, ни одинъ не имѣетъ такого отпечатка непомѣрной злости, какъ заговоръ, который Божеское Провидѣніе помогло открыть мнѣ 1768 года.

Не подозрѣніе, не слухи, не догадки, или ложные доносы побудили меня къ обнаруженію сего ужаснаго плана; но самый заговоръ, котораго союзъ возобновленъ и продолжается понынѣ; дѣйствительное и нынѣ существующее исполненіе онаго, тысячи доказательствъ, обстоятельныя подробности, переписка заговорщиковъ, вынужденное сознаніе самаго важнѣйшаго изъ заговорщиковъ, который, выключая меня, схоронилъ за живо въ Государственной темницѣ еще пятерыхъ подданныхъ Вашего Величества и преслѣдуетъ ихъ; ибо думаетъ утаить постыдныя дѣла свои, сжели истребитъ письма, которыя могли бы рѣшить его участь—вотъ мои оправданія, мои побудительныя причины.

Министры Вашего Величества старались увѣрить васъ, дабы не показать, что отъ нихъ происходятъ всѣ бѣдствія Государства, что они имѣютъ въ предмѣтѣ ваше и общественное благосостояніе и что они почитаютъ нужнымъ для предупрежденія голода и дороговизны во всякое время приказать отъ имяни Вашего, по примѣру Патріарха Іосифа, дѣлать большіе запасы хлѣба во всѣхъ зàмкахъ, крѣпостяхъ и житницахъ, дабы во время нужды можно было его раздавать.

Сія предосторожность, которая Вашему Величеству, какъ и всякому, кто не знаетъ, что подъ симъ скрывается,

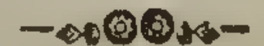
покажется весьма похвальною; но во Франціи, благодаря Божескому промыслу, совсѣмъ не нужна она. Говорить ли мнѣ! еще болѣе? Министры Ваши представляютъ васъ, Государь, народу то торговцемъ хлѣба, который продаетъ свой хлѣбъ какъ можно дороже, то закупщикомъ, то притѣснителемъ Франціи, хотя вы совсѣмъ не таковы; то виновникомъ тайныхъ операцій, которыя они подъ вашимъ имянемъ производятъ; то виновникомъ всѣхъ бѣдствій Государства вашего или, по крайней мѣрѣ, покровителемъ ихъ постыднаго заговора, котораго вы и предполагать не можете; но, Государь! для оправданія вашего правомыслія относительно народа, совсѣмъ не нужно приводить доказательствъ: всякой знаетъ, что не было еще примѣра, чтобъ монархъ, поступая противъ своего Государства; поступалъ противъ себя; и еще менѣе, чтобы онъ, въ противность имъ совѣсти, чести и славы своей вступилъ когда нибудь въ сношенія съ людьми, почитаемыми за измѣнниковъ, дабы чрезъ то рассориться съ преданными и доброхотными подданными своими, которые въ знакъ послушанія своего платятъ ему ежегодно столько пошлинъ, сколько онъ потребуетъ. Хотя сей союзъ лукавымъ образомъ заключенъ отъ имяни Государя моего Людовика XV; но я слишкомъ хорошо увѣренъ, что изъ всѣхъ милліоновъ, или лучше сказать, билліоновъ, которые съ 1720 года выторгованы у Французовъ знатными заговорщиками, ниодна копѣйка не поступила въ казну. Не должно ли изъ того заключить, что Государь чрезъ излишнюю свою довѣренность обманутъ, что онъ сего самъ не знаетъ; но что между тѣмъ это очень смѣло производится и ничто не можетъ быть вѣрнѣе сего;

Божiею помощiю я открылъ тому безчисленныя доказательства, получа планъ-заговора въ свои руки, копiя съ коего хотя и лишилъ меня Господинъ Сартине, когда приказалъ посадить меня въ темницу; но которой я знаю наизусть, и потому въ состоянiи объяснить главный смыслъ онаго.

12 го Iюля 1765 года Господинъ Аверие отдалъ все Государство на откупъ богатѣйшимъ ростовщикамъ, коихъ числомъ было до 3,000,000 называвшимъ себя: Interessés dans les affaires de la Majesté. Они должны были сколько можно болѣе собрать въ запасъ хлѣба и вывезти его изъ Государства. Имяни сихъ ростовщиковъ слѣдующiя: 1) Руа де Шомонъ, главный сборщикъ лѣсныхъ податей Графства Блоазскаго, живущей въ улицѣ Сенть-Перской 2) Перушо, бывшiй поставщикъ армейскихъ Госпиталей, который имѣетъ прекрасный замокъ Дюплексъ, называемый нынѣ Королевскимъ запасным магазиномъ. 3) Руссо сборщикъ лѣсныхъ податей Орлеанскихъ. Сiи трое суть только подчиненные представителей многочисленнаго общества соединенныхъ безъимянныхъ ростовщиковъ сихъ. Но чтобъ скрыть отъ публики настоящую личину свою, они наименовали одного главнаго Агента по имяни Маллизета, коему обязывались отдать всю Францiю на откупъ на 12 лѣтъ, въ возобновленiе прежде заключеннаго откупа съ нѣкоторымъ Гульярдомъ, и откупъ сей долженъ былъ кончиться 12 го Iюля 1777 года, обѣщаясь и послѣ того возобновить его съ нимъ или съ другимъ кѣмъ нибудь. Во многихъ пунктахъ сего условiя предписывается правило

поступков его; для успеха же сего предприятия, ему позволялось вывозить хлеб, где только он почтет за нужное, а в награждение трудов его обезпечивают его значительным жалованьем. В сем условии не забыто даже сколько он должен держать лошадей и скота; а Гужету, назначенному главным казначеем, предписано представлять счеты свои и раздел барыша ежегодно к Ноябрю месяцу; для большей же Благодати Господней назначается в 20 м и последнем пункте раздача милостыни в 600 ливров бедным. Сего откупнаго договора написано было четыре экземпляра, и Господин Аверне подписал его имянем Короля.

Господин Прево продолжает имяновать тех, которые имели участие в плане; он включает тут трех Интендантов Финансов, трех Полиции - Лейтенантов, шесть Министров и почти всех Генерал-Контролеров; он приписывает сей Монополии голод и дороговизну бывшия не только в 1760, и 67 в годах, но и в конце семнадцатаго и начале осмнадцатаго столетия.



XXVIII.

Письмо нѣкоторой матери къ Министру, о заключеніи въ тюрьму дочери ея, съ присовокупленіемъ возраженія отъ оной.

Два слѣдующія письма матери и дочери доказываютъ, сколько нещастная поспѣшность доставать повелѣнія для лишенія свободы производила въ семействахъ безпорядки и несправедливости всякаго рода.

Господину Штатсъ-Министру и Статсъ-Секретарю Сен-Флорентину.

Государь мой!

Катерина Обенъ, вдова Франца Алберта Семета, имѣетъ честь представить Вашему Превосходительству, что 25 лѣтняя дочь ея, по имяни Франциска Семетъ, ведетъ распутную жизнь и давно уже имѣетъ связь съ мущиною отъ коего имѣетъ троихъ дѣтей, изъ коихъ двое еще живы и воспитаніе коихъ я, просительница, охотно на себя принимаю; но опасаясь поспраедливости весьма дурныхъ послѣдствій такой распутной жизни дочери моей; желаю, чтобъ она съ платою съ моей стороны за содержаніе ея, была заключена въ Монастырь Св. Пелагеи; Сіе вынуждаетъ меня, Милостивый Государь! прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству и покорнѣйше просить, чтобъ вы соблаговолили исходатайствовать указъ для заключенія дочери моей Францискі Семетъ въ Монастырь Св. Пелагеи; яже, просительница, обязываюсь платить за нее пансіонъ. Вознеся къ небу искреннѣйшія молитвы о сохраненіи Вашего Превосходительства, имѣю честь быть, и пр.

Катерина Обенъ, по мужѣ Семетъ.

Имѣю честь засвидѣтельствовать Графу Сентъ-Флорентину, что вышеозначенная Франциска Семетъ заслуживаетъ того, чтобъ ее заключили въ Монастырь Св. Пелагеи.

Парижъ 10 Іюня 1755 года.

Патэнъ дела Туръ, старшина церкви Св. Николая на Поляхъ.

Прошеніе дочери.

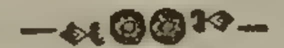
Франциска Семетъ, видя себя заключенною въ Монастырѣ Св. Пелагеи по Королевскому указу, осмѣливается покорнѣйше просить и представить Полиціи-Лейтенанту, что сей строжайшій указъ исходатайствованъ постыднѣйшимъ обманомъ на счетъ его справедливости. Охотно желала бы она скрыть отъ себя, что постигнувшее ее новое нещастіе есть дѣло матери ея; которая, покрайнѣй мѣрѣ, должна была бы показать побудительныя къ тому причины, тогда бы дочь ея безъ ропота подверглась судьбѣ своей и ожидала освобожденія своего единственно отъ матери; но въ теперешнемъ положеніи дѣла можетъ она прибѣгнуть только къ Господину Полицей-Лейтенанту, дабы онъ въ состояніи былъ судить о ея дѣлѣ съ надлежащимъ уразумѣніемъ. Она охотно сознается, въ чемъ должна укорять себя; но приведетъ также въ доказательство такія вещи, которыя, по ея мнѣнію, могутъ въ глазахъ его оправдать ее, покрайнѣй мѣрѣ столько, сколько то возможно въ такихъ случаяхъ въ глазахъ человѣческаго общества.

Мать дѣвицы Семетъ обращалась съ нею всегда жесточайшимъ образомъ; она не разъ находилась въ опасности лишиться жизни; одна рука ея, которой она почти не владѣетъ, можетъ еще доказать, какъ далеко мать ея увлекаема была злобою и какъ жестоко она давала оную испытывать.

Когда въ 1753 году дѣвица Семетъ не могла болѣе выдержать дурныхъ поступковъ матери ея съ нею, то рѣшилась оставить ее, и сдѣлала сіе, не зная сама куда идти; другаго ремесла она не знала какъ раскрашивать опахала, а какъ сіе ремесло и самымъ мастерамъ мало приноситъ выгоды, то она не получала и столько, чтобъ пристойно содержать себя; одна знакомая ей работница раздѣляла съ нею постель свою. Въ то время, когда они вмѣстѣ жили, одинъ мущина, знавшій сію работницу, увидѣлъ у нее дѣвицу Семетъ; она ему понравилась, и когда онъ узналъ о ея положеніи, то сдѣлалъ ей предложеніе съ нимъ жить и пользоваться его содержаніемъ. Не знавши что дѣлать, она приняла его предложеніе и заняла вскорѣ потомъ комнату, которую онъ для нее приготовилъ. Въ первые четыре или пять мѣсяцевъ сіе поведеніе ея оставалось скрыто отъ ея матери; но въ одно Воскресенье, когда дѣвица Семетъ шла съ симъ мущиною въ комедію, то встрѣтилась съ матерью своею въ улицѣ Дофине; мать предалась сначала обыкновенной горячности своей; но чрезъ минуту приняла предложеніе идти вмѣстѣ въ театръ; оттуда пошла она къ своей дочери, ужинала и ночевала у нее. Дѣвица Семетъ была беремѣнна; мать ея сіе замѣтила и, казалось, совершенно была занята удовольствіемъ воспитывать дитя, которое ра-

дитея; съ того времяни они часто видались у дочери; при рожденіи перваго младенца она присудствовала, знала также и о двухъ послѣдующихъ родахъ — однимъ словомъ: отъ нее ничего не было скрыто, и совсѣмъ тѣмъ она дочери своей никогда не предлагала помощи, по которой она могла бы отказаться отъ помощи посторонняго человѣка. Госпожа Семетъ посѣщала дочь свою и получала отъ нее посѣщенія, которыя оканчивались весьма дружелюбно даже съ доказательствами любви и дружбы, но нарушались иногда порывами горячности, столько свойственными Госпожѣ Семешъ и составлявшими основаніе нрава ея, которые наконецъ такъ сдѣлались часты, что стали нестерпимы и потому она взяла отъ нее первое дитя свое, которое мать ея хотѣла воспитывать. Сначала мучила и притѣсняла она насъ различнымъ образомъ и наконецъ дошло до совершеннаго разрыва. Тогда начала она съ неописанною злобою чернить дочь свою у всѣхъ своихъ знакомыхъ и вездѣ разсказывать ея исторію, которая весьма не многимъ была извѣстна. Вотъ, по сущей справедливости теченіе всего дѣла, съ которымъ Госпожа Семетъ не можетъ не согласиться. Для предупрежденія всѣхъ новыхъ укоризнъ со стороны, матери, дѣвица Семетъ охотно сознается, что она отъ природы не много вспыльчива, и что при ссорахъ съ нею она не всегда могла воздерживать себя въ границахъ умѣренности и почтенія, которымъ дѣти обязаны матери, какова бы она ни была. — И какое время выбрала Госпожа Семетъ для наказанія ея поведенія, которое она прежде сама одобряла? Не толи, когда дочь ея перемѣняла образъ жизни, ибо она прекратила сов-

сѣмъ непозволенную связь съ симъ человѣкомъ, получа отъ него сумму денегъ, которая привела ее въ состояніе или начать какой нибудь торгъ, или помощію другой какой либо работы пристойно содержать себя? Онъ же съ согласія ея взялъ на себя воспитаніе дѣтей и дитя, находящееся у матери, когда она взята была подъ стражу, хотѣлъ онъ отдать въ Сюренну въ Пансіонъ; и потому дѣвица Семетъ осмѣливается предложить вопросъ: уже ли она такъ виновна, что заслуживаетъ лишиться свободы и быть въ числѣ тѣхъ истинно-нечестивыхъ женщинъ, отъ коихъ должно очищать общество? Она имѣла связь съ однимъ только мущиною, въ объятія коего повергнуться заставило ее нещастное положеніе ея; да и онъ не можетъ найти въ ея поведеніи ничего предосудительнаго; а сосѣди докажутъ, что они жили какъ супруги и что ихъ точно таковыми почитали. Въ семъ положеніи дѣвица Семетъ надеется, что Господинъ Полиціи-Лейтенантъ будетъ благосклоннѣе объ ней думать и изгладитъ изъ воображенія своего ненавистное впечатлѣніе, произведенное въ немъ ея матерью, которая не стыдится доносить на свою дочь въ низкой и жестокой надеждѣ завладѣть малымъ ея имуществомъ. Она ласкается надеждою, что Господину Полицей-Лейтенанту угодно будетъ доставить ей опять свободу, которая такъ нужна теперь для дѣтей ея, участь коихъ была бы ужасна, ежели бы они попали во власть Госпожи Семетъ.



XXIX.

Нѣкоторыя историческія подробности о извѣстной системѣ Лава и отъ того произшедшей такъ называемой Визы (Visa)

Когда Герцогъ Орлеанскій въ Сентябрѣ 1715 года принялъ правленіе, то нашелъ Государственные финансы въ безпорядкѣ, достигшемъ высочайшей степени. Одинъ Шотландецъ, по прозванію Лавъ, большой Ариѳметикъ и вмѣстѣ человѣкъ пылкаго и живаго воображенія, предлагалъ Королю всякаго рода средства для поддержанія финансовъ и началъ прожектомъ учрежденія въ Парижѣ банка; сей прожектъ понравился Принцу и предложенное учрежденіе банка совершилось въ Маіѣ 1716 года; основаніе его состояло изъ 6 миліоновъ, которые доставлены 1200 акціями каждая въ 1000 рейхсталеровъ. Сіе новое учрежденіе имѣлъ такой щастливый успѣхъ, что превзошло даже ожиданіе самаго основателя; вліяніе онаго замѣтно было съ первыхъ дней; ибо скоро возстановленное обращеніе денегъ, которыя до сихъ поръ по общей недовѣрчивости бездѣйственно лежали въ сундукахъ, дало всѣмъ вещамъ новую жизнь и дѣятельность. Въ 1719 году Лавъ купилъ Неверскую гостинницу, въ улицѣ Ришельё, и перевелъ туда банкъ; конюшни подъ большими комнатами и галлереей были опредѣлены и отдѣланы для кассы банка. Лавъ сдѣлалъ купчую на сей домъ въ при-

судствіи своего Нотаріуса и объявилъ притомъ, что пріобрѣлъ оный оборотами банковыхъ денегъ; въ силу сего документа домъ сей принадлежалъ казнѣ и по упадкѣ Лавовой системы перенесена въ оной Королевская Библіотека. Въ бумагѣ всякой ассигнаціи видны были слова: Banque generale (общій банкъ) а на краю каждой изъ нихъ находилось клеймо печати, представляющей женщину, которая лѣвой рукой облакачивалась на пьедесталь, у подножія коего лежалъ опрокинутый рогъ изобилія; въ правой держала она растянутый циркуль. Надпись кругомъ была: Retablissement du credit (возобновленіе кредита), а подъ фигурою написано: Premier Mai 1716 (первое Маія 1716)

4 го Сентября 1718 года просилъ Лавъ, чтобы основанный имъ за два года до сего банкъ, который до сего дня былъ такъ полезенъ переименованъ былъ въ Королевскій банкъ, что Король и исполнилъ, скупя всѣ акціи частныхъ людей; ассигнаціи сего банка были тоже, что наличныя деньги и ихъ принимали въ уплату во всѣхъ казначействахъ, а въ частномъ оборотѣ они были въ такой довѣренности, что всякой старался имѣть ихъ и почиталъ за наличныя деньги. Въ Августѣ 1719 года Вестъ-Индская компанія сдѣлала Королю весьма выгодныя предложенія: она предложила ему въ заемъ 1,200 милліоновъ по три процента съ тѣмъ условіемъ, чтобы Его Величество уполномочилъ компанію занять сіи 1,200 милліоновъ и выдать на оные свои акціи или письменные виды; объявитель коихъ будетъ удовлетворяемъ съ

платою трехъ процентовъ на сто; въ тоже время просила она отдать ей на откупъ Fermes générales, общее чеканіе монетъ на 9 лѣтъ, обязываясь за оный платить 3 милліона 500,000 ливровъ болѣе противъ прежняго откупщика Ламберта.

Публикѣ не понравились actions rentieres компаніи и никто не хотѣлъ брать ихъ; а какъ ссуду 1200 милліоновъ должно было пополнить, то надобно было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ и Лавъ думалъ найти вѣрнѣйшее, учредя новыя акціи, полагая, что они не будутъ вредить старымъ, и потому компаніи позволено было сдѣлать акцій еще на 50 милліоновъ, а 14 дней спустя сумма сія умножена еще 50 милліонами, ибо публика брала ихъ съ прежнею же жадностію. Число сихъ акцій опять было увеличено, а указомъ, отъ 2 Ноября, компанія получила позволеніе выпустить акцій еще на 50 милліоновъ, что и составило съ прежними 150 тысячь акцій, которые должны были доставить компаніи отъ публики 1500 милліоновъ, а какъ сумма сія превышала ссуду Королевскую 300 милліоновъ, то Компанія вызвалась выдать Королю и оныя также за три процента, что и принято указомъ отъ 12 го Октября. Между тѣмъ изъ 1500 милліоновъ, которые Компанія должна была доставить Королю, она въ то время получила не болѣе 70 милліоновъ. Сіи новыя акціи возвышались цѣною ежедневно въ публикѣ и были почти единственные въ торговомъ оборотѣ подъ названіемъ Souscriptions подписки. Подъ симъ разумѣли ассигнацію, объявитель коей имѣлъ право получить акцію Компаніи, заплатя 4500 лив-

ровъ; старыхъ же акцій совсѣмъ почти не покупали, потому что для сего потребна была весьма значительная сумма. Сіи старыя и новыя акціи составляли вмѣстѣ до 300,000 и Компанія должна была имѣть весьма большія барыши, чтобы въ состояніи быть платить проценты, почему и переданы ей были всѣ почти откупы находящіяся прежде въ рукахъ частныхъ людей; наконецъ все завѣдываніе Финансовъ перешло въ руки Компаніи и Лава, который распоряжалъ Компаніею и банкомъ; онъ былъ пожалованъ 5го Января 1720 года въ Генералъ-Контролеры Финансовъ, второй срокъ платежа процентовъ съ сихъ новыхъ акцій, назначенный въ Октябрѣ, отсроченъ до слѣдующаго Ноября съ тѣмъ, чтобы вдругъ заплатить за 3 мѣсяца, что составляло на каждую акцію 1500 ливровъ. Сіе подало поводъ къ чрезвычайному возвышенію акцій, такъ что нѣкоторые давали 5000 ливровъ за акцію, стоявшую только 500.

Торгъ сими бумажками производился въ улицѣ Квинкампоаксъ и всѣ дома въ сей улицѣ были наполнены людьми, имѣвшими настоящія мѣновныя Канторы сихъ акцій; стеченіе народа бывало такъ велико, что принуждены были разставлять караулъ и колоколомъ давать знать, что уже время расходиться. Одинъ бѣдной горбатой, служившій своимъ горбомъ вмѣсто письменнаго столика людямъ, которые не хотѣли терять время на то, чтобъ идти въ Контору, пріобрѣлъ симъ новымъ промысломъ небольшое состояніе. Множество людей обогатились въ короткое время; а изъ провинцій и другихъ мѣстъ иностранныхъ стекались многіе для составленія своего ща-

стія; пріѣзжало такъ много новыхъ экипажей, что въ улицахъ почти не льзя было пройти; а ежели по нещастію карета запрется въ оныхъ, то должна была дожидаться по 5 и 6 часовъ чтобы проѣхать; казалось, что всѣ люди перемѣнили свое состояніе; ихъ нельзя было узнать болѣе, и люди, не имѣвшіе за шесть мѣсяцевъ ни полушки, разъѣзжали теперь въ каретахъ. Октябрь и Ноябрь мѣсяцы 1719 года были временемъ торжества для сего торга. Лавъ пошелъ однажды въ домъ бывшій фасадомъ на улицу Квинкампоаксъ, дабы быть очевиднымъ свидѣтелемъ лихоимства производимаго его акціями; онъ бросилъ денегъ въ народъ, что однакожъ ему причли въ дурную сторону; ибо только Король, или его имянемъ Губернаторъ какого либо города могъ дѣлать оное въ торжественные дни. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ торгъ акціями не много уменшился, потому что приходило время платежа. Лавъ давалъ нѣкоторымъ людямъ задатки, дабы они могли уплачивать. Нѣкоторые уже въ семъ мѣсяцѣ начали брать деньги свои изъ банка, а въ улицѣ Квинкамбоаксъ предлагали нѣкоторые публично банковыя ассигнаціи въ продажу за наличныя деньги. Все сіе казалось предвѣщало упадокъ бумажекъ обоего рода; однакожъ они находили еще заступниковъ, которые утверждали, что обладатель таковой акціи можетъ весьма прилично жить будущимъ ея доходомъ, такъ какъ сіи доходы получаемыми отъ нихъ Компаніей барышами непремѣнно ежегодно должны увеличиваться; тогда же таковая акція приносила доходу не болѣе 360 ливровъ. Въ Іюнѣ 1720 года сіи акціи, приносимыя Компаніи для выкупки, истощили всѣ банковыя ассигнаціи, и ежели бы

выкупка сія не прекратилась, то конечно акціи сіи вдругъ пришли бы въ упадокъ и потеряли кредитъ. Тоже самое произошло бы, ежели бы новыми указами позволенъ былъ выпускъ новыхъ ассигнацій, потому что публика увидѣла бы тогда, что все сіе пустой только торгъ бумажный, и что никогда нельзя надѣяться замѣнить сіи бумажки наличными деньгами. Для предупрежденія сего сдѣлали безъ публичнаго указа выпускъ новыхъ ассигнацій на 1000 милліоновъ; а указы были подписаны Аржансономъ и Штатсъ-Секретаремъ дела Вальеромъ.

Можно по справедливости сказать, что вся Франція была слѣпа цѣлыя три года. До 21 го Маія 1720 года, когда явился извѣстный указъ о уменьшеніи числа ассигнацій, акціи почитали выше всего; ассигнаціи предпочитали наличнымъ деньгамъ, и ежели кто хотѣлъ имѣть ихъ, то должно было платить 3 процента промѣна; но сіи воображаемыя богатства потеряли вдругъ свое достоинство къ концу 1720 года; тогда можно было банковый билетъ въ 1000 ливровъ купить за 50 наличными деньгами.

Давно уже время было прекратить систему, произведшую подъ конецъ въ торговыхъ дѣлахъ такое же недовѣріе, какъ сначала велико и слѣпо было довѣріе. Регентъ рѣшился отнять у Компаніи завѣдываніе Финансами и оставить ей одинъ только табачной откупъ, желая въ тоже время чтобы сіе сдѣлалась съ согласія Компаніи, и такъ объявлено было собраніе, въ коемъ находился Регентъ въ сопровожденіи Господина дѣла Гуссе,

наименованнаго Генералъ-Контролеромъ послѣ Лава, который скрылся. Дѣло сіе нашло большія противорѣчія; но напослѣдокъ рѣшено по желанію Регента къ общему благосостоянію Государства. Въ слѣдствіе сего отняты у кампаніи всѣ откупы, кромѣ табачнаго, такъ какъ и выгоды, получаемыя ею отъ чеканія монеты, которое ей поручено было на 9 лѣтъ, и прежніе откупщики заняли свои мѣста. Компанія дѣлала свои возраженія противъ указа, повелѣвающаго ей дать отчетъ въ дѣлахъ банка. Она съ представленіемъ своихъ возраженій выбрала 9 стряпчихъ для защищенія правъ своихъ; напротивъ того, отъ Правительства назначены были четыре Члена Коммисіи для разбора представляемыхъ сими стряпчими бумагъ.

26го Января Регентъ держалъ тайный совѣтъ въ присутствіи Короля на счетъ акцій и ассигнацій; многіе изъ присутствовавшихъ Принцевъ крови и другіе вельможи подарили кампаніи свои акціи. Генералъ-Контролеръ дела Гуссе предложилъ разборъ состоянія Финансовъ и заключено, чтобъ Индійская кампанія объявила себя должною казнѣ за банковыя ассигнаціи; но такъ, какъ многіе частные лица по общему довѣрію все имѣніе свое положили въ акціи, и потому весьма не справедливо бы было, чтобы они раззорились отъ чрезвычайнаго долга, который кампанія сдѣлала казнѣ; а также весьма несогласно бы было съ справедливостію, чтобъ тѣ, которые промѣняли акцію свою на ассигнаціи и получили ихъ за бездѣлицу или обратили ихъ въ вѣчные доходы, воспользовались нещастіемъ акціонистовъ, которые честно поступали, то должно

было назначить Коммисію, которая бы разсмотрѣла всѣ бумаги и векселя и уничтожила тѣ изъ нихъ, о которыхъ не льзя доказать, что они получены законнымъ образомъ, то есть: или промѣномъ наличныхъ денегъ, или продажею недвижимаго имѣнія.

Сіе предложеніе принято, и Коммисія учреждена для разсмотрѣнія и приведенія къ концу всѣхъ акціевъ, ассигнацій и требованій, имѣющихся на банкѣ, и т. д. Это названо Визою Королевскихъ дѣлъ; всѣ контракты о доходахъ акцій ассигнацій, и тому подобныя бумаги должны были быть представлены въ два мѣсяца и достоинство ихъ разсмотрѣно. — Изобрѣтатель сего плана былъ Господинъ Парисъ старшій, а сію Визу почитали основаніемъ къ приведенію въ порядокъ всѣхъ Государственныхъ долговъ; мысль прекрасная и великолѣпная. Сей предмѣтъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, все добро и имущество Королевства. Ежели кто имѣлъ изъ вышеозначенныхъ доходовъ, тотъ долженъ былъ показать: сколько у него имѣнія и какимъ образомъ получилъ онъ оное. Дабы надежнѣе поступать и точнѣе знать какія пріобрѣтенія сдѣланы во время системы Лава, то приказано было Нотаріусамъ прислать къ Членамъ Визы выписку изъ контрактовъ, которые заключены въ продолженіи сего времяни по движимому и недвижимому имѣніямъ, Королевскіе доходы должно было также объявить Визѣ; Членамъ Коммисіи, выбраннымъ изъ Статскихъ Совѣтниковъ и Сборщиковъ податей, поручена была Виза всѣхъ въ городѣ заключенныхъ контрактовъ и квитанцій въ податяхъ; они приняли на себя также и Визу акцій; у каждой изъ нихъ рав-

нымъ образомъ и у ассигнацій отрѣзывали уголъ. Всѣ сіи дѣла по разсмотрѣніи возвращаемы были Нотаріусамъ, которые ихъ представляли, а показанія владѣльцевъ ихъ тщательно сохранялись.

По окончаніи разбора найдено ассигнацій въ обращеніи на 2 билліона 695 милліоновъ и 400,000 ливровъ изъ нихъ сожжено на 707 милліоновъ 327,460 ливровъ, которые признаны неудобооконченными; люди же, торговавшіе акціями, осуждены были къ заплатѣ 187 милліоновъ 893, 661 ливръ.

Такъ какъ при Визѣ и составленіи окончательныхъ бумагъ нѣкоторыми Членами Коммисіи дѣлались злоупотребленія ко вреду казны и пользѣ общественной, то Король повелѣлъ разсмотрѣть оныя особенной Коммисіи, и 14 человѣкъ были посажены въ Бастилію, изъ коихъ большая часть приговорены Коммисіею къ смертной казни и описанію имѣнія ихъ въ казну; но Король перемѣнилъ четверымъ смертную казнь на пожизненное заточеніе.

Слѣдующій анекдотъ взятъ хотя не изъ Бастильскихъ дѣлъ, но по истинѣ заслуживаетъ здѣсь имѣть мѣсто. Во время торга акціями, на улицѣ Квинкамбоаксъ шайка Картуша имѣла часто случай дѣлать богатыя наживы и не одна, наполненная карманная книжка попадалась имъ въ руки, и потому многіе для большей безопасности не клали уже оныхъ въ карманы, но прятали подъ жилетомъ; хитрые же мошенники придумали и противъ сего средство: всѣхъ, кого они подозрѣвали въ сей предосторожности, умѣли они такъ хорошо окру-

жить и стѣснить, что они подвергались опасности задохнуться; подъ предлогомъ же доставлять имъ свободное дыханіе, они въ ревностномъ своемъ усердіи рвали на нихъ кафтаны и камзолы, и весьма легко догадаться, что карманная книжка находилась тогда въ ихъ рукахъ.

Двумъ акціоннымъ торговцамъ случилось сіе нещастіе въ одинъ день. Одинъ потерялъ книжку съ бумажками на 100,000 талеровъ, а другой на 15,000 ливровъ, у коего все имѣніе состояло въ оныхъ. Когда сей пришелъ въ себя и не сомнѣвался болѣе въ потерѣ своей, то смотрѣлъ печально на сосѣдей, и примѣтилъ одного, коего наружность ему была весьма подозрительна. Не сомнѣваясь ни минуты, чтобы то не былъ воръ его, онъ хватаетъ его за грудь и требуетъ отъ него карманной своей книжки; мошенникъ, потому что онъ точно былъ одинъ изъ нихъ, испугался, и чтобы зажать ротъ буйному своему противнику, поспѣшно отдаетъ ему обѣ книжки; бѣдный обокраденный принялъ ихъ весьма радостно, и, опасаясь новаго плутовства, спѣшилъ удалиться изъ сей опасной улицы въ свою комнату; но какъ велико было его удивленіе, когда онъ открылъ чужой Портфель и нашелъ въ ономъ векселей на 100,000 талеровъ.

Сначала пробѣжалъ онъ сей кладъ съ радостнымъ удивленіемъ и нашелъ, что всѣ сіи билеты и акціи не были надмѣчены и что слѣдовательно онъ можетъ, присвоя ихъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, составить вдругъ свое щастіе; но наконецъ попался

ему въ руки адресъ, по коему онъ съ нѣкоторою вѣроятностію могъ отгадать настоящаго хозяина. Какъ честной, и благородной человѣкъ, онъ ни минуты не остонавливаясь пошелъ съ адресомъ и Портфёлемъ къ хозяину, которому велѣлъ доложить о себѣ; на что ему отвѣчали, что онъ не можетъ говорить съ нимъ теперь, потому что при смерти болѣнъ; но онъ такъ настоятельно требовалъ сего, что жена больнаго, по увѣдомленіи ея мужа о томъ, ввела его въ комнату къ нему, гдѣ сей лежалъ почти безъ всякой надежды. „Прошу извинить, Государь мой, „началъ посѣтитель" не потеряли ли вы сего дня Портфель, и, можетъ быть, не узнаете ли вы его?" Ахъ, точно такъ, Государь мой, точно такъ, вскричалъ больной, которому сіе извѣстіе, казалось, придавало новыя силы. „Вотъ здѣсь одинъ" продолжалъ первой, показывая ему свой „не вашъ ли онъ?" О нѣтъ! это не онъ. — „Или этотъ?" Да это онъ, это мой Портфель, въ немъ заключается все мое имѣніе; но какимъ чудомъ? — Такъ какъ это ваша собственность, то и принадлежитъ вамъ по праву; а я почитаю себя весьма щастливымъ, что могу возвратить вамъ благосостояніе и здоровье ваше. Больной просилъ разсказать какимъ образомъ Портфель его попался въ руки такого честнаго человѣка, и употреблялъ все свое краснорѣчіе къ убѣжденію честнаго находчика, чтобы онъ взялъ въ награжденіе рѣдкаго своего великодушія покрайнѣй мѣрѣ третью часть найденнаго; но едва могъ уговорить его принять небольшія карманныя часы, которыя висѣли у его постели.

КОНЕЦЪ.